

ВЕСТНИК КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Научный журнал

3 (51) 2017

До 13.10.2016 выходил под названием

ВЕСТНИК ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
ISSN 1815-9176

Включен в Перечень ведущих научных рецензируемых изданий
(действует с 1 декабря 2015 г.)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-67440 от 13.10.2016
Издается с 2002 г.

Учредитель
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«**Челябинский государственный
институт культуры**»

Публикуются материалы
по следующим группам специальностей:
05.25.00 Документальная информация,
24.00.00 Культурология,
17.00.00 Искусствоведение

Все права на материалы,
опубликованные в номере,
принадлежат журналу.
Перепечатка публикаций
без разрешения редакции запрещена.
Статьи рецензируются.

Подписной индекс журнала
в объединенном каталоге «Пресса России»
48677

Главный редактор
Рушанин Владимир Яковлевич
Зам. главного редактора
Синецкий Сергей Борисович
Шеф-редактор
Берестова Татьяна Федоровна
Ответственный редактор
Макарычева Вера Александровна

Редакция журнала
Редакторы: Е. В. Боже, А. В. Лапушкина

Перевод В. Б. Мещерякова
Дизайн обложки А. Н. Худяковой

Адрес редакции: Российская Федерация,
454091, г. Челябинск,
ул. Орджоникидзе, 36а, к. 201

Тел./факс: (351) 263-28-45, 263-94-67;
e-mail: vestnik@chgaki.ru,
science@chgaki.ru;
URL: jwr.chgaki.ru

Отпечатано: г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а,
к. 3602

© Челябинский государственный
институт культуры, 2017

ISSN 2542-0917

Состав редакционного совета журнала

Колпин Константин Константинович (председатель) – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии глобальных исследований, президент Аналитического центра стратегических исследований «СОКОЛ». Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, главный научный сотрудник (Москва)

Берестова Татьяна Фёдоровна – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный работник культуры РФ. Челябинский государственный институт культуры, кафедра туризма и музееведения (Челябинск)

Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО (Москва)

Имханицкий Михаил Иосифович – доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РФ. Российская академия музыки им. Гнесиных, профессор кафедры баяна и аккордеона (Москва)

Люттов Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор. Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН, заведующий лабораторией книговедения (Новосибирск)

Мацевский Игорь Владимирович – доктор искусствоведения, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации ООН, заслуженный деятель искусств Украины и Польши, член Международного совета традиционной музыки (ИСТМ). Российский институт истории искусств, заведующий сектором инструментоведения (Санкт-Петербург)

Павловская Елена Юрьевна – кандидат технических наук, профессор. Софийский университет имени Св. Климента Охридского (София, Болгария)

Скульмовская Любовь Григорьевна – доктор социологических наук, профессор. Тюменский государственный институт культуры, кафедра социально-культурной деятельности, культурологии и социологии (Тюмень)

Соколов Аркадий Васильевич – доктор педагогических наук, кандидат технических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Санкт-Петербургский государственный институт культуры, советник ректората (Санкт-Петербург)

Столяров Юрий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор. ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, главный научный сотрудник Центра исследований книжной культуры (Москва)

Урсул Аркадий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии наук Молдавии. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, директор Центра глобальных исследований, профессор факультета глобальных процессов (Москва)

Редколлегия

Рушанин Владимир Яковлевич (председатель) – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Челябинский государственный институт культуры, ректор

Апухтина Нина Георгиевна – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Челябинский государственный институт культуры, кафедра философских наук. Южно-Уральский государственный университет, кафедра философии

Аскарова Виолетта Яковлевна – доктор филологических наук, профессор. Челябинский государственный институт культуры, кафедра библиотечно-информационной деятельности

Бьчков Владимир Васильевич – доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РФ. Челябинский государственный институт культуры, кафедра эстрадно-оркестрового творчества

Загидуллина Марина Викторовна – доктор филологических наук, профессор. Челябинский государственный университет, кафедра журналистики и массовых коммуникаций

Зубанова Людмила Борисовна – доктор культурологии, профессор. Челябинский государственный институт культуры, заведующая кафедрой культурологии и социологии

Калужских Елена Васильевна – кандидат педагогических наук, профессор, действительный член Международной педагогической академии. Челябинский государственный институт культуры, заведующая кафедрой театрального искусства

Лазарева Людмила Николаевна – кандидат педагогических наук. Челябинский государственный институт культуры, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников

Невелева Вера Сергеевна – доктор философских наук, профессор. Челябинский государственный институт культуры, заведующая кафедрой философских наук

Рубанова Татьяна Давыдовна – доктор педагогических наук, профессор. Челябинский государственный институт культуры, кафедра документоведения и издательского дела

Синецкий Сергей Борисович – доктор культурологии. Челябинский государственный институт культуры, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе

Смирнов Борис Фёдорович – доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Челябинский государственный институт культуры, кафедра народных инструментов и оркестрового дирижирования

Суленёва Наталья Васильевна – доктор культурологии. Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, профессор кафедры актерского мастерства. Российский государственный институт сценических искусств, профессор кафедры сценической речи (Санкт-Петербург)

Толстиков Виталий Семёнович – доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Челябинский государственный институт культуры, заведующий кафедрой истории

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ НАУКИ

<i>Андреева И. В.</i> Музейный предмет как документ: к истокам документивной концепции музееведения.....	7
<i>Вихрева Г. М., Федотова О. П.</i> Современные философско-мировоззренческие концепции в дискурсе нового библиотековедческого знания.....	16
<i>Тараненко Л. Г.</i> Эволюция содержания понятия «библиотечное краеведение».....	23
<i>Лаврова К. Б.</i> Конструирование предметно-пространственной среды советской библиотеки в 1920-е гг.	32
СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ	
<i>Овчинникова З. А.</i> Музей в контексте социально-культурных трансформаций информационного общества.....	43
<i>Михайлова А. В.</i> Анализ веб-страниц библиотек институтов культуры как инструмента реализации внешнего направления интеграции информационно-образовательных ресурсов.....	49

РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Шуб М. Л.</i> Теоретико-методологические основания культурологического подхода к осмыслению прошлого	61
К ЮБИЛЕЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	
<i>Триодин В. Е.</i> Эволюционный держите шаг	68
ДИСКУССИИ	
<i>Урсул А. Д.</i> Несколько замечаний о ноосфере	78
<i>Флиер А. Я.</i> Не стоит сказку делать былью.....	87
СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ	
<i>Хафизов Д. М.</i> От зрителя – к читателю: экранизация книги как средство формирования читательской моды в молодежной среде	91
<i>Кособуцкая Н. Ю.</i> Концептуальное наполнение феномена «культурная память»	99

РАЗДЕЛ III. ИСКУССТВОВЗНАНИЕ

<i>Ан С. А., Костерина М. Г.</i> Феномен «совершенства незавершенного» в русской православной иконе	107
<i>Киуру К. В.</i> Визуальный миф в идеологическом нарративе: репрезентация в советском монументальном искусстве.....	113

Серикова Т. Ю. Проблема построения субъективной реальности в искусстве
(на примере творчества Александра Сурикова) 119

Сафонова Н. А. Функциональное определение музыкальных жанров
свадебно-обрядового комплекса Челябинской области 128

СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Евдокимова Н. К. «Музыка – математика – психология»: исследовательская лаборатория в Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского (1970–1980-е гг.)..... 134

Тихомирова А. Б. Функции тембра в сонористических симфониях А. Тертеряна 139

DIGEST

Gushul IU. The best story competition as a means to actively promote reading 145

НАУЧНЫЙ ПРОФИЛЬ

К 65-летию В. Я. Рушанина

Грани одной личности... *Синецкий С. Б.* 153

К 80-летию В. С. Толстикова

Ученый с мировым именем. *Терехов А. Н., Тищенко Е. В.* 159

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

О новых изданиях..... 165

Сведения об авторах 170

Правила рецензирования и опубликования научных статей 172

CONTENTS

PART I. INFORMATION AND COMMUNICATION SCIENCES

<i>Andreeva I.</i> Museum object as a document: to the origins of the documentary concept of museology	7
<i>Vihreva G., Fedotova O.</i> Modern philosophic-ideological concepts in the discourse of a new library science	16
<i>Taranenko L.</i> “Library local history” term content evolution	23
<i>Lavrova K.</i> Projection of objective-spatial environment of the soviet library in 1920s	32
SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS	
<i>Ovchinnikova Z.</i> The museum in the context of social and cultural transformations in the information society	43
<i>Mikhailova A.</i> Culture institutes libraries’ web pages analysis as an instrument of information and education resources integration external direction implementation	49

PART II. CULTUROLOGY

<i>Shub M.</i> Theoretical and methodological grounds of culturological approach to understanding of the past	61
TO THE JUBILEE OF OCTOBER REVOLUTION	
<i>Triodin V.</i> Keep in an evolutionary step	68
DISCUSSIONS	
<i>Ursul A.</i> Some remarks about noosphere	78
<i>Flier A.</i> You shouldn't turn this dream into reality	87
SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS	
<i>Khafizov D.</i> From the spectator – to the reader: book’s film version as a means of young readers fashion formation	91
<i>Kosobutskaya N.</i> “Cultural memory” phenomenon conceptual interpretation	99

PART III. ART STUDY

<i>An S., Kosterina M.</i> “Perfection of uncompleted” in Russian orthodox icon painting	107
<i>Kiuru K.</i> Visual myth in ideological narrative: representation in soviet monumental art	113
<i>Serikova T.</i> Problem of formation of subjective reality in art (on the example of Alexander Surikov creative activity)	119
<i>Safonova N.</i> Functional definition of musical genres wedding-ceremonial complex of the Chelyabinsk region	128
SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS	
<i>Evdokimova N.</i> “Music – mathematics – psychology”: a research laboratory in the Ural State Mussorgsky Conservatoire (1970–1980s)	134
<i>Tikhomirova A.</i> The function of timbre in sonoristic symphonies of A. Terterian	139

DIGEST

Gushul IU. The best story competition as a means to actively promote reading	145
--	-----

SCIENTIFIC PROFILE

TO THE 65-th ANNIVERSARY OF V. RUSHANIN	
Characteristics of one personality... <i>Sinetskii S.</i>	153
TO THE 80-th ANNIVERSARY OF V. TOLSTIKOV	
A scientist of world reputation. <i>Terekhov A., Tishchenko E.</i>	159

SCIENTIFIC LIFE OF THE CHELYABINSK STATE INSTITUTE OF CULTURE AND ARTS

New publication	165
Authors	170
Rules of review and publication of scientific articles	172

Раздел I

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ
И КОММУНИКАЦИОННЫЕ
НАУКИ**

МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ КАК ДОКУМЕНТ: К ИСТОКАМ ДОКУМЕНТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Документивная концепция является результатом изучения общей теории, которая объединяет библиотековедение, библиографоведение, книговедение, архивоведение и, по мнению некоторых теоретиков данных дисциплин, музееведение. Упомянутые дисциплины получили название документо-коммуникационных наук, так как они связаны с коммуникацией документа в обществе. Области пересечения их теории исследователи проблематики документа предлагают рассматривать в качестве самостоятельной науки. Международный стандарт ISO 5127-2001 «Информация и документация» определяет документ как любой объект, с помощью которого можно получить информацию, но только в той ситуации, когда он включается в документационный процесс. Таким образом, международным стандартом в число документов были включены и трехмерные объекты. Современные документологи разделяют точку зрения Ю. Н. Столярова об относительности документа и необходимости разработки термина в каждой дисциплинарной области. В музееведении термин «документ» используется только на уровне быдленного словоупотребления, тогда как его разработка на уровне теоретической абстракции открывает перспективы применения документивной концепции к изучению проблем прежде всего музейного предмета. В статье проанализированы работы донаучного периода развития отечественного музееведения (XVIII – XIX вв.), позволяющие зафиксировать исторически первичные формы осмысления феномена музейного документа. Многочисленные инструкции, проекты, программы исследований и создания музеев предполагали выявление «древностей», памятников, «натуралий», произведений живописи и ваяния, а также создание моделей, копий, слепков для последующего извлечения информации и развития профильных наук. В дальнейшем они включались в новые документивные системы – коллекции, музейные фонды и экспозиции, с помощью которых решались новые социальные задачи.

Ключевые слова: музееведение, документо-коммуникационные науки, документ, музейный предмет, музейный документ, преднаука, музееведческая мысль XVIII – XIX вв.

Для цитирования: Андреева, И. В. Музейный предмет как документ: к истокам документивной концепции музееведения / И. В. Андреева // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 7–15.

Среди многообразных подходов к изучению музейного предмета в истории и теории музеологии¹ документивная концепция до сих пор не рассматривалась. Возможно, потому, что сформировалась она в системе смежных документо-коммуникационных наук, включающих библиотековедение, библиографоведение, книговедение, архивоведение и, по мнению некоторых теоретиков данных дисциплин, музееведение. Сразу надо оговорить, что их объединение в комплекс наук официально формализовано только на уровне орга-

низации факультетов документальных коммуникаций вузов культуры, в которых реализуются образовательные программы по данным направлениям. Гораздо более существенным фактором объединения являются исследования в общем проблемном поле теории коммуникации документа. Авторы работ в данной области придают ей значение метатеории, делегируя статус теоретической дисциплины, называемой в дискуссионных статьях «документальной коммуникологией» или «коммуникативной документивистикой» [2; 11; 15].

В 1990-е гг. в работах библиографа О. П. Коршунова было определено соотношение понятий *информация* и *документ* [5]. До-

¹ Обзор основных тенденций, подходов и концепций к изучению музейного предмета см., например: [13].

кумент выступает как формообразующая система информации, поскольку сама информация с философской точки зрения – это «средство выражения смыслов в форме коммуникабельных знаков» [12, с. 301] (а не материализованная субстанция в виде сведений или данных, как принято считать на обыденном уровне). Документ и есть одно из таких средств. Поэтому коммуникации документа рассматриваются в системе информационных коммуникаций, а они в свою очередь – в системе коммуникаций социальных. Как видим, документоцентристская парадигма, начало формированию которой было положено О. П. Коршуновым, руководствуется иным способом теоретического воспроизведения объекта исследования, нежели методология культурологического подхода, принятая в современной музеологии. Это не значит, однако, что она не располагает эвристическим потенциалом для исследования проблем музейности.

Развивая теорию документа на основе широкого определения международного стандарта ISO 5127-2001 «Информация и документация»¹, документологи включают в сферу своего внимания и музейные предметы. Согласно их выводам, документом является любой объект, с помощью которого можно получить информацию, но только в той ситуации, когда он включается в семантический процесс, т. е. когда он представляет интерес для субъекта с информационной точки зрения. Этот принцип отграничения документа от «недокумента» получил название «теории относительности документа», разработанной одним из ведущих исследователей документологических проблем Ю. Н. Столяровым [16]. Анализируя библиотечный, архивный, музейный документы, ученые смежных дисциплин приходят к выводу, что «именно музейные предметы (и объекты культуры, и природные объекты) полностью подходят под определение документа ISO» [10, с. 92], хотя как раз они-то

в большинстве своем изначально создавались для иных целей, нежели фиксация и/или трансляция информации². Аналогичное умозаключение находим в наследии ведущего музеолога чешской школы З. Странского, писавшего, что музейные предметы с онтологической точки зрения совпадают с предметами реального мира, но «различаются с точки зрения семантики» [Цит. по: 6, с. 147]. А также в недавних размышлениях петербургского культуролога А. А. Никоновой, которая приходит к выводу об «изначальной “относительности” музейного предмета» [8, с. 71]. В этом контексте вполне уместным и своевременным выглядит предложение профессора Ю. Н. Столярова, чтобы каждая дисциплина, имеющая дело с документом и оперирующая этим понятием, вырабатывала определение, специфичное для ее области применения. В своих размышлениях автор подчеркивает, что наряду с общими, закрепленными в международном стандарте, признаками документа в дисциплинарном понятии должно быть определено «предельно конкретное содержание» [14, с. 136], обусловленное спецификой документивных процессов конкретной отрасли.

Несмотря на то, что музееведение часто прибегает к использованию понятия *документ* (как правило, либо в его обыденном значении – применительно к документам юридического характера; либо в метафорическом, близком этимологии слова – как «доказательству, свидетельству»), целесообразность введения *музейного документа* как термина абстрактного языка науки неочевидна. В поисках ответа на вопрос «нужен ли музеологии термин “документ”?» обратимся к предистории науки – времени зарождения первых музеологических идей, когда слова *информация*, *документ*, *музейный предмет*, *коллекция* попросту отсутствовали в лексиконе людей, которые формировали первые коллекционные собрания, разрабатывали музейные проекты и

¹ «Документ – записанная информация или материальный объект, которые могут расцениваться как единица документационного процесса». См: ISO 5127-2001 «Информация и документация» [Цит. по: 16, с. 77].

² Не будет лишним напомнить, что первоначальная версия стандарта ISO «Информация и документация» не включала трехмерные объекты. Главы, посвященные музейным предметам как документам, были добавлены в него уже после выхода трех печатных версий в 1983, 1988 и 1989 гг. См.: [6, с. 113].

инициировали создание первых музеев в России. Это позволит зафиксировать исторически первичные формы осмысления феномена музейного документа, хотя и не даст представления о генетически исходном моменте его происхождения.

В Европе период допарадигмального развития музеологии (или донаучного, согласно периодизации З. Странского) датируется XVI – концом XIX в. [1], когда концептуальные рамки профильной дисциплины были достаточными для организации музейных коллекций и работы с ними. Музеология формировалась как прикладная дисциплина, руководствовавшаяся нормами и стандартами профильной науки, прежде всего – методами научной классификации и систематизации. В России эти процессы начались несколько позже – в период правления Петра Великого, но верхняя граница периода синхронизирована с европейским опытом. Конец XIX – начало XX в. – время не только создания крупнейших музеев общероссийского значения и формирования сети провинциальных музеев, но и бурной музеологической рефлексии, профессионализации музейного сектора, проведения первого профессионального форума – Предварительного съезда по устройству Первого Всероссийского съезда деятелей музеев (1912 г.), появления первого профессионального журнала, что «позволяет констатировать зарождение отечественного музееведения» [7, с. 329] или, как тогда говорили, «музееведения». «Точки роста» этих процессов сформировались на этапе преднауки в виде первых законодательных актов, направленных на поиск и сохранение «древностей», формирования музеев и развития частных коллекций, а главное – разработки музейных идей, программ, проектов. Вышедший в 2010 г. сборник документов и материалов по истории музееведческой мысли в России [Там же] дает возможность воссоздания не только панорамы музееведческой мысли, но и анализа отдельных аспектов развития теории. Сосредоточимся на документивном ракурсе размышлений людей, стоявших у истоков музейной науки и пользова-

вшихся в ту пору словами *древности, достопамятности, памятники* для обозначения материальных объектов, с помощью которых можно получить какую-либо информацию¹. Примечательно, что именно в это время трехмерные объекты (прежде всего предметы археологии) начинают рассматриваться в качестве источников, достойных внимания историка. «У нас со времен Карамзина, – писал К. М. Бэр в 1862 г., – ревностно занимаются тою частью отечественной истории, которая основывается на письменных памятниках; но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, представляет еще сырой неразработанный материал» [7, с. 273].

Музеологическое наследие деятелей XVIII в. в большинстве своем представлено деловой перепиской, отчетами, инструкциями, путевыми дневниками, проектами государственных деятелей, историков, географов иностранного происхождения. До поступления на службу российскому престолу они не только получили образование в европейских университетах, но и наверняка были хорошо осведомлены о состоянии музейного дела в Европе (на тот момент уже оформившегося музейного мира, включавшего галереи, естественно-научные кабинеты, кунсткамеры), а также знакомы с первыми трактатами и музеографическими сочинениями. Способствовали этому и заграничные деловые поездки, и составление собственных коллекций, и возможность продолжительного проживания за рубежом. Таким образом, получая поручения государственного значения, они могли экстраполировать европейский опыт в российскую практику, совмещая чужеродные новации с традициями российской культуры. Обзор европейских музеев с конкретными практическими рекомендациями о развитии

¹ На протяжении XVIII в. термин *документ* активно внедрялся в делопроизводственную сферу России как альтернатива *грамоте* и *бумаге*. В мировой практике утверждение документа как собирательного понятия для всех источников информации произошло в 1895 г., когда бельгийский ученый П. Отле, которого принято называть «пионером информатики», предложил считать документом любую зафиксированную мысль. Он же стал инициатором создания новой науки «книго-музее-архивоведение», предвосхитив поиски современных документологов. См., например: [9; 14, с. 49–50].

коллекций Петербургской Кунсткамеры был представлен, например, в «Отчете, поднесенном Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 годах» [7, с. 30–40]. А спустя столетие член Румянцевского кружка Б. Г. Вихман опубликовал проект создания Российского Отечественного музея, который открывался перечнем аналогичных «заведений, находящихся почти у границ России» [Там же, с. 184–199].

Программы формирования коллекций, как правило, составляют существенную часть программ и инструкций полевых исследований по изучению отдаленных территорий России (в первую очередь Сибири). «...Таковыми исследованиями мы можем, некоторым образом, извлекать удовольствие и пользу из самого праха, заставляя оный свидетельствовать нам о временах прошедших и воскрешая давно забытую память людей и народов» [Там же, с. 203–204], – делился «мыслями относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» археолог И. А. Стемповский. В XVIII в. программы и инструкции составлялись как для организации экспедиций, так и для сбора информации с помощью отчетов воеводских контор по специально разработанным «вопросным пунктам». Важно, что уже в послепетровский период происходит осознание «пользы» истории, прежде всего ее нравственного значения. Автор первой масштабной программы по изучению страны (1737 г.) историк, географ, государственный деятель В. Н. Татищев аргументировал смысл и необходимость сбора «обстоятельных известий» от губерний и городов необходимостью создания фундаментальной истории для того, чтобы «сердцем увеселяясь в действиях добрых, видя из того похвалу и честь предков, желание возымеем тому подражать и, себя обучая, к тому предуготовляем» [Там же, с. 56]. В число необходимых «известий», помимо описательных наблюдений, он включил и «подземности» (минералы и прочие натурфакты), и «древние письмена и обретенные давности», и «дивное или видения достойное в церквах <...>, или что за древность, или за хорошую работу, или по природе за дивное почита-

ется и хранится», а также «старинные вещи дивные и ко изъяснению гистории весьма полезные» [Там же, с. 64–66], к последним отнесены были прежде всего предметы погребального культа. Круг «древностей», ранее означенный в петровских указах, заметно расширился. Татищев четко указал на информационную природу семантического процесса, в котором происходит преобразование вещи в документ – она должна стать объектом извлечения многоуровневой информации: быть «полезной» к «изъяснению гистории», т. е. служить историческим источником; свидетельствовать о «хорошей работе» – мастерстве изготовителя; содержать информацию о символических ценностях, характерную для ритуальных предметов, хранящихся в церквах или найденных в захоронениях. Неочевидность закодированной в предметах информации (а иногда и ее полная неясность) требовала разработки специальной методики документоописания и создания вторичных, целенаправленно сформированных документов. Так, в отношении «каменных болванов или камней с надписями» воеводам «и протчим управителям» предписывалось найти живописца, а тому – «искусно на бумагу срисовать», «назnamenовать» и описать их «меру и цвет» [Там же, с. 64–66].

Историк, археолог Г. Ф. Миллер, последовавший примеру В. Н. Татищева, в аналогичной «Инструкции...» [Там же, с. 70–79] для полевого исследования Сибири (1740 г.) также пишет о необходимости обращать внимание на все, что может послужить «к разъяснению древней истории». Он дает подробные указания относительно известных ему «замечательных исторических памятников» (Миллер употребляет это понятие в отношении археологических объектов) и «удобно-перевозимых древностей» («движимых памятников истории и культур», – как значит в одном из современных определений музейного предмета). Для их исследования на месте обнаружения автор разрабатывает подробный вопросник, требует тщательной фиксации сведений, причем не только в форме описаний, рисунков, но и всего, «что можно узнать из рассказов лю-

дей». Таким образом, артефакты, на которые обращает внимание автор «Инструкции...», изначально не были объектами информационного обмена. В процессе общественной практики они помимо утилитарного приобретали символическое значение, духовную биографию, в системе коммуникации реализовывали знаковую сущность. Обратившись в древности в «прах», они снова стали единицами документационного процесса: в результате общественной практики особого типа прошли путь от документа к музейному документу в результате целенаправленного поиска, выявления, отбора, описания и изъятия из среды бытования, технологию которого так тщательно стремился разработать историк Миллер.

Аналогичный путь к обретению статуса документа проходят и натурфакты. Уже в первой половине XIX в. Т. К. Зан, «устроитель музея» при Неплюевском военном училище в Оренбурге, характеризуя коллекционирование натуралей, со свойственной ему публицистичностью подчеркнул прежде всего их источниковое значение: «Члены и частицы земного великана <...> со всем миром животных, к ним принадлежащих, могут свидетельствовать о началах и судьбе человечества, как безмолвные, но понятные памятники» [7, с. 225]. Первым документом о коллекционировании натуралей была разработанная в 1761 г. первым русским академиком М. В. Ломоносовым Инструкция «[О собирании образцов минералов]» [Там же, с. 104–108]. Масштабный проект исследования «минеральной натуральной истории» был необходим не только для «общего приращения наук» («чтобы знать внутренность российской подземной природы»), но и «для приращения государственного богатства, могущества и славы» [Там же, с. 104–108]. И все же главная задача заключалась в получении и систематизации знаний в области минералогии, которые ученый-естествоиспытатель намеревался обобщить в фундаментальном труде «Российская минералогия». Коллекция была необходима в качестве источниковой базы развития науки, поэтому большое значение имели не только образцы различных пород, но и их

представление с «полезным намерением»: например, в комплекте с образцами почв, сопутствующими породами, палеонтологическими останками, а также в сопровождении подробных реестров, указывающих место обнаружения, глубину залегания и прочие сведения. Образцы, прибывающие в Санкт-Петербург на заводских подводах или «с надежными попутчиками», несомненно, имели статус документов, в отличие от груды подобных камней или рудного сырья на месте их изъятия.

В 1813 г. ученый-ботаник доктор медицины Х. Х. Стевен представил на утверждение «План Экономо-ботаническому Саду на южном берегу Тавриды под деревнею Никитою» [Там же, с. 160–169]. Спустя некоторое время его автору удалось создать один из старейших в Европе Ботанический сад «для познания всех различных видов [дерев, кустов и трав] по наружным их признакам и по образу хождения за ними» [Там же, с. 161]. Уже сам факт посадки нескольких тысяч видов растений «по классам и родам», сопровождения растительных образцов «ярлыком с ботаническим именем» делал каждый из них документом особого рода.

Казалось бы, в меньшей степени к размышлениям о музейном документе относятся произведения искусства. Действительно, по наблюдениям автора записок о коллекционировании картин в России Я. Штелина [Там же, с. 86–102], в допетровское время живописные произведения использовались главным образом для меблировки домов. В то время художественные произведения в интерьерах особняков российской аристократии, отдававшей предпочтение декоративности шпалерной развески, вряд ли можно было бы рассматривать в качестве документов. «Произведение искусства лишается здесь своего единичного, индивидуального значения и переосмысливается как декоративный элемент» [3, с. 77], – констатирует современный исследователь феномена художественного музея доктор культурологии Т. П. Калугина. Но уже в первом российском печатном каталоге частной художественной коллекции его автор – граф А. С. Строганов – обращался к «истинным Любителям»

искусства, не только движимый желанием поделиться чувством искренней любви и страстью собирательства, но и намерением передать «необходимые знания, чтобы действительно наслаждаться плодами таланта и уметь здраво их оценивать» [7, с. 146]. Эти знания он приобретал прежде всего «наедине со своим коллекциями», и в эти моменты созерцания каждое произведение, как и отдельные коллекции, и вся галерея в целом, наверняка становились и источником чувственного наслаждения, и средством рационального познания.

В XIX в. эти мысли о значении научной организации художественных собраний, перспективах их преобразования в публичные музеи и важности воссоздания «видимой истории искусств» как принципе организации экспозиции будут развивать П. П. Свиньин, З. А. Волконская, Е. Д. Тюрин. Княгиня З. А. Волконская, живя в Риме и апеллируя к музейному опыту Европы, планировала разместить гипсовые слепки и копии в Эстетическом музее при Императорском Московском университете в «историческом порядке», «так, чтобы прогулка по галерее статуй живо олицетворяла для нас историю Ваяния от начала до наших времен» [Там же, с. 233]. В качестве музейных документов в проекте Волконской выступали различные виды воспроизведений: с помощью копий, гипсовых слепков и макетов она предлагала «в миниатюре представить все сокровища искусства и древности» [Там же]. Эта практика к тому времени уже была веками апробирована опытом частного коллекционирования и музеями европейских университетов. «Уже в древности, в Римскую эпоху, – пишет А. А. Никонова, – прослеживается приоритет идеального носителя. Копия как знак памятника полностью заменяла его и осмыслялась как идентичная. Она осознавалась не как самоценная, а как излучающая “полную” информацию о подлиннике и в то же время имела дополнительную информацию, становясь знаком, маркером существования аутентичного предмета» [8, с. 69].

Подводя итог, отметим, что и цитированные в данной статье, и оставшиеся за скобками деятели русской науки и культуры (Д. Г. Мессер-

шмидт, П.-С. Паллас, Ф. П. Аделунг, Б. Г. Вихман, К. М. Бэр и др.) в своих планах, инструкциях и проектах разрабатывали четкие параметры семантических процессов, в результате чего предметы становились не просто документами, а именно *музейными* документами, так как, с одной стороны, они «характеризовали специфическое отношение между человеком и действительностью, которое выражается посредством документирования того, что реально и можно постичь прямым чувственным контактом» [4], с другой – неисчислимо многообразии предметов и объектов живой и неживой природы, а также социального мира, становясь документами, включались в искусственно созданные документивные системы – музейные фонды, коллекции и экспозиции, помещаемые в специальные пространства, параметры которых также оказывали влияние на развитие этих систем. Систематизированные «по классам и родам» предметы коллекций становились эмпирическим материалом, подвергавшимся дальнейшей аналитико-синтетической обработке. Благодаря исследованиям с помощью методов профильных наук они давали «понятие о свойствах, виде» [7, с. 266]. Кроме того, коллекции моделировали мир – давали «изображение миниатюрное, но живое, подражаемое» [Там же, с. 228] и становились источником синтеза – генерации общих идей. «Множество и разнообразие предметов сотворило много впечатлений, которые в умственных способностях возбудили новую и обширную деятельность, <...> представили предметы и способы для сравнений, доказательств, суждений и сделались плодотворной стихией истин новых, общих...» [Там же, с. 266], – писал Т. К. Зан.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что музейное знание в сфере отечественного музейного дела в XVIII – XIX вв. формируется вокруг концепта «коллекция» и составляющих ее элементов. Коллекционные собрания создаются на основе документов – «древностей», памятников, «натуральной», произведений живописи и ваяния, рассматривающихся как «неисчерпаемый источник для

пополнения всех частей познаний человеческих» [7, с. 172]. Ряд авторов проанализированных источников в качестве их документивных аналогов рассматривает также копии, гипсовые слепки, макеты, модели – вторичные документы, которым отводится просветительская роль. Эта четкая артикуляция информационной функции объектов коллекционирования дает основания для объединения всего их многообразия общим знаменателем – понятием *музейный документ*. Осмелюсь предположить, что именно документивные установки авторов проектов, программ, инструкций позволяют подвести черту под периодом протомузейного коллекционирования. Их уже не интересуют «другие предметы» – «самые редкие и необыкновенные» [7, с. 228], еще совсем недавно, при Петре I, приобретающиеся «не ради пользы, а ради курьезности» [Там же, с. 70]. Предмет становится сначала документом, а затем и музейным документом, проходя через стадии

фиксации внимания исследователя; выделения его в качестве объекта распознавания; «выяснения всех обстоятельств, сопровождавших самое нахождение» [Там же, с. 271] (иначе находки «потеряют половину цены своей для потомков» [Там же, с. 204]); фиксацию сведений и создания «документа о документе» (документа вторичного порядка); определение его места в искусственно сформированной документивной системе. Избыточная, на первый взгляд, детализация инструкций давала представление о том, что технология работы над созданием музейного документа требует программной формализации, подготовленных исполнителей, специального методического инструментария и инвентаря. Разработка этой технологии станет задачей и делом следующего периода, когда музейный мир России обретет черты узнаваемой и сегодня картины и когда для идентификации музейного документа появятся новые слова и термины.

1. Ананьев, В. Г. К вопросу о периодизации музеологии / В. Г. Ананьев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 38–42.
2. Берестова, Т. Ф. О законах и закономерностях в информационной и документально-коммуникационной сферах (отклик на статью А. В. Соколова) / Т. Ф. Берестова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – №1 (17). – С. 15–19.
3. Калугина, Т. П. Художественный музей как феномен культуры / Т. П. Калугина. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2008. – 244 с.
4. Ключевые понятия музеологии [Электронный ресурс] / сост. Andre Desvallees, Francois Mairesse ; пер. на рус. яз. А. В. Урядниковой. – Москва, 2012. – Режим доступа : <https://docviewer.yandex.ru/view/68599051/?>.
5. Коршунов, О. П. Система документальных коммуникаций (СДК) / О. П. Коршунов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2003. – № 2. – С. 121–126.
6. Менш, П. ван. К методологии музеологии / П. ван Менш // Вопросы музеологии. – 2014. – № 1 (9). – С. 15–291.
7. Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулёпова. – Москва : Этерна, 2010. – 960 с., ил.
8. Никонова, А. А. Энигма музейного предмета / А. А. Никонова // Философия музея : учеб. пособие / под ред. М. Б. Пиотровского. – Москва, 2014. – С. 62–71.
9. Отле, П. Библиотека, библиография, документация : избранные труды пионера информатики / П. Отле; предисл., сост. Р. С. Гиляревского. – Москва : ФАИР-ПРЕСС : Пашков дом, 2004. – 350 с.
10. Полтавская, Е. И. Схематизация понятий как метод исследования: документо-коммуникационный аспект / Е. И. Полтавская. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2014. – 312 с.
11. Соколов, А. В. Детерминизм и деонтология в документной коммуникационной системе (постановка проблемы) / А. В. Соколов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – № 4 (16). – С. 6–34.
12. Соколов, А. В. Философия информации : учеб. пособие / А. В. Соколов. – Челябинск, 2011. – 454 с.

13. Старинкова, Е. В. Музейный предмет как текст культуры : дис. ... канд. культурологии / Е. В. Старинкова. – Санкт-Петербург, 2014. – 279 с., ил.
14. Столяров, Ю. Н. Документология : учеб. пособие / Ю. Н. Столяров. – Орел : Горизонт, 2013. – 370 с.
15. Столяров, Ю. Н. О закономерностях функционирования документокоммуникационной системы / Ю. Н. Столяров // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 2 (18). – С. 15–22.
16. Столяров, Ю. Н. Теория относительности документа / Ю. Н. Столяров // Научные и технические библиотеки. – 2006. – № 7. – С. 73–78.

Получено 03.05.2017

I. Andreeva

Candidate of Pedagogic Sciences, Docent,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: andreevairina7@gmail.com

MUSEUM OBJECT AS A DOCUMENT: TO THE ORIGINS OF THE DOCUMENTARY CONCEPT OF MUSEOLOGY

Abstract. *The documentary concept is the result of the study of a general theory that unites library science, bibliography, bibliology, archival science, and, in the opinion of some theoreticians of these disciplines, museology. The named disciplines have received the name of the document-communication sciences, since they are connected with the communication of the document in the society. International standard ISO 5127-2001 "Information and documentation" defines a document as any object with which you can get information, but only in the situation when it is included in the documentation process. Thus, the international standard in the number of documents were included and three-dimensional objects. Contemporary documentologists share the view of IU. Stoliarov on the relativity of the document and the need to develop a term in each disciplinary area. In museology, the term "document" is used only at the level of everyday usage, whereas its development at the level of theoretical abstraction opens the prospect of applying a documentary concept to the development of problems, first of all, of a museum object. The article analyzes the works of the pre-scientific period of the development of Russian museology (18th – 19th centuries), which allow to fix historically the primary forms of comprehension of the phenomenon of the museum document. Numerous instructions, projects, research programs and the creation of museums suggested the identification of "antiquities", monuments, "naturfacts", works of painting and sculpture, as well as the creation of models, copies, casts for further information extraction and the development of profile sciences. Later they were included in new documentary systems – collections, museum funds and expositions, with the help of which new social problems were solved.*

Keywords: *museology, document-communication sciences, document, museum object, museum document, pre-science, museological thought of the 18th – 19th centuries*

For citing: *Andreeva I. 2017. Museum object as a document: to the origins of the documentary concept of museology. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 7–15.*

References

1. Ananiev V. 2013. Due to the topic of museology periodization. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 2 (34) : 38–42. (In Russ.).
2. Berestova T. 2009. Laws and patterns in informational and documents-communicational spheres (response to the article by A. Sokolov). *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 1 (17) : 15–19. (In Russ.).
3. Kalugina T. 2008. Khudozhestvennyy muzey kak fenomen kul'tury [Museum of Art as a phenomenon of culture]. St. Petersburg : Petropolis. 244 p. (In Russ.).

4. Klyuchevye ponyatiya muzeologii [Key concepts of a muzeologiya]. 2012. Comp. Desvallées A., Mairesse F. Translate by A. Uriadnikova. Moscow. (In Russ.).
5. Korshunov O. 2003. The system of document communications (SDC). *Herald of Moscow State University of Culture and Arts*. 2003. No 2 : 121–126. (In Russ.).
6. Mensch P. van. 2014. To the methodology of museology. *Voprosy muzeologii* [The problems of Museology]. Translated from Eng. by Ananiev V. No 1 (9) : 15–291. (In Russ.).
7. Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII – XX vekov : sbornik dokumentov i materialov [Museological thought in Russia 18th – 19th centuries : a collection of documents and materials]. 2010. Shulepova E., ed. Moscow : Eterna. 960 p. (In Russ.).
8. Nikonova A. 2014. Enigma of a museum item. *Filosofiya muzeya* [Philosophy of the museum]. Moscow. P. 62–71. (In Russ.).
9. Otle P. 2004. Biblioteka, bibliografiya, dokumentatsiya : izbrannye trudy pionera informatiki [Library, bibliography, documentation : selected works of the pioneer of computer science]. Moscow : FAIR-PRESS : Pashkov dom. 350 p. (In Russ.).
10. Poltavskaja E. 2014. Skhematizatsiya ponyatij kak metod issledovaniya: dokumento-kommunikatsionnyy aspekt [Schematicization of concepts as a research method: a document and communication aspect]. Chelyabinsk : Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 312 p. (In Russ.).
11. Sokolov A. 2008. Determinism and deontology in a documented communication system (problem statement). *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 4 (16) : 6–34. (In Russ.).
12. Sokolov A. 2011. *Filosofiya informatsii* [Philosophy of information]. Chelyabinsk. 454 p. (In Russ.).
13. Starinkova E. 2014. *Muzeynyy predmet kak tekst kultury* [Museum object as a text of culture]. St.Petersburg. 279 p. (In Russ.).
14. Stoliarov IU. 2013. *Dokumentologiya* [Documentology]. Orel : Gorizont. 370 p. (In Russ.).
15. Stoliarov IU. 2009. On the regularities of the functioning of the document communication system. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 2 (18) : 15–22. (In Russ.).
16. Stoliarov IU. 2006. The relativity theory of the document. *Scientific and Technical Libraries*. No 7 : 73–78. (In Russ.).

Received 03.05.2017

По итогам IX областного конкурса на лучшую издательско-полиграфическую продукцию «Южноуральская книга – 2017», подведенным 5 октября в Законодательном собрании Челябинской области, журнал «Вестник культуры и искусств» занял 1-е место в номинации «Журнал года». Поздравляем редакцию журнала и наших авторов с заслуженной наградой!

Г. М. Вихрева

канд. пед. наук,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН
E-mail: vihreva@spsl.nsc.ru

О. П. Федотова

канд. пед. наук,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН
E-mail: kh@spsl.nsc.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ДИСКУРСЕ НОВОГО БИБЛИОТЕКОВЕДЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Библиотечковедческая аналитика фиксирует новые связи и отношения, возникающие в сфере профильных научных исследований. Испытывая на себе огромное влияние философско-мировоззренческих концепций и теоретических разработок, осуществляемых в рамках различных наук, современное библиотечковедение вместе с тем нацелено на эффективность и инструментальную пригодность исследовательских интенций в решении практических проблем. Познавательные тренды в профессиональном исследовательском поле можно условно разделить на три группы: 1) направленные от конкретной потребности практики к теоретическому осмыслению и оформлению (например, типологизация доступа к различным библиотечным коллекциям, исходящая из потребности в сохранении либо ограничении распространения содержащихся в них изданий); 2) возникающие внутри самого теоретического знания (например, становление терминологии); 3) определяющие взаимодействие теории с практикой (т. е. возможные поля воплощения исследовательских гипотез, проверяемые практикой). На пересечении целого ряда научных направлений создается новая библиотечная философия. Ее задача – рефлексивное осмысление роли библиотек в экономическом, культурном и технологическом прогрессе общества, в социализации и творческом развитии личности, гармонизации социальных отношений, выявление закономерностей преобразования библиотеки в электронную эпоху. Эмпирическая база и исходный пункт обобщенных представлений о сфере библиотечковедческой деятельности – совокупность всех форм общественного сознания: науки, политики, права, экономики, морали, искусства и т. д. Методологический плюрализм и расширение спектра исследовательских программ предопределяют новые стратегии библиотечковедческих разработок, позволяют достичь таких результативных эффектов, которые могут, кроме всего прочего, реально способствовать реновации парадигмы целостности библиотечно-информационного пространства в целом и региона в частности.

Ключевые слова: концепции, факторы влияния, методология библиотечковедческих исследований, парадигма целостности

Для цитирования: Вихрева, Г. М. Современные философско-мировоззренческие концепции в дискурсе нового библиотечковедческого знания / Г. М. Вихрева, О. П. Федотова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 16–22.

Современное библиотечковедение – как теоретическая его составляющая, так и практические плоскости приложения научных изысканий – испытывает на себе значительное влияние философско-мировоззренческих концепций и теоретических разработок, осуществ-

ляемых в рамках аксиологии, социологии, психологии и ряда других наук.

Такое влияние особенно ощутимо при решении проблем, связанных с приспособлением библиотечных учреждений к динамическим, технологическим и социальным измене-

ниям внешней среды. Именно здесь требуется применение комплексных методов, новых комплексных стратегий и методологических подходов, т. е. совокупности научных приемов познания и сопоставления, обеспечивающих возможность сравнивать и интегрировать результаты научного анализа различных отраслей и систем знания.

Важной мировоззренческой ориентацией современной науки признана ее парадигмальность. Специалисты, разрабатывающие вопросы методологии библиотековедческих исследований, утверждают, что методологический плюрализм при их проведении предопределен полипарадигмальностью библиотековедческого знания [4]. К примеру, с точки зрения специалистов по социальной адаптации, компаративистский подход отражает широкое поле интердисциплинарных процессов в библиотековедческом научном дискурсе [3]. Философы пишут об активном использовании представлений синергетики как междисциплинарного направления научных исследований в гуманитарной сфере [14]. Синтетический подход предусматривает интегративный анализ широкого спектра смежных проблем, выявление концептуальных инноваций, возможных к применению, их содержательную детализацию, интерпретацию и абдукцию.

Выявление сущности библиотековедческого знания не может происходить вне рамок его философских трактовок, где знание рассматривается в первую очередь как результат процесса познания, истинность которого проверяется в ходе практики. Из этого следует, что, хотя теоретическое знание и является высшей и наиболее развитой формой миропонимания, главным ориентиром исследователя должна быть подтверждаемость теоретических выводов. Объективная необходимость развития такой науки, как библиотековедение, имеющей сильные эмпирические традиции, имплицитно предполагает и адекватное рефлексивное переосмысление сложившейся ситуации, и задачу осознания ее изменившихся потребностей, что ведет к более эффективному научному поиску с использованием нового

исследовательского инструментария. Расширение спектра методов и форм, пригодных к применению в современных библиотековедческих исследованиях, позволяет достичь сближения и взаимодействия различных концептуально-методологических подходов, а также результативных эффектов, удовлетворяющих потребность в практической отдаче от теоретических построений.

Специалисты отмечают, что институциональное (т. е. проверяемое практикой) знание носит многоуровневый характер, причем для каждого уровня существует свой способ получения знания [7]. Продолжающаяся дифференциация библиотечного знания на все более специализированные области, углубление познания детерминируют трансформации институционального библиотековедческого знания и знания научного.

Представляется, что познавательные тренды в библиотековедении можно условно разделить на следующие подгруппы:

- идущие от конкретной потребности практики к теоретическому осмыслению и оформлению (например, типологизация доступа к различным библиотечным коллекциям, исходящая из потребности в сохранении либо ограничении распространения содержащихся в них изданий);

- возникающие внутри самого теоретического знания (например, становление терминологии либо уровневой концепции методологического знания);

- определяющие взаимодействие теории с практикой (т. е. возможные поля воплощения исследовательских интенций, проверяемые практикой).

Процесс воспроизводства знания как целенаправленная познавательная деятельность реализуется в двух основных вариантах: а) выявление знания из уже существующих данных путем их рекомбинации и переосмысления; б) генерация новых идей, суждений, концепций. Проблемы порождаются как наличием противоречий в самой теории, так и столкновением различных теорий либо теории с практикой.

Интенсивный процесс развития современного библиотековедческого знания продуцирует новые целенаправленные, ценностно ориентированные и осмысленные, деятельностные формы обобщенно-систематизированных выражений явлений, процессов и закономерностей библиотековедческой деятельности. На пересечении целого ряда наук создается новая библиотечная философия. Ее задача – рефлексивное осмысление роли библиотек в экономическом, культурном и технологическом прогрессе общества, в социализации и творческом развитии личности, гармонизации социальных отношений, изучение закономерностей преобразования библиотеки в электронную эпоху. Эмпирическая база и исходный пункт обобщенных представлений о сфере библиотековедческой деятельности – совокупность всех форм общественного сознания: науки, политики, права, экономики, морали, искусства и т. д.

Категории библиотечной философии становятся той основой, на которой формируется актуальная научно-методологическая база для разработки концепций, стратегий, долгосрочных программ и проектов развития библиотек в контексте новой социокультурной парадигмы и информатизации общества.

Любой виток глубинной и всесторонней социокультурной трансформации проявляется прежде всего в изменениях, происходящих в системе ценностей. Информационные процессы повсеместно затрагивают не только техническую и технологическую стороны библиотечной деятельности, они формируют новую интегральную библиотечную культуру, основанную на осознании необходимости действий не единственно с позиций функциональности, например, релевантности запросов, но также с учетом этических, правовых, эстетических и других требований. Поэтому в рамках новой философии библиотечного дела интенсивно развивается такое перспективное ее направление, как библиотечная аксиология.

Исследователи отмечают, что постмодернистское мировоззрение, отличительными чертами которого является тотальное разочарование в идеалах и ценностях Возрождения и Про-

свещения с их верой в прогресс, торжество разума и отрицание всей традиции западноевропейского рационализма, несет в себе немало угроз для общества и в частности библиотеки как социального института. Формирование противостоящего постмодерну позитивного мировоззрения – насущная задача нашего времени. В этих условиях поиск новых ориентиров и ценностей, способствующих преодолению острокризисной ситуации во взаимоотношениях общества и природы, в системе человеческих отношений, нахождению путей к духовному возрождению, становится жизненно необходимым. Ведь, как утверждают философы [9], общество, не имеющее абсолютных и самодостаточных ценностей, теряет способность к органической эволюции и нормальному развитию. Библиотека как «область духовного производства» выстраивает новую аксиологическую парадигму постсоветского социума.

В последние годы – в силу разных причин, в том числе и обозначенных выше, – все большую роль в формировании сциентистского ландшафта начинают играть диалог культур и так называемая человеческая реальность в качестве его возможного основоположения. Данный феномен имеет не только онтологическое, но и мировоззренческое, логико-гносеологическое значение для всего комплекса наук общественно-гуманитарного профиля.

Принципиальная модификация идеологического концепта преобразует принципы реализации профессиональной деятельности, существовавшие ранее в виде всеобщих регулятивов, усиливая влияние внерационального компонента, с одной стороны, а с другой – внося в предметно-практическую деятельность библиотек познавательные процедуры и операции, присущие точным наукам. В качестве примера здесь можно привести задачу оптимизации процесса отбора в фонд периодических изданий ГПНТБ СО РАН [14].

Если признать доминирующим воздействие социальных и культурных факторов на формирование совокупного общественного продукта, то следует констатировать, что библиотеки призваны играть активную роль в ос-

новых подсистемах жизнедеятельности территории – производственной и внепроизводственной. Согласно современным концепциям библиотечной экономики, библиотеки – это неотъемлемый компонент социально-культурного и производственно-экономического ландшафта страны [6]. Соответственно, библиотечная ситуация территории – это многомерный фрагмент социокультурного пространства, параметры которого определяются через основные характеристики информационно-библиотечной среды и информационных потребностей пользователей библиотек, через показатели характера их взаимодействия и адаптированности к социокультурным и экономическим трансформациям территории [1].

Формирование на постсоветском пространстве новых моделей экономического, культурного, образовательного, информационного сотрудничества способствует сохранению и развитию исторически сложившихся связей. Этот процесс объективно противостоит негативным проявлениям глобализации, соответствует стратегическим интересам России и новых независимых государств.

Активное создание современных организационных форм и новых направлений сотрудничества происходит и в области библиотечного дела, которое, как уже говорилось ранее, есть важная составляющая развития науки, культуры, образования и информационного обмена. В качестве концептуальной базы здесь выступает, в частности, сравнительно новое для библиотековедения понятие – *евразийское библиотечное пространство* [5].

Характерно, что в истории России и стран ближнего зарубежья идеи евразийства становились особенно востребованными в периоды геополитических переломов, когда обществу необходимо было переосмысление фундаментальных исторических и культурных, а также этнических и религиозных ценностей для определения путей своего дальнейшего развития.

Термин *евразийское библиотечное пространство* вошел в научный оборот после распада в 1991 г. Советского Союза и употребляется для обозначения новой формы библиотечного взаимодействия и сотрудничества.

Изначально под ним подразумевалось объединение библиотек постсоветского региона, необходимое для выживания в условиях социально-политического и экономического кризиса и перехода к рыночной экономике, а также для создания общими усилиями электронных информационных ресурсов, обмена информацией и обеспечения доступа к ней, решения сложных вопросов работы библиотек с представителями различных этносов.

Поскольку термин *евразийское библиотечное пространство* является частью более широкого понятия – *библиотечное пространство*, стоит сказать несколько слов о тех социально-культурных смыслах, которые библиотековеды вкладывают в это понятие.

Исследователи отмечают, что с первого появления термина в специальной литературе в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и до последнего времени специалисты библиотечного дела идентифицировали его прежде всего с архитектурой и дизайном, обустройством комфортного библиотечного интерьера [12]. То есть, по сути, речь шла скорее о пространстве библиотеки, нежели о библиотечном пространстве, включающем в себя метафизические смыслы и увязанном с различными сферами знания, на первый взгляд далекими от наших профессиональных реалий. Позже к такому пониманию добавилась рефлексия относительно социальных смыслов конструирования библиотечного интерьера, взаимодействия с культурным ландшафтом региона. В последнее время, в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий, основной акцент начали ставить уже на информационном пространстве, подразумевая под ним в первую очередь мультимедийное, виртуальное пространство [8].

Обращаясь к философскому смыслу понятия *пространство*, т. е. рассматривая его как одну из форм бытия материи, библиотековеды считают возможным экстраполировать на информационное пространство такие его атрибутивные свойства, как протяженность, структурность, сосуществование и

взаимодействие элементов во всех материальных системах. Множество свойств информационное пространство наследует и от информационного субстрата, например, мобильность, структурированность, отражательность и др. [2].

Многофакторность – отличительная черта стратегии современного научного поиска, и библиотековедческая аналитика фиксирует новые связи и отношения, возникающие в сфере профильных научных исследований. Для их осмысления и диалектизации могут и должны использоваться все процедуры и «стратегемы», нацеленные на создание новой научной предметности. Основная задача – выявить конденсат в виде идеологических регулятивов, новых технологий, модифицированных философско-стратегических концептов и т. д., применение которых в конечном итоге способствовало бы укреплению парадигмы целостности библиотековедения как науки. Широкий спектр методов, форм и концептуальных подходов, применяемых в современных библиотековедческих исследо-

ваниях, позволяет достичь результативных эффектов, могущих, кроме всего прочего, реально способствовать реновации парадигмы целостности реконструируемого библиотечно-информационного пространства в целом и региона в частности.

Рамки данной статьи не дают возможности глубоко проанализировать все концепции, используемые в производстве библиотековедческого знания. Однако вышесказанное позволяет сделать вывод, что современное разнообразие форм, видов и уровней библиотековедческого знания предопределено степенью глубины осмысления существующих потребностей и целей деятельности в данном дискурсе, моделей постановки проблем и верификации выдвигаемых гипотез. Новое библиотековедческое знание – это полученная в результате ценностно-смысловой познавательной деятельности и направленная на воспроизводство смысловых конструктов форма отражения объективных трансформаций, происходящих и в системе научного знания, и непосредственно в библиотечном деле.

-
1. Артемьева, Е. Б. Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII – XX вв.) / Е. Б. Артемьева ; Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; науч. ред. И. А. Гузнер. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. – 424 с.
 2. Берестова, Т. Ф. Библиотека как элемент информационного пространства (к разработке концепции) / Т. Ф. Берестова // Библиотековедение. – 2004. – № 6. – С. 43–51.
 3. Беркалиев, Т. Н. Особенности компаративистики как науки и метода исследования деятельности библиотек / Т. Н. Беркалиев // Библиосфера. – 2009. – № 1. – С. 10–17.
 4. Варганова, Г. В. Полипарадигмальность методологических подходов в научных исследованиях / Г. В. Варганова // Библиосфера. – 2009. – № 4. – С. 3–8.
 5. Вихрева, Г. М. Евразийское библиотечное пространство: социокультурные смыслы (по материалам публикаций) / Г. М. Вихрева // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 12–13 мая 2016 г. – Барнаул, 2016. – Ч. 1. – С. 167–170.
 6. Кожевникова, Л. А. Библиотека в структуре базовых социально-экономических процессов территории : монография / Л. А. Кожевникова ; науч. ред. П. В. Шеметов ; ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2004. – 178 с.
 7. Кожевникова Л. А. Библиотековедение как знание и наука [Электронный ресурс] / Л. А. Кожевникова // Библиотековедение. – 2011. – № 1. – Режим доступа : http://www.rsl.ru/dadadocs/doc_6217me.pdf.
 8. Матлина, С. Г. Библиотечное пространство: в поисках определения (Социокультурные аспекты) / С. Г. Матлина // Науч. и техн. б-ки. – 2013. – № 7. – С. 3–20.
 9. Миронова, Е. Н. Духовные ценности как показатель мировых культурных процессов / Е. Н. Миронова, Ю. В. Жикривецкая // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 1 (50). – С. 366–368.

10. Орешина, М. А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения / М. А. Орешина ; под. ред. Г. И. Зверевой. – Москва : МГИУ, 2000. – 194 с.
11. Пайчадзе, С. А. Книга в контексте цивилизаций. Полемические заметки / С. А. Пайчадзе // Библиотечное дело. – 2005. – № 9. – С. 11–15.
12. Руководство ИФЛА/ЮНЕСКО по развитию службы публичных библиотек [Электронный ресурс] / Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений. – 2001. – Режим доступа : <http://www.ifap.ru/ofdocs/ifla/ifla03.pdf>.
13. Тузов, В. В. Методы синергетики / В. В. Тузов // Библиосфера. – 2009. – № 4. – С. 8–14.
14. Федотова, О. П. К разработке современной модели фонда периодических изданий основного хранения ГПНТБ СО РАН / О. П. Федотова // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития : науч.-практ. и теорет. сб. – Киев, 2012. – Вып. 10. – С. 146–152.

Получено 17.08.2017

G. Vihreva

Candidate of Pedagogic Sciences,
State Public Scientific-Technological Library of the SB RAS
E-mail: vihreva@spsl.nsc.ru

O. Fedotova

Candidate of Pedagogic Sciences,
State Public Scientific-Technological Library of the SB RAS
E-mail: kh@spsl.nsc.ru

MODERN PHILOSOPHIC-IDEOLOGICAL CONCEPTS IN THE DISCOURSE OF A NEW LIBRARY SCIENCE

Abstract. *Library analytics states new ties and relations arising in the sphere of profile scientific researches. Experiencing great influence on the part of philosophic-ideological conceptions and theoretical elaborations carried out in the frames of different sciences, the modern library science is at the same time aimed at effectiveness and instrumental fitness of research intentions in solving practical problems. Cognitive trends in the professional field of research can be relatively divided into three groups: 1) directing from a concrete necessity of practice to theoretical thinking over and registration (e. g. typological access specification to different library collections based on necessity of preserving or restricting information they contain); 2) having origin inside theoretical knowledge (e. g. terminology formation); 3) defining interaction between theory and practice (viz. possible fields of embodying research hypotheses, verified by practice). On intersection of a number of scientific directions a new library philosophy is being built. Its aim is in reflexive thinking over the role of libraries in economic, cultural and technological progress of the society, in socialization and creative individual development, harmonization of social relations, revealing regularities of library transformation in the electronic epoch. The empirical base and starting point of unified conceptions about the sphere of library scientific activity is the whole complex of forms of social consciousness: science, politics, law, economics, moral, art and so on. Methodological pluralism and widening the spectrum of research programs predetermine new strategies of library studies, permit to achieve such resulting effects that can really contribute to renovation of the integrity paradigm of the library-information space in the whole and that of the region in particular.*

Keywords: *concepts, factors of influence, methodology of library studies, paradigm of integrity*

For citing: *Vihreva G., Fedotova O. 2017. Modern philosophic-ideological concepts in the discourse of a new library science. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 16–22.*

References

1. Artemeva E. 2012. Evolyutsiya bibliotchnoy seti Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh kul'turno-istoricheskikh i sotsial'nykh transformatsiy (XVII – XX vv.) [Evolution of the library net of Siberia and the Far East in the conditions of cultural-historic and social transformations (17–20th cent.)]. Guzner I., ed. Novosibirsk : SPSTL SB RAS. 424 p. (In Russ.).
2. Berestova T. 2004. Library as an element of information space. *Bibliotekovedenie [Library science]*. No 6 : 43–51. (In Russ.).
3. Berkaliyev T. 2009. Peculiarities of comparativistics as science and method of libraries' research activities. *Bibliosfera [Bibliosphere]*. No 1 : 10–17. (In Russ.).
4. Varganova G. 2009. Polyparadigmality of methological approaches in scientific researches. *Bibliosfera [Bibliosphere]*. No 4 : 3–8. (In Russ.).
5. Vihreva G. 2016. Eurasian library space: sociocultural scences (on the material of publications). *Kultura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii. [Culture in the Euroasian space: traditions and innovations]*. Ch. 1. Barnaul. P. 167–170. (In Russ.).
6. Kozhevnikova L. 2004. Biblioteka v strukture bazovykh sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov territorii [Library in the structure of basic economic processes of the territory]. Shemetov P., ed. Novosibirsk. 178 p. (In Russ.).
7. Kozhevnikova L. 2011. Librarianship as knowledge and science. [Electronic resource]. *Bibliotekovedenie [Library science]* No 1. Available from : http://www.rsl.ru/dadadocs/doc_6217me.pdf. (In Russ.).
8. Matlina S. 2013. The library space: in search of definition (Sociocultural aspects). *Scientific and technical libraries*. No 7 : 3–20. (In Russ.).
9. Mironova E., Zhikrivetskaia IU. 2015. Spiritual values as an indicator of global cultural processes. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education]*. No 1 (50) : 366–368. (In Russ.).
10. Oreshina M. 2000. Rossiya regional'naya: teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya [Regional Russia: theoretic-methodological aspects of studying] / Zvereva G., ed. Moscow : MGIY. 194 p. (In Russ.).
11. Paichadze S. 2005. The book in the context of civilizations. Polemical notes. *Bibliotekovedenie [Library science]*. No 9 : 11–15. (In Russ.).
12. Rukovodstvo IFLA/YUNESKO po razvitiyu sluzhby publichnykh bibliotek. [IFLA/UNESCO manual on developing public libraries service]. 2001 [Electronic resource]. Available from : <http://www.ifap.ru/ofdocs/ifla/ifla03.pdf>. (In Russ.).
13. Tuzov V. 2009. Synergetic methods. *Bibliosfera [Bibliosphere]*. No 4 : 8–14. (In Russ.).
14. Fedotova O. 2012. For working out the modern model of the collection of periodicals of the SPSTL SB RAS basic stock. *Biblioteki natsional'nyh akademiy nauk: problemy funktsionirovaniya, tendentsii razvitiya [Libraries of National Academies of Sciences: problems of functioning, development tendency]*. Kiev. Vol. 10. P. 146–152. (In Russ.).

Received 17.08.2017

ЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «БИБЛИОТЕЧНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ»

Цель работы – представить результаты терминологического анализа понятия «библиотечное краеведение», проследив эволюцию его развития. Осуществлено изучение термина, проведен его этимологический анализ, дана характеристика изменений содержательного наполнения исходного понятия с дальнейшей конкретизацией формулировок. На основе изучения авторитетных источников (энциклопедии, справочники, учебные и научные работы библиотечной краеведческой деятельности) прослежено развитие дефиниций «библиотечное краеведение» и «краеведческая деятельность библиотек». Осуществлен их структурно-семантический анализ и выделен ряд общих признаков анализа (вышестоящие понятия, задачи, назначение, компонентная структура). В результате выяснено, что понятие «библиотечное краеведение» авторы связывают преимущественно с вышестоящим (родовым) понятием «деятельность», в частности, с практической деятельностью библиотеки. Библиотечное краеведение определяют также как учебную дисциплину. При характеристике функционального назначения библиотечного краеведения как практической деятельности установлено, что его основополагающей задачей является удовлетворение потребностей пользователей в краеведческой информации. Обнаружено, что содержательная структура понятия «библиотечное краеведение» недостаточно проработана. Предложено рассматривать библиотечное краеведение как междисциплинарное научное направление в структуре библиотековедения и библиографоведения.

Ключевые слова: библиотечное краеведение, терминологический анализ, краеведческая деятельность библиотек, научное направление, библиотековедение, библиографоведение

Для цитирования: Тараненко, Л. Г. Эволюция содержания понятия «библиотечное краеведение» / Л. Г. Тараненко // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 23–31.

Терминологическая система библиотечного краеведения: постановка проблемы

Библиотечное краеведение является важной составляющей информационных ресурсов региона, обеспечивающей его своеобразие и уникальность, формирующей его имидж и позицию. В современный период существенно трансформируется его содержание. Как отмечает С. Г. Матлина, в библиотечном краеведении происходят принципиально содержательные изменения, где главным побудительным фактором небывалых темпов его развития становится всеобщий интерес людей к своим корням, к истории малой родины. Целью библиотечного краеведения становится аутентичное восстановление культурной среды [12].

Вышестоящим для библиотечного краеведения является понятие краеведение. Его

этимология достаточно глубоко изучена и зафиксирована в авторитетных словарях, справочниках, научных работах. Вместе с тем современные исследователи открывают все новые грани толкования данного понятия. Например, Д. Исламова определяет краеведение как сложное социально-культурное явление в жизни общества, основой которого является комплексное изучение той или иной местности в целях накопления, сохранения и передачи знания о крае, опыта и памяти о деятельности предков для дальнейшего развития цивилизации [7].

В отличие от понятия краеведение, библиотечное краеведение до сегодняшнего времени не получило глубокой проработки, хотя и находится в научном поле библиотековедения со 2-й половины XX в. Наблюдается неко-

торый терминологический «беспорядок» в его номинации и содержательной интерпретации, что выражается в следующем.

1. В профессиональной печати понятия *библиотечное краеведение*, *библиографическое краеведение*, *библиотечно-библиографическое краеведение* зачастую используются как синонимы, а вместе – отождествляются с понятиями *краеведческая деятельность библиотек (КДБ)* и *краеведческая работа библиотек (КРБ)*.

2. Наряду с *библиотечным краеведением* в научном обороте присутствует понятие *краеведческое библиотековедение*, отраженное в ряде терминологических словарей и определяемое как «научная дисциплина, изучающая библиотечное краеведение, краеведческую, в частности библиотечно-библиографическую, деятельность библиотек» [19, с. 129–130]; «научная дисциплина, изучающая КДБ» [2, с. 34–35].

3. В современных государственных стандартах СИБИД понятие *библиотечное краеведение* отсутствует.

4. Помимо обоснования библиотечного краеведения как научной дисциплины, оно рассматривается и как учебная дисциплина, занимающая существенное место в подготовке специалистов библиотечно-информационной сферы [4; 17; 18].

5. Компонентная структура библиотечного краеведения представлена фрагментарно.

Выделенные противоречия предопределили необходимость проведения анализа эволюции содержания рассматриваемого понятия, результаты которого отражены в табл. 1.

В 1960–1980-е гг. библиотечное краеведение отождествляется с КРБ, включающей три комплекса обязанностей: обслуживание читателей, пропаганду краеведческих знаний и организацию библиотечных процессов.

В 1990-е гг. библиотечное краеведение получило существенное развитие в работах О. И. Талалакиной, А. Н. Масловой, Н. Н. Щербы, Н. Н. Кушнарченко как относительно самостоятельная область библиотечной деятельности по удовлетворению краеведческих потребностей, образованная на пересечении двух

базовых отраслей – библиотечного дела (обслуживающая отрасль) и краеведения (обслуживаемая отрасль).

В современный период библиотечное краеведение рассматривается как системное образование, состоящее из базовой (практической) подсистемы – КДБ и производных от нее инфраструктурных видов – научно-исследовательской, учебно-воспитательной, организационно-управленческой. Также активно развивается обоснование библиотечного краеведения как предмета преподавания и учебно-методического комплекса дисциплин.

Отдельные терминологические искания, представленные в научных работах последних лет, связаны с изучением производных понятий: *краеведческая библиография*, *библиография местной печати* [6], *краеведческий документ (КД)*, *краеведческий фонд* и близких по смыслу – *региональный документ*, *региональный фонд* [10].

Проведенный анализ развития данного понятия, выявленное его отождествление с понятием *КДБ* обусловил необходимость мониторинга широты использования этих понятий. Его результаты показали, что *КДБ* чаще употребляется не только в профессиональной среде, но и пользователями поисковых систем. Это факт иллюстрирует сервис статистического анализа запросов поисковой системы Яндекс (<https://wordstat.yandex.ru/>). Так, за апрель 2017 г. в поисковую систему Яндекс по запросу «КДБ» поступило 990 обращений, а по ключевому слову «библиотечное краеведение» – 654.

Семантический анализ понятий *библиотечное краеведение* и *КДБ*

В соответствии с методикой терминологического анализа [6] проведен структурно-семантический анализ дефиниций *КДБ* и *библиотечное краеведение*, который позволил сопоставить встречаемость отдельных признаков в структуре данных понятий (такие как *определение вышестоящего понятия; задачи/назначение; компонентная структура*) (см. табл. 3).

Структурно-семантический анализ показал, что большинство существующих опреде-

лений библиотечного краеведения авторы связывают с вышестоящим понятием *деятельность (комплекс многоаспектной деятельности библиотечных работников, деятельность библиотек, область научно-практической деятельности, область библиотечной деятельности)*. Главным образом *библиотечное краеведение* отождествляется с практической деятельностью библиотеки. Это подтверждает ряд обозначенных в таблице 3 вышестоящих понятий, трактующих библиотечное краеведение как *процесс или совокупность библиотечных процессов*.

Функциональное назначение, выделенное в содержании и структуре исследуемых понятий, выражено через перечень базовых задач (библиотечных процессов) КДБ: поиск, выявление, приобретение, организация, учет, сохранение; обслуживание пользователей и др. При этом основополагающей задачей библиотечного краеведения является удовлетворение потребностей пользователей в краеведческой информации.

Компонентная структура библиотечного краеведения

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости более детальной проработки компонентной структуры библиотечного краеведения, частичное рассмотрение которой присутствует в публикациях отдельных авторов [9; 11]. Предлагаем свой вариант данной структуры (см. рис.).

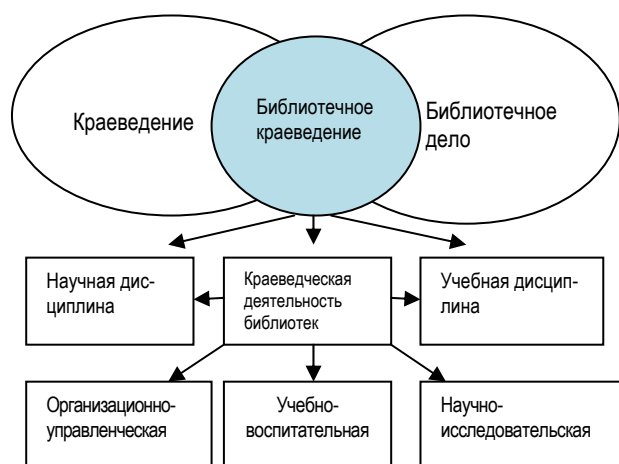

Рис. Предметное поле библиотечного краеведения

Библиотечное краеведение как междисциплинарное научное направление

По справедливому замечанию А. Н. Масловой, сейчас идет процесс активного накопления научных знаний о краеведческой сфере библиотечной деятельности, формирующихся в комплексную теоретико-прикладную *дисциплину – библиотечное краеведение*. Но вызывает возражение тезис автора о том, что «теоретическое осмысление библиотечного краеведения формируется в рамках регионального библиотековедения» [11, с. 14–25]. На наш взгляд, региональное библиотековедение ограничено исследованием библиотек на конкретной территории. Мы солидарны с позицией Н. С. Карташова, который считал, что принципиальное отличие регионального библиотековедения от традиционных библиотековедческих дисциплин заключается в том, что оно обосновывает фундаментальность роли взаимодействия между элементами библиотечной системы и территорией [8]. Мы также разделяем мнение ученых из ГПНТБ СО РАН, определяющих региональное библиотековедение как комплексную научную дисциплину, изучающую в контексте требований и методологии общего библиотековедения и регионалистики закономерности функционирования библиотек, специфику движения труда, отношения между субъектами библиотечной деятельности [1].

В теоретическом осмыслении, на наш взгляд, библиотечное краеведение содержательно шире регионального библиотековедения и претендует на роль *междисциплинарного научного направления*, сочетающего библиотековедческие, библиографоведческие и книговедческие компоненты (табл. 2). Библиографоведческий компонент содержательно связан с краеведческой (региональной, регионоведческой) библиографией и включает следующие аспекты: история краеведческой библиографии и библиографии местной печати; организация краеведческого СПА; подготовка краеведческих библиографических продуктов; краеведческое справочно-библиографическое обслуживание и др. В рамках библиотековедения

библиотечное краеведение связано с следующими аспектами изучения: история библиотечного краеведения; краеведческая деятельность отдельных библиотек; формирование и организация фондов КД и местной печати; распространение краеведческих знаний; научно-исследовательская деятельность; методическое обеспечение краеведческой работы; краеведческая подготовка библиотечных специалистов и др. Менее проработанными в научном осмыслении являются отдельные аспекты библиотечного краеведения, связанные с региональным книговедением (краеведческие книжные коллекции, редкий фонд краеведческих документов, указатели местной печати, издательская деятельность и др.). Требуются дополнительные научные изыскания в данном контексте.

На основе проведенного анализа представим для профессионального обсуждения рабочее определение понятия *библиотечное краеведение* как научной и учебной дисциплины. *Библиотечное краеведение* – это меж-

дисциплинарные по своему содержанию научное направление и учебная дисциплина библиотечно-библиографического цикла, предметом изучения которых является краеведческая деятельность библиотек.

В заключение отметим основные результаты проведенного терминологического анализа: терминологическая система библиотечного краеведения недостаточно проработана на современном этапе; содержание понятия *библиотечное краеведение* с момента появления до сегодняшнего дня отождествляется преимущественно с *КДБ*, в рамках которого трактуется как деятельность, нацеленная на выполнения базовых краеведческих библиотечных процессов; библиотечное краеведение определяется также как учебная и научная дисциплина; библиотечное краеведение является предметом изучения для дисциплин библиотечно-библиографического цикла, а его содержательное наполнение находится на стадии осмысления и обсуждения.

Таблица 1

Эволюция понятий *библиотечное краеведение* и *КДБ*

№	Определение понятия	Год	Источник
Библиотечное краеведение			
1	Синоним всего комплекса КРБ	1960-е – начало 1970-х	11, с. 14–25
2	Разновидность государственного [краеведения] и как синоним КРБ включает три комплекса обязанностей: обслуживание читателей; пропаганду краеведческих знаний и организацию библиотечных процессов	1973	15–16
3	Относительно самостоятельная область библиотечной деятельности, направленная на удовлетворение краеведческих потребностей. Данная область деятельности образовалась на пересечении двух базовых отраслей – библиотечного дела (обслуживающая отрасль) и краеведения (обслуживаемая отрасль)	1993	9, с. 8
4	Весь комплекс многоаспектной деятельности библиотечных работников... по поиску, выявлению, приобретению, организации, учету, всестороннему раскрытию содержания произведений печати (кино-, фоно-, фотодокументов), библиографическому сопровождению запросов общества и его отдельных представителей, пропаганде знаний о крае библиотечными и библиографическими средствами, разработке научных проблем, в том числе библиографического и библиотечного направлений, методическому обеспечению и т. д.	1995	20, с. 31–52
5	Процесс, развивающийся при использовании знаний, умений и навыков, которые позволяют библиотечному работнику, руководствуясь наукой, вести поиск, комплектование, организацию фонда и справочно-библиографического аппарата (СБА) ¹ в целях предоставления каждому читателю (или читательской группе) КД с необходимой для него полнотой и максимальной для данной библиотеки (системы библиотек) оперативностью. Название специальной учебной дисциплины, изучаемой на библиотечно-информационных факультетах ряда вузов культуры	1998	4, с. 11

¹ Современное понятие – справочно-поисковый аппарат (СПА).

№	Определение понятия	Год	Источник
6	Деятельность библиотек, связанная с выявлением и распространением знаний об определенной местности (крае), зафиксированных в документах, содержание которых посвящено краю	2007	3, с. 198–199
7	Системное образование и структурно состоит из базовой (практической) подсистемы – КДБ и производных от нее инфраструктурных видов – научно-исследовательской, учебно-воспитательной, организационно-управленческой	2010	11, с. 14–25
8	Значительным компонентом библиотечного краеведения является краеведческая библиография, целью которой в самом общем виде является создание и распространение библиографической информации о крае	2012	5, с. 161
9	Обоснование библиотечного краеведения как предмета преподавания и учебно-методического комплекса дисциплин	2016	17; 18
Краеведческая деятельность библиотек			
10	Синоним: КРБ – это совокупность библиотечных процессов по выявлению, сбору, приобретению, систематизации, хранению КД, а также созданию информации о них в целях общественного пользования	1993	9, с. 8
11	Область научно-практической деятельности библиотеки по сбору, хранению и предоставлению в общественное пользование КД, а также информации о них	1998	4, с. 30
12	Область научно-практической деятельности по сбору, хранению и предоставлению в общественное пользование КД, а также информации о них	2003	14
13	Базовая (практическая) подсистема библиотечного краеведения	2010	11, с. 14–25
14	Профессиональная деятельность по развитию и обеспечению потребностей в краеведческой информации	2017	13

Таблица 2

**Содержательное наполнение библиотечного краеведения
как научного направления в структуре
библиотековедения, библиографоведения и книговедения¹**

Тематическое содержание краеведческих разделов		
Библиографоведение	Библиотековедение	Книговедение
Краеведческая библиография История краеведческой библиографии и библиографии местной печати Библиографическая обработка КД Организация краеведческого СПА Подготовка краеведческих библиографических продуктов Краеведческое библиографическое информирование. Краеведческие электронные ресурсы библиотек (краеведческие базы данных и электронные каталоги), электронные издания, коллекции и библиотеки, интернет-ресурсы и др.	История библиотечного краеведения КДБ (центральные, национальные, краевые, муниципальные, сельские, детские, школьные и юношеские и др.) Формирование и организация фондов КД и местной печати Распространение краеведческих знаний Краеведческие клубы при библиотеках Музеи при библиотеках. Библиотеки-музеи Распространение генеалогических знаний Пропаганда творчества местных литераторов Эколого-краеведческое просвещение Научно-исследовательская деятельность Методическое обеспечение краеведческой работы. Краеведческая подготовка библиотечных специалистов и др.	Краеведческие книжные коллекции Указатели местной печати Издательская деятельность Книжная культура в контексте социокультурного развития регионов

¹ Аспекты краеведческой проблематики в книговедении рассмотрены в статье фрагментарно, так как требуют специального рассмотрения и глубокого научного анализа.

Структура дефиниций библиотечное краеведение и КДБ

	Смысловая единица	Номера определений ¹													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Вышестоящие понятия	системное образование							+							
	разновидность государственного [краеведения]		+												
	синоним комплекса КРБ	+	+												
	комплекс многоаспектной деятельности библиотечных работников				+										
	деятельность библиотек, область научно-практической деятельности, область библиотечной деятельности			+			+					+	+		+
	процесс, совокупность библиотечных процессов					+					+				
	базовая подсистема библиотечного краеведения													+	
	специальная учебная дисциплина					+				+					
Задачи/назначение	выявление и распространение знаний об определенной местности (крае)						+								
	удовлетворение краеведческих потребностей; развитие и обеспечение потребностей в краеведческой информации			+											+
	поиск, выявление, приобретение, организация, учет, всестороннее раскрытие содержания произведений печати (кинофонофото-документов), библиографическое сопровождение запросов общества и его отдельных представителей, пропаганда знаний о крае библиотечными и библиографическими средствами, разработка научных проблем					+					+	+	+		
	обслуживание читателей; пропаганда краеведческих знаний и организация библиотечных процессов		+			+									
	поиск, комплектование, организация фонда и СБА в целях предоставления каждому читателю (или читательской группе) КД с необходимой для него полнотой и максимальной для данной библиотеки					+									
Компонентная структура	базовая (практическая) подсистема – КДБ и производных от нее инфраструктурных видов – научно-исследовательской, учебно-воспитательной, организационно-управленческой							+							
	базовая (практическая) подсистема библиотечного краеведения													+	
	компонентом библиотечного краеведения является краеведческая библиография								+						
	пересечение двух базовых отраслей – библиотечного дела (обслуживающая отрасль) и краеведения (обслуживаемая отрасль)			+											

¹ В соответствии с нумерацией определений понятий, принятой в таблице 1.

1. Артемьева, Е. Б. Диагностика и моделирование деятельности региональных библиотечных систем / Е. Б. Артемьева, Л. А. Кожевникова, Т. В. Дергилева // Библиосфера. – 2010. – № 3. – С. 42–47.
2. Библиотечное краеведение, библиографоведение и информатика: терминологический путеводитель / сост. И. Ю. Акифьева [и др.]; науч. ред. М. Г. Вохрышева. – Москва : Либерея-Бибинформ, 2007. – 104 с. – (Сер. Библиотекарь и время. XXI в. Вып. 61).
3. Библиотечная энциклопедия / РГБ ; под ред. Ю. А. Гриханова. – Москва : Пашков Дом, 2007. – 1300 с.
4. Библиотечное краеведение : терминологический словарь / СПбГАК ; сост. В. С. Крейденко, А. В. Мамонтов. – Санкт-Петербург, 1998. – 86 с.
5. Гильмиянова, Р. А. Библиотечное краеведение как один из факторов формирования культурной идентичности личности (на примере Республики Башкортостан) / Р. А. Гильмиянова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 2 (30). – С. 36–40.
6. Дубленных, А. К. Краеведческая библиография и библиография местной печати: структурно-семантический анализ понятий / А. К. Дубленных // Библиотеки вузов Урала : научно-практический сборник. – 2012. – Вып. 11: Университетская библиотека : информационные сервисы для науки и образования : [материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием], Екатеринбург, 19–22 ноября 2012 г. – С. 161–168.
7. Исламова, Д. Сущность понятия «краеведение» / Д. Исламова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2010. – № 2 (22). – С. 101–108.
8. Карташов, Н. С. Роль региональных исследований в обеспечении территориального библиотечного развития и управления / Н. С. Карташов // Научные и технические библиотеки. – 1999. – № 5. – С. 3–20.
9. Кушнарченко, Н. Н. Краеведческая деятельность библиотеки : учеб. пособие / Н. Н. Кушнарченко ; МГИК. – Москва, 1993. – 90 с.
10. Лютова, Н. К. Формирование фонда региональных документов: анализ понятийного аппарата / Н. К. Лютова // Библиосфера. – 2017. – № 1. – С. 73–78.
11. Маслова, А. Н. Краеведение и библиотека / А. Н. Маслова. – Санкт-Петербург : Профессия, 2010. – 268 с.
12. Матлина, С. Г. Шаги от знания – к любви. Библиотечное краеведение: чужая работа или естественное развитие своей? [Электронный ресурс] / С. Г. Матлина // Библиотека в школе. – 2003. – № 19 (152). – Режим доступа : <http://lib.1september.ru/article.php?ID=200301912>.
13. Руководство по краеведческой деятельности центральной библиотеки субъекта РФ [Электронный ресурс] : проект / Рос. библ. ассоц. – Москва, 2017. – Режим доступа : http://www.rba.ru/cms_rba/news/upload-files/news/2017/14_04/ruk_kraeved.pdf. – Загл. с экрана.
14. Руководство по краеведческой деятельности центральной библиотеки субъекта РФ (области, края) [Электронный ресурс] / Рос. библ. ассоц. – Москва, 2003. – Режим доступа : http://www.rba.ru/content/about/doc/ruk_kraeved2.php. – Загл. с экрана.
15. Талалакина, О. И. Краеведческая работа библиотек : учеб. пособие по спецкурсу / О. И. Талалакина ; МГИК. – Москва, 1973. – 94 с.
16. Талалакина, О. И. Краеведение и задачи библиотечников / О. И. Талалакина // Советское библиотечное краеведение. – 1973. – № 5. – С. 18–25.
17. Тараненко, Л. Г. Библиотечное краеведение как предмет преподавания / Л. Г. Тараненко // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 3 (47). – С. 13–19.
18. Тараненко, Л. Г. Эволюция учебно-методического обеспечения курсов библиотечного краеведения / Л. Г. Тараненко // Библиосфера. – 2016. – № 4. – С. 51–58.
19. Фокеев, В. А. Библиографическая наука и практика : терминологический словарь / В. А. Фокеев ; науч. ред. Г. В. Михеева. – Санкт-Петербург : Профессия, 2008. – 272 с.
20. Щерба, Н. Н. Библиотечное и библиографическое краеведение : сб. послед. ст. / Н. Н. Щерба ; сост. А. В. Маркина-Щерба. – Москва : Кн. палата, 1995. – 192 с.

Получено 13.06.2017

L. Taranenko

Candidate of Pedagogic Sciences, Docent,
Kemerovo State Institute of Culture
E-mail: lubgt@mail.ru

“LIBRARY LOCAL HISTORY” TERM CONTENT EVOLUTION

Abstract. The purpose of the thesis – is presentation of results of the terminological analysis of “library local history” definition. There were completed study of the term, its etymological analysis and dynamics of term’s content with further refinement of statements during the monitoring of evolution of its changes. Tracking of definitions “library local history” and “local history activities of libraries” is based on the study of authoritative sources (encyclopedias, reference books, educational and scientific works of librarians working with local history). Structural and semantic analyses were accomplished by the author which resulted in a number of common features (higher-level notion, objectives / purpose, component structure). As a result, the authors pointed out that “library local history” term was mostly connected with higher-level (generic) “activities” notion in particular and with practical activities of libraries. Library local history has also been determined as academic discipline. Characterizing functional purpose of library local history, they have revealed that main objective is meeting users’ needs in local history information. But the content structure of the “library local history” term is poorly conceptualized. According to this fact we decided to consider library local history as interdisciplinary scientific direction in the structure of library science and bibliography.

Keywords: library local history, terminological analysis, local history activities of libraries, scientific direction, library science, bibliography

For citing: Taranenko L. 2017. “Library local history” term content evolution. *Culture and Arts Herald*. No 3 (51) : 23–31.

References

1. Artemeva E., Kozhevnikova L., Dergileva T. 2010. Diagnostics and modeling of activity of regional library. *Bibliosfera*. No 3 : 42–47. (In Russ.).
2. *Bibliotekovedenie, bibliografovedenie i informatika [Library science, bibliography and informatics]*. 2007. Moscow : Libereya-Bibinform. 104 p. (In Russ.).
3. *Bibliotchnaya entsiklopediya [Library encyclopedia]*. 2007. RSL ; Grikanov IU., ed. Moscow : Pashkov Dom. 1300 p. (In Russ.).
4. *Bibliotchnoe kraevedenie [Library study of local lore]*. 1998. comp. by Kreidenko V., Mamontov A. St. Petersburg : SPbGAK. 86 p. (In Russ.).
5. Gilmyanova R. 2012. Library regional studies as one of the factors of forming cultural identity of personality (by the example of Bashkortostan). *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 2 (30) : 36–40. (In Russ.).
6. Dublennykh A. 2012. Local history bibliography and bibliography of a local press: structural-semantic analysis of concepts. *Biblioteki vuzov Urala [Libraries of higher education institutions of the Urals]*. No 11 : 161–168. (In Russ.).
7. Islamova D. 2010. «Local history» notion essence. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 2 (22) : 101–108. (In Russ.).
8. Kartashov N. 1999. Role of regional researches in ensuring territorial library development and management. *Scientific and Technical Libraries*. No 5 : 3–20. (In Russ.).
9. Kushnarenko N. 1993. *Kraevedcheskaya deyatel'nost' biblioteki [Local history activity of library]*. Moscow : MGIK. 90 p. (In Russ.).
10. Lutova N. 2017. Forming the regional documents collection: terminology analysis. *Bibliosfera*. No 1 : 73–78. (In Russ.).

11. Maslova A. 2010. Kraevedenie i biblioteka [Study of local lore and library]. St. Petersburg : Professiya. 268 p. (In Russ.).
12. Matlina S. 2003. Steps from knowledge – to love. Library study of local lore: others work or natural development of the? [Electronic resource]. *Biblioteka v shkole [Library at school]*. Available from : <http://lib.1september.ru/article.php?ID=200301912>. (In Russ.).
13. Rukovodstvo po kraevedcheskoi deyatel'nosti tsentral'noi biblioteki sub"ekta RF» [Guide to local history activity of the central library of the territorial subject of the Russian Federation] [Electronic resource]. Available from : http://www.rba.ru/cms_rba/news/upload-files/news/2017/14_04/ruk_kraeved.pdf. (In Russ.).
14. Rukovodstvo po kraevedcheskoi deyatel'nosti tsentral'noi biblioteki sub"ekta RF (oblasti, kraya) [Guide to local history activity of the central library of the territorial subject of the Russian Federation (areas, edges)] [Electronic resource]. Available from : http://www.rba.ru/content/about/doc/ruk_kraeved2.php. (In Russ.).
15. Talalakina O. 1973. Kraevedcheskaya rabota bibliotek [Local history work of libraries]. Moscow : MGIK. 94 p. (In Russ.).
16. Talalakina O. 1973. Study of local lore and problems of librarians. *Sovetskoe bibliotekovedenie [Soviet library science]*. No 5 : 18–25. (In Russ.).
17. Taranenko L. 2016. Library local history as a teaching discipline. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 3 (47) : 13–19. (In Russ.).
18. Taranenko L. 2016. The educational-methodological support evolution of library history courses. *Bibliosfera*. No 4 : 51–58. (In Russ.).
19. Fokeev V. 2008. Bibliograficheskaya nauka i praktika [Bibliographic science and practice]. Mikheeva G., scientific ed. St. Petersburg : Professiya. 272 p. (In Russ.).
20. Shcherba N. 1995. Bibliotechnoe i bibliograficheskoe kraevedenie [Library and bibliographic study of local lore]. Comp. by. Markina-Shcherba A. Moscow : Knizhnaya palata. 192 p. (In Russ.).

Received 13.06.2017

**Редакция научного журнала
«Вестник культуры и искусств» приглашает авторов и читателей
принять участие в подписной кампании**

Подписной индекс журнала в объединенном каталоге «Пресса России»

48677

По вопросам подписки и приобретения журнала обращаться:

454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе 36а, каб. 11;

тел./факс: (351) 263-87-73; e-mail: lib18@chgaki.ru.

URL: http://chgik.ru/sectr_raspr_izdat_prod

Волкова Елена Владимировна,

зав. сектором распространения издательской продукции ЧГИК

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ СОВЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ в 1920-е гг.

Проектирование предметно-пространственной среды библиотеки в 1920-е гг. ранее не исследовалось, однако именно в этот период происходит становление новой советской библиотеки (переход из традиционной дореволюционной, сугубо просветительской библиотеки в учреждение нового типа, совмещающее агитационно-пропагандистский пункт, собственно библиотеку и клуб). Основными типами библиотечных учреждений становятся библиотеки рабочих клубов и деревенские избы-читальни. В качестве социокультурных проектантов выступили художники русского авангарда, конструктивисты, представители изостудий Пролеткульта, руководствующиеся лозунгами «Новый быт требует новых вещей» и «Художник – организатор быта». Их подход к мебели в новых социальных условиях отвечал следующим положениям: разработка типовых решений планировки и оборудования, максимум свободного пространства, использование только утилитарной мебели, создание мобильных, трансформируемых многофункциональных объектов. Среди художников, занимающихся данным направлением, выделены Е. В. Семенова, Г. Г. Рязский, А. М. Лавинский, А. М. Родченко. Их деятельность повлияла на организацию пространства библиотек в последующие периоды.

Ключевые слова: русский авангард, конструктивизм, Пролеткульт, библиотечная мебель и оборудование, социокультурное проектирование, «советская библиотека», трансформируемость библиотечной мебели, многофункциональность библиотечной мебели, трансформация библиотеки, 1920-е годы

Для цитирования: Лаврова, К. Б. Конструирование предметно-пространственной среды советской библиотеки в 1920-е гг. / К. Б. Лаврова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 32–42.

Изучение истории любого социального института, в том числе такого социокультурного явления, как «советская библиотека», будет неполным без изучения его предметно-пространственной среды (ППС). Сам термин *среда* (с позиции системного подхода) определяет некий фрагмент реальности, в котором происходит функционирование всей системы. По мнению Г. К. Силаняна, «понятие среды подразумевает ее пространственную ограниченность, предметную наполненность, деятельностьную составляющую» [26, с. 28]. Применительно к библиотеке ППС – это мебель, оборудование, интерьеры и архитектура библиотечных зданий и помещений.

Начало изучения ППС «советской библиотеки» положено в работах архитектуроведов В. Э. Хазановой и С. О. Хан-Магомедова, библиотековедов Ю. Н. Столярова, К. Б. Лавровой, И. А. Коженкина, Е. В. Бахтиной и ряда других исследователей.

В работах В. Э. Хазановой в основном рассматривается клубная архитектура 1920-х гг., однако, будучи частью клубного здания, библиотека также попадает в сферу интересов исследователя [35]. Исследования С. О. Хан-Магомедова посвящены архитектуре русского авангарда, и поэтому клубы и избы-читальни 1920-х гг. также представляют интерес для автора [36].

В исследованиях Ю. Н. Столярова анализируются проблемы взаимодействия архитекторов и библиотекарей в процессе проектирования «советской библиотеки» [30], им также показана роль ряда библиотечных архитекторов (в частности Ф. Н. Пашенко) [28; 29] и определены основные этапы изучения материально-технической базы советской библиотеки [31; 32]. В работах К. Б. Лавровой выявляются отдельные направления деятельности Института библиотековедения и в целом организационные, методические и образовательные аспекты формирования ППС совет-

ской библиотеки [17; 18], а также место проблемы организации библиотечного здания в советском библиотековедении [17]. И. А. Коженин изучает вопрос проектирования и производства специальной библиотечной мебели и оборудования в советский период [11; 12]. Работы Е. В. Бахтиной посвящены деятельности библиотековеда В. Ф. Сахарова, активно развивавшего в практической и теоретической деятельности изучаемую проблематику [2].

Во всех вышеуказанных работах отчет формирования ППС советской библиотеки начинается с 1930-х гг. В целом интерес исследователей различных сфер к тем кардинальным преобразованиям в России в 1920–1930-е гг. вполне объясним, так как именно в данный период «происходили ключевые события XX века, положившие начало необратимым процессам в культуре... последствия которых мы ощущаем до сих пор» [38, с. 3].

Несомненно, данный период крайне интересен и важен и в контексте историко-библиотековедческих исследований. В его рамках вышло Постановление ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР» от 27 марта 1934 г., был создан всесоюзный Научно-исследовательский институт библиотековедения и рекомендательной библиографии, проведено предложенное Библиотечным управлением Наркомпроса РСФСР Совещание по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии, началось активное строительство и оборудование большого количества новых библиотечных зданий, для чего были разработаны первые типовые проекты и номенклатура библиотечной мебели и пр.

Однако за бортом библиотековедческих исследований в области формирования ППС фактически остается начальный период – 1920-е гг.

Несмотря на достаточно большое количество, по выражению С. О. Хан-Магомедова, «первичных достижений» 1920-х гг., т. е. того, что стало достоянием всей новой мировой архитектуры и дизайна [37, с. 6], данный пласт идей в сфере экспериментов в области библиотечной архитектуры и дизайна остается «забы-

тым» и практически не изученным. Причин этому видится несколько.

Во-первых, в сложных социально-экономических условиях 1920-х гг. (последствия Первой мировой и Гражданской войн, слом государственного строя, НЭП и пр.) заметного строительства и оборудования новых и реконструкции старых библиотечных зданий не происходило и эксперименты носили скорее *поисковый, проектный* характер, на практике же их реализовать фактически не удавалось. Во-вторых, уже в 1930–1950-е гг. весь художественный опыт русского авангарда 1920-х гг. был объявлен «антихудожественным и в корне ошибочным в социальном отношении» [37] и, следовательно, вычеркнутым из научных исследований, а в, казалось бы, относительно политически менее ангажированный постсоветский период интерес к предыдущему этапу истории в целом уменьшился в пользу более раннего и менее исследованного – дореволюционного.

Однако именно в рассматриваемый период происходит важнейший процесс – социокультурное проектирование новой советской библиотеки. Он сопровождался активными революционными экспериментами в области проектирования ППС советской библиотеки, в частности ее мебели и оборудования, в создании которых участвовали художники-авангардисты (а позднее и конструктивисты), а также теоретики и практики Пролеткульта. Изучение данных процессов (проектирование ППС и есть моделирование нового объекта) особенно важно, поскольку на первых порах активными социальными проектантами новой библиотеки стали фактически именно художники, так как, по мнению М. А. Коськова, «формирование предметной среды и протекающих в ней процессов – интегрирующая деятельность социальных организаторов, сценаристов и режиссеров, в каком бы облике они ни выступали: жреца или вождя, инженера или администратора, архитектора или художника» [14, с. 129].

В данной связи цель настоящей статьи – выявление основных мотивов, тенденций и участников проектирования библиотечной мебели и оборудования в указанный период.

Свершившаяся революция послужила толчком к созданию «новой культуры», «нового быта» (в том числе общественного) и в конечном итоге «нового человека».

Так, важнейшая особенность периода 1920-х гг. в конструкторских экспериментах нового советского дизайна заключается в том, что формально-эстетические поиски были *не самоцелью, а средствами* решения социальных проблем через поиск новых в социальном отношении типов зданий, их внутренних пространственных решений и предметно-вещных конструкций.

Во многом это связано с «психологией творчества» архитектора. По мнению В. Э. Хазановой, в основе этой психологии лежит «постоянное стремление быть вовлеченным в создание нового» [35, с. 25]. Другой причиной видится уникальность самого периода, когда русский авангард, будучи радикально революционным (в художественной и социально-политической сфере), «хотя и на относительно недолгое время, ближе всех подошел к реальной культурно-политической власти в своей стране» [7, с. 67].

Одним из своих первостепенных прикладных вопросов художники 1920-х гг. считали решение задач создания «нового быта». А. И. Мазаев определяет быт в широком смысле слова как «культуру жизни» [22, с. 201].

В деятельности художников 1920-х гг. на практике реализовывались два основных лозунга: «Новый быт требует новых вещей» и «Художник – организатор быта». Взвзвись за решение социальных проблем организации нового быта и считая себя вправе формировать социальный заказ от имени трудящихся масс общества, они сформулировали ряд основных положений своего подхода к мебели в целом в «новых социальных условиях».

Видя в старой мебели «пережиток прошлого», закрепляющий «идею ранга, феодальной иерархии», а в условиях буржуазной обстановки ту же идею, но «выраженную языком капитала, реализованную в сумме годового дохода» [1, с. 140], художники взяли за основу тенденцию к *социальной однородности общества*, отсутствие же контрастов в материальной сфере давало ре-

альную почву для разработки типовых решений планировки и оборудования не только ориентированных на массы жилых, но и общественных зданий. Максимум свободного пространства (что особенно важно в стесненных «жилищных» условиях 1920-х гг.), отказ от всякого рода «мебельных атрибутов, выполняющих только “представительские функции”» [Там же, с. 146], создание *трансформируемых* образцов мебели, которая позволяла бы «экономно использовать органическое... пространство и при частичных изменениях» могла выполнять не одну, а несколько функций (т. е. смена господствующих долгие века монофункциональных предметов мебели многофункциональными) – вот ключевые позиции, к которым пришли теоретики.

На оборудование жилых зданий основные ограничения ставили жилищный кризис, принятые в СССР нормы жилья и «покомнатное» расселение. В результате все функции жилища: отдых, питание, прием гостей, воспитание детей, учеба и работа – были сосредоточены в одном помещении. Л. М. Лисицкий приходит к выводу, что «само изменение типа жилья уже определяет изменение типа мебели» (курсив наш. – К. Л.) [34, с. 31].

Аналогичные процессы были характерны в исследуемый период и для общественных пространств, в частности для библиотек. Общая «жилищная» проблема коснулась и их. По причинам глубокого экономического краха государства 1920-х гг. и начавшегося НЭПа новые здания для библиотек практически не строились, и библиотекам приходилось ютиться в небольших непригодных помещениях. К тому же в ходе НЭПа массовые библиотеки были сняты с государственного снабжения. ЦК РКП(б) 16 ноября 1921 г. издал циркуляр «О порядке привлечения местных средств к расходам на содержание просветительных учреждений», который обязывал местные государственные и партийные органы «укрепить материальное положение учреждений культуры». По мнению В. С. Лельчука, «практически в реальной ситуации, характерной для этого времени, большинство из них лишились почти всякой финансовой поддержки» [20, с. 163].

Единственной реальной силой, способной финансово содержать социально-культурную сферу в городах, оставались профессиональные союзы, существующие за счет отчислений. Поэтому здесь начал активно создаваться новый тип библиотек – библиотеки рабочих и профсоюзных клубов, подчиняющие последним всю свою деятельность. В них иерархия функций выстраивалась следующим образом: политическая агитация, досуг и просвещение.

Во вновь создаваемой государственной сети культурно-просветительных учреждений на селе ведущее место отводилось избачитальням. Они должны были превратиться в «единый политпросветцентр деревни, т. е. центр, руководящий, планирующий и увязывающий всю политпросветработу» [4, с. 22], и одновременно совмещать собственно библиотечную функцию с клубной, подчас даже в одном-единственном помещении. Однако село в условиях отсутствия крупных коллективных хозяйств (колхозов и совхозов) в рассматриваемый период вообще не могло содержать социально-культурную сферу. К деревенским ячейкам, выйдя за рамки официального бюджета, были «приписаны» городские фабрично-заводские коллективы для оказания регулярной «шефской» (прежде всего в снабжении материальными средствами) помощи в их культурном развитии [20, с. 166].

Библиотеки рабочих клубов и избычитальни 1920-х гг. явились совершенно новыми, по своим социальным функциям специфично «советскими» учреждениями (агитационно-пропагандистский пункт – библиотека – клуб), и именно эти учреждения стали наиболее распространенными типами первых советских библиотек.

Таким образом, будучи абсолютно новыми типами учреждений, данные библиотеки и привлекли внимание художников-авангардистов 1920-х гг. Так, А. М. Родченко специально давал своим ученикам задание создать новую вещь или комплекс вещей с новыми социальными функциями, к примеру, оборудование для избычитальни или рабочего клуба [24, с. 247].

Для названных учреждений в целом стало характерно совмещение различных функций в одном помещении (*новая многофункциональность* библиотечного помещения, так как дореволюционные библиотечные помещения также можно считать многофункциональными, учитывая проведение в них различных форм внешкольной работы). Новая многофункциональность помещений советской библиотеки, как и жилища нового типа, во многом обусловила и применение трансформируемой мебели и оборудования.

Таким образом, *трансформируемость библиотечной мебели и оборудования* 1920-х гг., помимо общего «жилищного» кризиса, могла быть вызвана еще и *трансформацией самой библиотеки*: из традиционной дореволюционной, сугубо просветительской, в новую, советскую; поиском ею новых функций, форм и методов работы в новых социокультурных условиях. Невозможность спрогнозировать все потенциальные функции новой советской библиотеки сама собой приводила авторов к созданию многофункциональных мебельных трансформеров. (Интересно, что подобное наблюдается и сегодня, о чем говорят исследователи, анализируя требования к специальной библиотечной мебели и оборудованию в условиях видоизменения современных библиотек и поиска ими новых социокультурных моделей своей деятельности [12].)

Еще одной причиной увлечения трансформируемостью жилой и общественной мебели (в том числе библиотечной) был, на наш взгляд, характерный для 1920-х гг. интерес к различным «метафорам техномира». По мнению Ю. И. Лиханского, «машинные формы, индустриальные мотивы, элементы технических устройств романтически истолковывались в качестве символа, связанного с пролетариатом, промышленным трудом» [21, с. 17].

Первыми из художников к библиотекам, прежде всего клубным, обратились пролеткультовцы.

Пролеткульт («Пролетарская культура») – самостоятельная организация рабочего класса, возникшая в России незадолго до революции, ставившая своими задачами воспитание обра-

зованного рабочего и формирование новой пролетарской культуры в рамках первоначально буржуазного общества. Позднее идеологи Пролеткульта уже считали, что старую буржуазную культуру необходимо разрушить «до основания, а затем» создать совершенно новую пролетарскую коллективную культуру всемирной коммуны. Культурная деятельность Пролеткульта сразу же приняла многосторонний характер. После Октябрьской революции в декабре 1917 г. в Пролеткульте были созданы клубная и библиотечная секции. Основной ячейкой пролеткультовской организации был клуб, который являлся общественной организацией. Он объединял лиц одного социального круга – представителей пролетариата – для совместного времяпрепровождения (отдыха, развлечения, практической художественной работы). Однако среди основных задач клубов было все же «давать знания и приучать к чтению» [9, с. 87]. Пролеткультовцы стремились соединить клубную и библиотечную деятельность и создать библиотеку и читальню в каждом клубе, целенаправленно и плодотворно работая в данном отношении. По их мнению, клуб должен был иметь, помимо проведения курсов, студий и спектаклей, библиотеку и читальный зал [23].

Лидеры пролеткульта желали отмежеваться от культурных традиций прошлого, делали ставку на поиск собственных путей и новых методов творческой работы, более близких пролетарской аудитории. Они объявили войну старой культуре, старому быту, которые, по их мнению, в новых условиях абсолютно не нужны и бесполезны.

Формирование нового быта пролеткультовцы начинали прежде всего с создания нового клуба, его новой пространственно-предметной среды. Характерен лозунг середины 1920-х гг., который художница Е. В. Семенова поместила в своем проекте рабочего клуба (1926 г.): «Через клуб – к новому быту» [Цит. по: 16, с. 112].

В основном на первых порах представители студий из Пролеткультов участвовали только в оформлении клубных помещений, а задачи работы изокружка подчинялись общим

задачам клубной самодеятельности. Это в целом, по мнению К. Г. Богемской, способствовало обращению рабочих-художников «к непосредственному оформлению их нового общественного быта» [3, с. 406]. В этой связи среди задач изокружка определялось следующее: «... в области инсценировки он участвует в установке и соответственном выявлении площадки... а также выполняет работу по украшению клубов» [8, с. 122]. К. Г. Богемская указывает, что еще в 1918–1919 гг. «при художественном училище в Витебске открылась коммунальная мастерская по исполнению всех городских заказов – вывесок, плакатов для школ, библиотек» [3, с. 403], а в 1924 г. в залах Академии художеств в Ленинграде была развернута выставка изокружков, на которой «были экспонаты, свидетельствовавшие о сотрудничестве изокружков с... библиотечными кружками» [Там же, с. 428].

В. Э. Стадников приводит воспоминания художника студии из самарского Пролеткульта Георгия Рязского о работе в 1918–1919 гг.: «В Самаре была целенаправленная работа прифронтовой полосы... Вспоминая эти годы, приходится удивляться тому напору и дерзости, с которыми горстка молодых художников бралась за работу. Мы расписывали два красноармейских клуба... новую библиотеку-читальню им. Парижской коммуны» [Цит. по: 27, с. 51].

Помимо собственно оформления помещений библиотек, начинается и проектирование новой библиотечной мебели. В 1925 г. в журнале «Клуб» в статье А. Шнеера дается описание многофункциональной конструкции (ее автора установить не удалось. – К. Л.), содержащей, кроме традиционной стационарной полки для книг и выдвигаемых поочередно плоскостей для размещения выставочного материала, и «окошко с передвижной лентой, на которой помещается быстро меняющийся текущий материал (газетные и журнальные вырезки)», при этом сама лента «вращается на валиках» (фактически речь идет о чтении «свитка», а не традиционного «кодекса», т. е. некоего прообраза компьютерного экрана) [41, с. 26].

В статьях 1925 г. И. Лейзерова [19] и 1926 г. Г. Коченова [15, с. 94] представлены два образца «вращающегося» книжного шкафа (конструкторов шкафов установить не удалось. – *К. Л.*). В первом случае шкаф состоит из двух половин. Низ глухой, а верх «с тремя открытыми стенками и свободно вращающимся внутри шестигранным барабаном с тремя полками для книг» [19]. В результате на небольшой площади используется 18 отдельных полок для расстановки литературы по всем отраслям, а на внешних стенах могут быть размещены рекомендательные списки и плакаты. Во втором случае это скорее конструкция для экспозиции рекомендательных списков, которая при некоторой доработке может превратиться в выставочный или книжный шкаф. Здесь неподвижно лишь основание, а вся конструкция вращается.

В 1926 г. Е. В. Семенова предложила оборудование рабочего клуба, состоявшее из модульных столов, стульев с объемными решетчатыми спинками и комплекса складчатых ширм с откидными сиденьями, позволяющими зонировать рабочее пространство [Цит. по: 16, с. 112.].

В том же году в ее статье появился образец механизированного каталожного шкафа на шесть ящиков. Вот его описание: «В деревянном ящике со стеклянным верхом помещены два валика, на разряд которых идет непрерывная лента (по принципу конвейера. – *К. Л.*) с напечатанным на ней каталогом, две ручки этих валиков дают возможность вертеть в двух направлениях ленту» [25]. В статье также отмечалось, что подобное устройство каталога «исключает карточную систему», устраняя ее недостатки: карточки не теряются и не рвутся. В данном случае мы уже можем наблюдать не просто конструирование очередного образца библиотечной мебели со стороны художника, но и элементы библиотечного проектирования, что говорит о глубоком знании художником основ функционирования данного предмета. В том же номере журнала появился образец «книжного барабана» – вращающегося стола для чтения газет и журналов, предложенного

Ф. Кондратовым. По мнению автора, «преимуществом» такого стола является то, что «читающий, сидя на одном месте, имеет возможность просматривать все имеющиеся на нем газеты и журналы», что актуально для небольших помещений, которые занимали клубные библиотеки [13].

«Конструируя утилитарную вещь, – по мнению И. Чканикова и Н. Серова, – нельзя успешно справиться с задачей, не представив себе точно, какие функции должна данная вещь выполнять, причем функции вещи определяются функциями того коллектива, для обслуживания которого вещь предназначается» [40, с. 30]. Таким образом, мобильность и многофункциональность – вот основные требования, предъявляемые Пролеткультом к новой клубной (в том числе библиотечной) мебели: «вещи в клубе при небольшом их количестве должны обслуживать весьма многочисленные и многообразные функции клубного коллектива. Отсюда возникает необходимость в том, чтобы вещь могла трансформироваться (менять форму с изменением функции)» [Там же, с. 32]. При этом авторы статьи отмечали, что «стремление к разумной экономии при оборудовании клубов должно привести именно к трансформирующейся вещи, а вовсе не к вещи дешевой» [Там же, с. 30].

Столь пристальное внимание к новой клубной мебели объяснялось ее новым значением. По мнению И. Чканикова, высказанному им в 1926 г., «помещение клуба, каждую вещь из его оборудования нужно рассматривать как инструмент, которым обрабатывается сознание массы, как фактор, воспитывающий те или иные навыки» (курсив наш. – *К. Л.*) [39, с. 54].

Недостаток финансовых средств, отсутствие строительных материалов, техническая слабость мебельной отрасли определили следующую особенность проектирования библиотечной мебели и оборудования 1920-х гг.: выполнение не для конкретного производства, а в виде неких «образцовых» проектов, временных выставочных экспонатов – макетов в натуральную величину, чертежи которых журналы и

специально изданные альбомы рекомендовали для широкого внедрения. Однако они предлагались не в качестве «непреложных образцов, готовых штампов, как альбом “мод”», а с целью «дать толчок художественной мысли читателя, пробудить в нем своего рода самодеятельность и изобретательность» [10, с. 3].

После успешных опытов А. М. Родченко редакции стали обращаться к художникам с просьбой разработать для них различные образцы клубной мебели, проекты которых публиковались на страницах специализированных журналов «Клуб» и «Рабочий клуб» и др.

В 1925 г. издан альбом «Искусство в быту», представивший проекты образцов оборудования изб-читален (архитектор А. М. Лавинский, ВХУТЕМАС), а также их оформления (рис. Познева [Инициалы не установлены. – К. Л.], Московский кустарный техникум). В редакционной статье к сборнику писалось: «Разумеется, современное состояние Советского Союза еще не дает достаточных материальных предпосылок для того радикального преобразования всей внешней культуры... Но этот переходный “сегодняшний день”, с его быстрым и напряженным темпом жизни, с его необходимостью экономить силы и средства, вызывает еще большую нужду в особых наименее громоздких и наиболее целесообразных формах... общественного убранства. Простота, гигиеничность, целесообразность, соответствие трудовому образу жизни и вместе с тем свежая и яркая декоративность – таковы наши основные советские лозунги в области внешнего благоустройства, отличающие нас от остальной Европы...» [10, с. 1]. Поэтому редакцией особо обращалось внимание на то, что предлагаемые образцы «могут быть достигнуты без помощи специалистов-профессионалов – творческими силами» самого коллектива [Там же, с. 2].

Популяризация проектов нового быта велась, помимо печати, и через театральные постановки, для которых проектировалось, изготавливалось (для использования в процессе игры актерами) разнообразное оборудование, в том числе для клубов и т. д. [6, с. 308].

По мнению А. А. Стригалева, в рассматриваемый период именно «сценография освоила роль “малой”, но программной и более мобильной, чем реальная, архитектуры, в силу относительной легкости решения технико-экономических вопросов» [33, с. 255]. Ей удалось варьировать множество решений трансформируемого архитектурного пространства спектакля перегруппировкой «архитектурных элементов декораций» [Там же]. Использование театральных подмостков для рекламы подобной мебели получило широкое распространение.

Например, в 1925 г. 2-й передвижной театральной мастерской Моспролеткульта была поставлена комедия-памфлет А. Богомолова «Обезьяний суд». Целью вещественного оформления пьесы режиссер и художник видели «создание новых вещей, могущих быть реально использованными в быту» [5, с. 42]. В данном случае разработанное оформление представляет собой трансформирующийся шкаф, вертящийся на шариках. Изменение отдельных частей шкафа давало возможность каждый раз показывать зрителю новое место действия. Особенно выразительное и практическое значение такой шкаф мог получить в клубе для создания соответствующих уголков – отдыха или библиотечного, поскольку шкаф не только изменялся архитектурно, но и представлял полное оборудование места: столы, диваны, стулья, лампы и т. д.

Возможность практического применения шкафа подтверждалась тем, что им заинтересовался мебельный трест Моссовета («Мосдрев»), который в целях опытного экспериментирования производства бытового оборудования осуществлял в то же время подобное задание на своих фабриках [Там же].

В завершение приведем слова В. Э. Хазановой: «Точная дата произведения архитектуры (и шире – дизайна. – К. Л.) – время рождения идей... никогда не бывает случайным. Реальное же воплощение их чаще всего зависит от множества внеархитектурных обстоятельств». Оценка собственно архитектурных и дизайнерских замыслов 1920-х годов «как

“опережающих свое время”, “оторванных от действительности”, “преждевременных” несправедлива. Они современны, то есть были рождены именно своим временем» [35, с. 5]. Несмотря на свою программность и в целом проектный характер, библиотечная мебель, спроектированная художниками русского авангарда, конструктивистами и участниками изостудий Пролеткульта в 1920-е гг., отражала

свое время, а следовательно, представляла тогда практический интерес.

Выступая в качестве социокультурных проектантов новой советской библиотеки, художники создали прообразы многих объектов, организующих пространство библиотек в последующие советские периоды, а некоторые из их идей нашли свое отражение в оборудовании отечественных библиотек и сегодня.

1. Аркин, Д. Мебель / Д. Аркин // Искусство бытовой вещи. Очерки новейшей художественной промышленности / Д. Аркин. – Москва : ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1932. – С. 137–151 : фот.
2. Бахтина, Е. В. Библиотековед, педагог и общественный деятель В. Ф. Сахаров (1901–1986): реконструкция научной биографии : дис. ... канд. пед. наук : 05.25.03 / Е. В. Бахтина. – Санкт-Петербург, 2014. – 221 с.
3. Богемская, К. Г. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство / К. Г. Богемская // Самостоятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1917–1932 гг. / [ред. кол. : К. Г. Богемская [и др.]. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. – С. 400–464.
4. Виленкин, А. Библиотека и изба-читальня / А. Виленкин // Крас. библиотекарь. – 1925. – № 10. – С. 22–26.
5. Винер, А. Обезьяний суд / А. Винер // Рабочий клуб. – 1926. – № 1. – С. 40–43.
6. Грашин, А. А. Предыстория дизайна, конструктивизм, производственное искусство и функционализм 20–30-х гг. XX в. / А. А. Грашин // Краткий курс стилиевой эволюции мебели / А. А. Грашин. – Москва : Архитектура-С, 2007. – С. 295–316.
7. Гройс, Б. Русский авангард по обе стороны «черного квадрата» / Б. Гройс // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 67–73.
8. Гуцин, А. С. Самостоятельное изоискусство / А. С. Гуцин. – Москва ; Ленинград : ОГИЗ-Гос. изд-во изобраз. искусств, 1931. – 262,[2] с.
9. Иванцов, Д. С. Феномен пролеткульта в культурно-историческом аспекте (на материалах Костромского края) : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Д. С. Иванцов. – Киров, 2006. – 187 с.
10. Искусство в быту : 36 таблиц / общ. худож. ред. Я. А. Тугендхольда. – [Москва] : Изд-во «Известий ЦИК СССР и ВЦИК», [1925]. – 39 с. : табл. – (Приложение к журналу «Красная Нива»).
11. Коженкин, И. А. История изучения библиотечной мебели и оборудования в отечественном библиотековедении в период до Великой Отечественной войны / И. А. Коженкин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 53–59.
12. Коженкин, И. А. Трансформация требований к разработке и внедрению специальной библиотечной мебели и оборудования в новых социокультурных условиях : дис. ... канд. пед. наук : 05.25.03 / И. А. Коженкин. – Челябинск, 2015. – 212 с. : ил.
13. Кондратов, Ф. Стол газет и журналов / Ф. Кондратов // Клуб. – 1926. – № 9 (16). – С. 86 : ил.
14. Коськов, М. А. Предметный мир как система : дис. ... докт. филос. наук : 24.00.01 / М. А. Коськов. – Санкт-Петербург, 2001. – 342 с.
15. Коченов, Г. Клубная литература / Г. Коченов // Клуб. – 1926. – № 1. – С. 94–95 : ил.
16. Лаврентьев, А. Н. Мебель как объект экспериментального проектирования 20-х годов / А. Н. Лаврентьев // Страницы истории отечественного дизайна. Исследования и публикации / ред. кол. : О. И. Генисаретский [и др.]. – Москва : [б. и.], 1989. – С. 109–125. – (Труды ВНИИТЭ / ВНИИ техн. эстетики. Серия «Техническая эстетика» ; вып. 59).
17. Лаврова, К. Б. «Организация библиотечного здания» как раздел библиотековедения : дис. ... канд. пед. наук : 05.25.03 / К. Б. Лаврова. – Москва, 1997. – 220 с.
18. Лаврова, К. Б. Проблематика проектирования библиотечных зданий и оборудования в образовательной, научно-исследовательской и научно-методической деятельности Института библиотековедения

- (1920–1933 гг.) / К. Б. Лаврова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 43–52.
19. Лейзеров, И. Шестигранный книжный шкаф / И. Лейзеров // Клуб. – 1925. – № 4 (сент.). – С. 90 : ил.
20. Лельчук, В. С. К вопросу о материальных основах развития культуры / В. С. Лельчук // Советская культура. История и современность / [ред. кол. : Б. Б. Пиотровский (отв. ред.) [и др.]]. – Москва : Наука, 1983. – С. 145–167.
21. Лиханский, Ю. И. Пути образного освоения техномира в архитектуре XX века : автореф. дис. ... канд. архитектуры : 18.00.01 / Ю. И. Лиханский. – Москва, 1992. – 24 с.
22. Мазаев, А. И. Пространственные искусства и быт / А. И. Мазаев // Страницы истории советской художественной культуры. 1917–1932 / отв. ред. А. Я. Зись. – Москва : Наука, 1989. – С. 197–233.
23. Примерный устав клуба Пролеткульта / [Всерос. Пролеткульт] // Пролет. культура. – 1919. – № 7/9. – С. 62–65.
24. Рунге, В. Ф. ВХУТЕМАС-ВХУТЕИИ. Советский отдел на Международной выставке в Париже, 1925 // История дизайна, науки и техники : в 2 кн. / В. Ф. Рунге. – Москва : Архитектура-С, 2008. – Кн. 1. – С. 244–252 : ил.
25. Семенова, Е. Оборудование библиотеки-читальни / Е. Семенова // Клуб. – 1926. – № 9 (16). – С. 84 : ил.
26. Силанян, Г. К. Пространственная среда как социокультурный феномен : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Г. К. Силанян. – Краснодар, 2002. – 162 с.
27. Стадников, В. Э. Архитектура Самары в 1920–1930-е годы : дис. ... канд. архитектуры : 18.00.01 / В. Э. Стадников. – Самара, 2000. – 182 с.
28. Столяров, Ю. Н. 100 лет со дня рождения Федора Николаевича Пашенко / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2007. – № 6. – С. 60–81.
29. Столяров, Ю. Н. Архитектор библиотечных зданий / Ю. Н. Столяров // Библиотекосведение. – 2007. – № 3. – С. 78–82.
30. Столяров, Ю. Н. Архитектор – союзник или враг библиотекаря? МТБ как родовой элемент / Ю. Н. Столяров // Библ. дело. – 2007. – № 1. – С. 6–9.
31. Столяров, Ю. Н. Библиотека: структурно-функциональный подход / Ю. Н. Столяров. – Москва : Книга, 1981. – 225 с.
32. Столяров, Ю. Н. Материально-техническая база библиотеки как предмет изучения / Ю. Н. Столяров // Российское библиотековедение. XX век. Направления развития, проблемы и итоги. Опыт монографического исследования / сост. Ю. П. Мелентьева. – Москва : Фаир-Пресс : Пашков дом, 2003. – С. 377–388.
33. Стригалева, А. А. Художественный язык советской архитектуры (1917–1932) / А. А. Стригалева // Страницы истории советской художественной культуры. 1917–1932 / отв. ред. А. Я. Зись. – Москва : Наука, 1989. – С. 234–258.
34. Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 год : [сб.-альбом] / РСФСР, Строит. комиссия ; [ред. В. И. Вельмана]. – Москва : Гостехиздат, [1930]. – 156 с.
35. Хазанова, В. Э. Опыт изучения советской архитектуры 1917–1932 гг. : автореф. дис. ... д-ра искусствосведения : 18.00.01 / В. Э. Хазанова. – Москва, 1996. – 82 с.
36. Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. Кн. 2. Социальные проблемы / С. О. Хан-Магомедов. – Москва : Стройиздат, 2001. – Гл. 5. – 712 с.
37. Хан-Магомедов, С. О. О состоянии и задачах изучения периода становления советской архитектуры / С. О. Хан-Магомедов // Проблемы истории советской архитектуры / [под ред. С. О. Хан-Магомедова]. – Москва : [б. и.], 1975. – С. 5–18.
38. Черняева, Е. Н. Концепция жизнестроительства как основа производственного искусства в России 1920–1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. искусствознания : 17.00.04 / Е. Н. Черняева. – Барнаул, 2013. – 23 с.
39. Чкаников, И. Война хижинам! Война дворцам! / И. Чкаников // Рабочий клуб. – 1926. – № 10. – С. 54–58.
40. Чкаников, И. Клубная мебель / И. Чкаников, Н. Серов // Рабочий клуб. – 1928. – № 2. – С. 30–38 : рис.
41. Шнеер, А. Библиотека в клубе / А. Шнеер // Клуб. – 1925. – № 4 (сент.). – С. 23–31 : ил.

Получено 11.05.2016

K. Lavrova

Candidate of Pedagogik Sciences, Docent,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: kloyna@yandex.ru

PROJECTION OF OBJECTIVE-SPATIAL ENVIRONMENT OF THE SOVIET LIBRARY IN 1920-S

Abstract. *Projection of objective-spatial environment of a library has not been studied before. But it was exactly at that time when a new Soviet library was being formed (transition from the traditional quite educational outreach pre-revolutionary library to a new-type institution combining agitation and propaganda point, a library and a club). Workers clubs' libraries and village reading rooms became the main types of library institutions. Artists of Russian avant-garde, constructivists, Proletcult paint shops members following the slogans of "New mode of life requires new things" and "Artist is an organizer of a new mode of life" took on the role of socio-cultural planners. Their approach to furniture under the new social circumstances was meeting such provisions as working out of type-approval decisions of planning and equipment, maximum of free environment, use of only utilitarian furniture and creation of mobile transformed multi-functional objects. Among artists involved in this direction are E. V. Semenova, G. G. Ryazhsky, A. M. Lavinsky, A. M. Rodchenko. Their activities have influenced the organization of libraries' environment in the post-war years.*

Keywords: *Russian avant-garde art, constructivism, Proletcult, library furniture and equipment, socio-cultural projection, «Soviet library», transformability of library furniture, library furniture multi-functionality, transformation of libraries, the 1920-ies*

For citing: *Lavrova K. 2017. Projection of objective-spatial environment of the Soviet library in 1920-s. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 32–42.*

References

1. Arkin D. 1932. Furniture. *Iskusstvo bytovoy veshchi. Ocherki noveyshey khudozhestvennoy promyshlennosti* [Art of household things. Sketches of the latest art industry]. Moscow : OGIZ-IZOGIZ. P. 137–151 : photos. (In Russ.).
2. Bakhtina E. 2014. *Bibliotekoved, pedagog i obshchestvennyy deyatel' V. F. Sakharov (1901–1986): rekonstruktsiya nauchnoy biografii* [Librarian, teacher and public figure V. Sakharov (1901–1986): reconstruction of the scientific biography]. St. Petersburg. 221 p. (In Russ).
3. Bogemskaya K. 2000. Fine arts and crafts. *Samodeyatel'noe khudozhestvennoe tvorchestvo v SSSR. Ocherki istorii. 1917–1932 gg.* [Amateur art creativity in the USSR. Essays on history. 1917–1932]. St. Petersburg : Dmitriy Bulanin. P. 400–464. (In Russ).
4. Vilenkin A. 1925. Library and reading-room. *Krasnyy bibliotekar'* [Red librarian]. No 10 : 22–26. (In Russ).
5. Viner A. 1926. Monkey court. *Rabochiy klub* [Working club]. No 1 : 40–43. (In Russ).
6. Grashin A. 2007. Prehistory of design, constructivism, industrial art and functionalism 20–30-ies 20th century. *Kratkiy kurs stilevoy evolyutsii mebeli* [Short course of style evolution of furniture]. Moscow : Arhitektura-S. P. 295–316. (In Russ).
7. Groys B. 1990. Russian avant-garde on both sides of the "black square". *Voprosy Filosofii* [Issues of philosophy]. No 11 : 67–73. (In Russ).
8. Gushchin A. 1931. *Samodeyatel'noe izoiskusstvo* [Amateur art]. Moscow ; Leningrad : State publishing house of the fine arts. 262 p. (In Russ).
9. Ivantsov D. 2006. Fenomen proletkul'ta v kul'turno-istoricheskom aspekte [The phenomenon of proletarianism in the cultural and historical aspect]. Kirov. 187 p. (In Russ).
10. *Iskusstvo v bytu* [Art in the home]. 1925. Tugenhof'd IA., ed. Moscow : Izd. "Izvestiy TSIK SSSR I VTSIK". 39 p. (In Russ).
11. Kozhenkin I. 2013. History of studying librarian furniture and equipment at the domestic librarian science at the period till Great Patriotic war. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 2 (34) : 53–59. (In Russ).
12. Kozhenkin I. 2015. Transformatsiya trebovaniy k razrabotke i vnedreniyu spetsial'noy bibliotechnoy mebeli i oborudovaniya v novykh sotsiokul'turnykh usloviyakh [Transformation of requirements for the development and implementation of special library furniture and equipment in new sociocultural conditions]. Chelyabinsk. 212 p. (In Russ).
13. Kondratov F. 1926. Table of newspapers and magazines. *Klub* [Club]. No 9 (16) : 86. (In Russ).
14. Koskov M. 2001. *Predmetnyy mir kak sistema* [The subject world as a system]. St. Petersburg. 342 p. (In Russ).

15. Kochenov I. 1926. Literature club. *Klub [Club]*. No 1 : 94–95. (In Russ).
16. Lavrentev A. 1989. Furniture as an object of experimental design of the 1920s. *Stranitsy istorii otechestvennogo dizayna. Issledovaniya i publikatsii [Pages of the history of domestic design. Research and publications]*. Moscow : (s.n.). P. 109–125. (In Russ).
17. Lavrova K. 1997. “Organizatsiya bibliotchnogo zdaniya” kak razdel bibliotekovedeniya [“Organization of a library building” as a section of library science]. Moscow. 220 p. (In Russ).
18. Lavrova K. 2013. Problematics of designing library buildings and equipment in the educative, scientific-research and scientific-methodical activity of the Institute of library science (1920–1933). *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 2 (34) : 43–52. (In Russ).
19. Leizerov I. 1925. Hexagonal bookcase. *Klub [Club]*. No 4 : 90. (In Russ).
20. Lelchuk V. 1983. To the question of the material bases of the development of culture. *Sovetskaya kul'tura. Istoriya i sovremennost' [Soviet culture. History and modernity]*. Moscow : Nauka. P. 145–167. (In Russ).
21. Likhanskii IU. 1992. Puti obraznogo osvoiniya tekhnomira v arkhitekture XX veka [Ways of imaginative mastering of techno-world in architecture of the 20th century]. Moscow. 24 p. (In Russ).
22. Mazaev A. 1989. Spatial arts and way of life. *Stranitsy istorii sovetskoy khudozhestvennoy kul'tury. 1927–1932 [Pages of the history of Soviet artistic culture. 1917–1932]*. Zis A., ed. Moscow : Nauka. P. 197–233. (In Russ).
23. Approximate charter of the club Proletkult. 1919. *Proletarskaya kul'tura [Proletarian culture]*. No 7/9 : 62–65.
24. Runge V. 2008. VHUTEMAS-VHUTEIN. The Soviet section at the International exhibition in Paris, 1925. *Istoriya dizayna, nauki i tekhniki : in 2 kn. Kn. 1 [History of design, science and technology : in 2 book. Book 1]*. Moscow : Arhitektura-S. P. 244–252. (In Russ).
25. Semenova E. 1926. Library-reading room equipment. *Klub [Club]*. No 9 (16) : 84. (In Russ).
26. Silanian G. 2002. Prostranstvennaya sreda kak sotsiokul'turnyy fenomen [Spatial environment as a socio-cultural phenomenon]. Krasnodar. 162 p. (In Russ).
27. Stadnikov V. 2000. Arkhitektura Samary v 1920–1930-e gody [Architecture of Samara in 1920–1930-ies]. Samara. 182 p. (In Russ).
28. Stoliarov IU. 2007. 100 ears since the birth of Fedor Panchenko. *Scientific and Technical Libraries*. No 6 : 60–81. (In Russ).
29. Stoliarov IU. 2007. Architecture of Library Buildings. *Bibliotekovedenie [Library Science]*. No 3 : P. 78–82. (In Russ).
30. Stoliarov IU. 2007. Is the architect an ally or an enemy of the librarian? MTB as a generic element. *Bibliotchnoe delo [Library science]*. No 1 : 6–9. (In Russ).
31. Stoliarov IU. 1981. Biblioteka: strukturno-funktsional'nyy podkhod [Library: structural-functional approach]. Moscow : Kniga. 225 p. (In Russ).
32. Stoliarov IU. 2003. The material and technical basis of the library as a subject of studying. *Rossiyskoe bibliotekovedenie. XX vek. Napravleniya razvitiya, problemy i itogi. Opyt monograficheskogo issledovaniya [Russian Library Science. The twentieth century. Directions of development, problems and results. Experience of monographic research]*. Melenteva IU., comp. Moscow : Fair-Press : Pashkov dom. P. 377–388. (In Russ).
33. Strigalev A. 1989. The artistic language of Soviet architecture (1917–1932). *Stranitsy istorii sovetskoy khudozhestvennoy kul'tury. 1917–1932 [Pages of the history of Soviet artistic culture. 1917–1932]*. Zis A., ed. Moscow : Nauka. P. 234–258. (In Russ).
34. Tipovye proekty i konstruktsii zhilishchnogo stroitel'stva, rekomenduemye na 1930 god [Typical projects and structures of housing construction, recommended for 1930]. 1930. Velman V., ed. Moscow : Gostechizdat. 156 p. (In Russ).
35. Khazanov V. 1996. Opyt izucheniya sovetskoy arkhitektury 1917–1932 [The experience of studying soviet architecture 1917–1932]. Moscow. 82 p. (In Russ).
36. Khan-Magomedov S. 2001. Arkhitektura sovetskogo avangarda [Architecture of Soviet avant-garde]. Moscow : Stroyizdat. Book 2. 712 p. (In Russ).
37. Khan-Magomedov S. 1975. On the state and tasks of studying the period of the formation of Soviet architecture. *Problemy istorii sovetskoy arkhitektury [Problems of the history of Soviet architecture]*. Khan-Magomedov S., ed. Moscow : (s. n.). P. 5–18. (In Russ).
38. Cherniaeva E. 2013. Kontsepsiya zhiznestroitel'stva kak osnova proizvodstvennogo iskusstva v Rossii 1920–1930 [The concept of life-building as the basis of industrial art in Russia in the 1920s–1930s]. Barnaul. 23 p. (In Russ).
39. Chkanikov I. 1926. War to the huts! War to the palaces! *Rabochiy klub [Working club]*. No 10 : 54–58. (In Russ).
40. Chkanikov I. 1928. Club furniture. *Rabochiy klub [Working club]*. No 2 : 30–38. (In Russ).
41. Shneer A. 1925. Library in the club. *Klub [Club]*. No 4 (Sept.) : 23–31. (In Russ).

Received 11.05.2016

З. А. Овчинникова

аспирант, Челябинский
государственный институт культуры
E-mail: zoyageraskina1995@yandex.ru

МУЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Современное общество активно меняется. На смену индустриальной социальной модели приходит информационная цивилизация. Социальные институты, чья деятельность связана с сохранением и трансляцией социальной памяти, переживают тяжелый кризис и потерю ориентиров собственного развития. Вопрос о функциях музея как одного из институтов сохранения социальной памяти обладает высокой актуальностью. Дискуссия по этой проблеме началась в 1970-е гг. и не прекращается до сих пор. Сегодня специалисты говорят свыше чем о тридцати конкретных функциях музеев, однако лишь часть из них связана с процессами социокультурных трансформаций.

Нами выделяются именно эти группы функций, связанные: во-первых, с повышением роли науки и исследовательской деятельности; во-вторых, с изменением структуры занятости (увеличением числа занятых в сфере услуг и информации); в-третьих, с трансформацией в информационном обществе функций музеев по сохранению и трансляции социальной памяти.

Музей больше не может быть пассивным хранителем культурного наследия. Он должен активно включаться в процессы социокультурных трансформаций.

Крупнейшие музеи в целом уже прошли путь адаптации, в то время как процессы адаптации региональных музеев к новой социальной реальности только начались. Новая миссия музея может заключаться в активном участии в формировании культурного ландшафта и сохранении связи с предыдущими эпохами.

Ключевые слова: музей, функции музеев, миссия музея, информационное общество, культура информационной эры

Овчинникова, З. А. Музей в контексте социально-культурных трансформаций информационного общества / З. А. Овчинникова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 43–48.

В середине XX в. современная научно-техническая революция приводит к изменению уклада современного общества. Новый тип социального устройства получает название «информационное общество». Согласно взглядам теоретиков, исследовавших эту проблему, такой социальный тип отличают:

- высокая роль информации, которая превращается в наиболее ценный ресурс экономического развития и благосостояния,
- высокая значимость теоретического и кодифицированного знания,
- высокая скорость технических и социальных инноваций,
- изменения в социальной структуре и структуре занятости – повышение роли высококвалифицированных специалистов, снижение роли рабочего класса,

– трансформация нединамичных иерархических структур управления в гибкие сетевые структуры, имеющие временный и оперативный характер,

– глобальный характер происходящих изменений и формирования новых социальных, экономических и политических институтов [См.: 3; 7; 21; 22].

В начале XXI в. информационное общество в представленном теоретиками виде определено уже состоялось. Новый тип социального устройства влияет не только на экономические и политические аспекты [См., напр.: 4], но и на развитие социальных институтов, имевших значение для индустриального общества.

Тяжелее всего информационную трансформацию переживают социальные институты,

чья деятельность связана с хранением и передачей социальной и культурной памяти, сохранением традиций и достижений культуры предшествующих эпох, – это библиотеки, архивы и музеи. Именно профессиональные сообщества этих организаций с тревогой вглядываются в будущее и пытаются отыскать новые пути существования и развития в рамках, которые им определяет информационная цивилизация [1; 2; 6; 9; 11; 19; 20]. Информационное общество создает два вида угроз для существования этих институтов.

Первая – угроза снижения и дальнейшего исчезновения интереса к сохранению культурной памяти как таковой. Цивилизация XXI в. больше заинтересована не в прошлом и его осколках, а в будущем и в приближающих это будущее инновациях.

Вторая – угроза исчезновения социальной потребности в сохранении материальных артефактов и расширения оцифровки как самих сохраняемых этими институтами объектов, так и механизмов их коммуникации со своей аудиторией.

Оцифровка архивов серьезно уменьшает востребованность архивной службы в аспекте поиска, обработки, первичного анализа архивных сведений, поэтому уже в ближайшее время перед архивами может встать вопрос о целесообразности их содержания и поиске их места в информационном обществе. Электронные библиотеки уже сегодня берут под сомнение необходимость нахождения массовых библиотек в малых и крупных городах. Все это определяет кризисные явления среди институтов хранения социальной памяти.

Оказался ли институт музеев под таким же прессом? Об утвердительном ответе на этот вопрос свидетельствует снижение интереса населения к региональным музеям, которые наиболее остро переживают кризис наступления информационного общества. В этих условиях, начиная с наиболее крупных и известных музеев и постепенно распространяясь на все более локальные по степени своей значимости, изменяются социальные и культурные функции данного социального института.

Первоначальными функциями музея (у истоков этого института – эллинистические Музейон и Александрийский серапиум) было собирание, изучение, хранение и экспонирование предметов и памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, а также просветительская и популяризаторская деятельность [14, с. 509; 23]. Вопрос не только о специальных функциях музея, но и о функциях, возникающих в контексте конкретной социальной и культурной ситуации, впервые поднимается в научных дискуссиях 1970–1980-х гг. такими авторами, как А. М. Разгон, Д. А. Равикович и Ю. П. Пищулин. Эти исследователи пришли к выводу, что функции, связанные с сохранением и трансляцией исторической памяти, являются приоритетными для музеев, а все остальные исполняются ими «факультативно». Однако данная точка зрения не стала общепринятой и дискуссии по этому предмету не утихают до сих пор. Обращение к современным работам показывает, что в информационном обществе специалисты-музеологи и культурологи обнаруживают всё новые и новые функции музеев. В исследованиях последних 15 лет выделяется свыше 30 различных функций музея как *социального института*, и так называемые приоритетные функции, связанные с сохранением и трансляцией социальной памяти, являются лишь одной из групп. Общий анализ всех выделяемых специалистами функций представляет интерес в качестве предмета специального изучения. Поэтому в рамках настоящей статьи, обладающей собственной четко очерченной предметной областью, мы остановились на тех функциях, которые тесно связаны с характеристиками современного информационного общества.

1. Функции, связанные с повышением роли науки в информационном обществе:

- музей как центр научно-исследовательской деятельности [8];
- информационное обеспечение научно-исследовательского процесса (в первую очередь подразумевается историческая наука [5, с. 125–126], однако в зависимости от конкретного профиля музеев может заниматься ин-

формационным обеспечением исторического исследования развития всех отраслей человеческого знания);

– интерпретация культурного наследия [10].

Крупные музеи и галереи давно являются одновременно научными центрами, которые как предоставляют соответствующие информационные ресурсы сторонним исследователям, так и сами содержат свой штат исследователей. В рамках региональных музеев такая практика только начинает распространяться, однако уже сегодня крупнейшие музеи Челябинской области – Государственный исторический музей Южного Урала и краеведческие музеи области занимаются собственными научными исследованиями, предоставляя свои коллекции для работы научным сотрудникам. Занимаются наукой на базе региональных музеев также школьники и студенты, формируя непрерывную линию воспроизводства научных кадров, что очень важно для развития информационного общества.

2. Функции, связанные с ориентированной на сервис и удовлетворение высших потребностей человека структурой занятости:

– удовлетворение потребностей индустрии туризма и гостеприимства [8];

– обеспечение культурных запросов местных жителей [Там же].

Первый аспект деятельности часто связан с попытками формирования позитивного туристического имиджа региона. Конечно, крупнейшие музеи страны и мира сами по себе – объекты туристического интереса. Однако и региональные музеи, которые являются специальным объектом нашего исследования, могут выступать в качестве дополнительного фактора, поскольку обычно посвящают отдельную часть экспозиции темам, потенциально интересным для гостей региона. Так, в Челябинской области темой формирования туристической привлекательности становится событие, связанное с падением метеорита 15 февраля 2013 г., и соответствующая экспозиция Государственного исторического музея Южного Урала.

Функция удовлетворения культурных потребностей местных жителей реализуется как

средствами экспозиций, принадлежащих самим музеям, так и активной работой по музейному обмену. Наконец, глобальная сеть Интернет позволяет осуществлять рекламу музея и конкретных проводимых в нем мероприятий в социальных сетях и с использованием цифровых медиа, одновременно повышая уровень музейной грамотности местного населения и специфическим способом удовлетворяя его культурные потребности.

3. Функции, связанные с трансформацией в информационном обществе и миссией музеев по сохранению социальной и культурной памяти:

– формирование культурного ландшафта, заключающееся в том числе в деятельности музея по организации культурных событий [12];

– стабилизация культурного пространства и исторического времени [11].

Сегодня культурный ландшафт представлен не только конкретными реальными объектами (памятниками истории и культуры), событиями в городском или региональном пространстве (фестивалями и пр.), но и объектами и сообщениями в глобальном информационном пространстве Интернета. Ведущие музеи страны давно и активно участвуют в формировании «виртуального культурного ландшафта», в то время как в среде региональных музеев деятельность по формированию культурного ландшафта в виртуальном пространстве все еще носит эпизодический и несистематический характер. При этом большинство крупных региональных музеев активно участвует в новейших ивент-тенденциях музейного дела, организуя специальные события. Одним из самых популярных среди них является ежегодное мероприятие «Ночь в музее» и «Ночь искусств».

Все перечисленные функции тесно связаны с тем, что музей больше не может быть пассивным хранителем «сокровищ прошлого», а должен стать активным участником процессов социокультурных трансформаций. И отношения между посетителем музея и его сотрудниками больше нельзя рассматривать с точки зрения безусловного превосходства интересов последних. Посетитель постепенно трансформируется

в клиента, которого необходимо привлечь, а это требует изменения в музейной работе, разработки вопросов и внедрения методов музейного маркетинга, персонализации информационного продукта, определенным образом формируемого или создаваемого музейными сотрудниками в виде организации новых экспозиций, привлечения интересных выставок, возможностей оперативного обновления экспозиций по предварительным запросам определенных категорий посетителей, например, групп учащихся школ и студентов высших учебных заведений, студентов профильных специальностей и т. д. При этом музей не должен фокусировать свою работу только на оказании платных услуг и зарабатывании денег, поскольку его основной задачей все равно остается хранение социальной и культурной памяти (эта миссия музея приоритетная и профильная). Вопрос о сочетании и пропорциях коммерческого и социально значимого начал в деятельности музея до сих пор не получил глубокого освещения и специального исследо-

вания. Все перечисленные выше факторы участия региональных музеев в реализации новых социально-культурных функций, которые возникают в информационном обществе, постепенно начинают отвечать социальным запросам. Сила конкуренции между музеями за уменьшающуюся реальную, а не виртуальную аудиторию растет, и региональное музейное сообщество стремится не отставать и самостоятельно проектировать новый облик музея в меняющемся мире.

И мы можем сделать вывод, что процессы адаптации музейного института к социальным сдвигам конца XX – начала XXI столетия уже начались. Миссия музея в XXI в. предстает как задача по активному участию в создании и развитии культурного ландшафта, территориально и социально определяемого масштабом и значимостью музея, помощи в культурной адаптации, сохранению культурно-исторических связей с предшествующими эпохами, культурного наследия в новом виртуализованном культурном ландшафте.

1. Артизов, А. Н. Общественная миссия архивов / А. Н. Артизов, А. В. Серегин // Вестник МГИМО-Университета : офиц. интернет-издание. – 2012. – № 2 (23). – С. 92–96.
2. Астахова, Л. В. Миссия библиотек в отечественной экономической системе / Л. В. Астахова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 3 (35). – С. 20–24.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество (Опыт социального прогнозирования) / Д. Белл ; пер. с англ. В. Л. Иноземцева. – Москва : Академия, 1999. – 949 с.
4. Волков, Л. Облачная демократия [Электронный ресурс] / Л. Волков, Ф. Крашенинников. – Режим доступа : <http://cdem.ru/>. – Дата обращения : 15.02.2017.
5. Воронцова, Е. А. Роль музея в информационном обеспечении исторической науки / Е. А. Воронцова // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2014. – № 2–3. – С. 124–129.
6. Гиндина, О. В. Миссия библиотеки как социального института: культурологический аспект / О. В. Гиндина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 260–264.
7. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Электронный ресурс] / М. Кастельс. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php. – Дата обращения : 15.02.2017.
8. Комлев, Ю. Э. Музей как социально-культурный центр региона / Ю. Э. Комлев [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2011. – № 20. – С. 10–15. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-sotsialno-kulturnyy-tsentr-regiona-1>. – Дата обращения : 15.02.2017.
9. Кормишина, Г. М. Гуманистическая миссия библиотек в условиях информационной цивилизации / Г. М. Кормишина // Библиосфера. – 2014. – № 4. – С. 49–51.
10. Мастеница, Е. Н. Интерпретация культурного наследия в музее: гуманитарный дискурс / Е. Н. Мастеница // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – С. 6–9.
11. Мастеница, Е. Н. Социальные функции музея в глобальном мире / Е. Н. Мастеница // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. – 2015. – Т. 210. Петербургская культурологическая школа С. Н. Иконниковой: история и современность. – С. 229–236.
12. Мурзинова, Т. Н. Музей как ресурс профессиональной ориентации детей / Т. Н. Мурзинова, Т. Н. Понамарева, В. В. Свирида // Социальные отношения. – 2014. – № 1. – С. 67–75.

13. Ненахова, Н. Н. Информационно-рекламные компоненты и функции в музейной деятельности / Н. Н. Ненахова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1. – С. 323–325.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Мир и Образование : Оникс, 2011. – 736 с.
15. Равикович, Д. А. Социальные функции и типология музеев / Д. А. Равикович // Музееведение. Вопросы теории и методики : сб. науч. тр. / НИИ культуры. – Москва : Наука, 1987.
16. Разгон, А. М. Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран (Музееведение как научная дисциплина) / А. М. Разгон. – Москва : Просвещение, 1984. – 40 с.
17. Рисенберг, О. Ф. Социально-культурные функции современных частных музеев / О. Ф. Рисенберг // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2013. – № 26. – С. 25–30.
18. Салтанова, М. В. Музей как культурный центр / М. В. Салтанова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 3. – С. 119–122.
19. Соколов, А. В. Информатизация и гуманизация как ориентиры библиотечной политики / А. В. Соколов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 7–22.
20. Столяров, Ю. Н. Встретив клиента, не проститься бы с миссией / Ю. Н. Столяров // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 3 (35). – С. 14–19.
21. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. К. Ю. Бурмировой, Л. М. Бурмировой, К. Л. Татариновой и др. – Москва : АСТ, 2010. – 795 с.
22. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер ; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной ; под ред. Е. Л. Варгановой. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 795 с.
23. Watts E. J. 2008. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. LA : University of California Press.

Получено 14.04.2017

Z. Ovchinnikova

post-graduate student,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: zoyageraskina1995@yandex.ru

THE MUSEUM IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND CULTURAL TRANSFORMATIONS IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. *The contemporary society is actively changing. The industrial civilization is replaced by an information civilization. Social institutions, whose activities are connected with the preservation and translation of social memory, are experiencing a severe crisis and the loss of their own developmental guidelines. The issue of the museum's functions as one of the institutions of preserving social memory is of high relevance. The discussion on this issue started in the 1970s and hasn't stopped until now. Today, experts single out more than thirty specific functions of museums, but only a part of them are connected with processes of sociocultural transformations.*

The author distinguishes those functions of museums that are most closely associated with the social transformations of the transition to an information society. First, a group of functions related to the enhancement of the role of science and research. Secondly, the functions associated with the change in the structure of employment (an increase in the number of employees in services and information). Thirdly, the functions that are associated with the transformation in the information society of the functions of museums to preserve and translate social memory.

The museum can no longer be a passive custodian of cultural heritage. It must be actively involved in the processes of sociocultural transformations.

The largest museums in general have already passed the path of adaptation, while the processes of adaptation of regional museums to a new social reality have just begun. The new mission of the museum can be to actively participate in the formation of the cultural landscape and preserve the connection with previous ages.

Keywords: *museum, museum's functions, the Mission of the Museum, the Information society, the culture of the Information society*

For citing: *Ovchinnikova Z. 2017. The museum in the context of social and cultural transformations in the information society. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 43–48.*

References

1. Artizov A., Seregin A. 2012. Public mission of archives. Vestnik MGIMO-University. No 2 : 92–96. (In Russ.).
2. Astakhova L. 2013. Libraries mission in domestic economic system. Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. No 3 (35) : 20–24. (In Russ.).
3. Bell D. 1999. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo [The coming of post-industrial society]. Translated from Eng. by Inozemtsev V. Moscow : Academy. 949 p. (In Russ.).
4. Volkov L., Krashennnikov F. Oblachnaya demokratiya [Cloud democracy] [Electronic resource]. Available from : <http://cdem.ru/> (accessed : 15.02.2017). (In Russ.).
5. Vorontsova E. 2014. The role of the museum in the information support of the historical science. Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii [Historical information science. Information technology and Quantitative methods in historical research and education]. No 2–3 : 124–129. (In Russ.).
6. Gindina O. 2010. Mission of library as social institution: culturological aspect. Herald of the Buryat State University. No 6 : 260–264. (In Russ.).
7. Castells M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura [The information age: economy, society and culture] [Electronic resource]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (accessed : 15.02.2017). (In Russ.).
8. Komlev YU. 2011. The museum as social and cultural center of the region [Electronic resource]. Analitika kul'turologii [Analyst of the cultural studies]. No 20. Available from : <http://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-sotsialno-kulturnyy-tsentr-regiona-1> (accessed : 15.02.2017). (In Russ.).
9. Kormishina G. 2014. The library humanistic mission under the information civilization conditions. Bibliosfera. No 4 : 49–51. (In Russ.).
10. Mastenitsa E. 2011. Cultural heritage interpretation in a museum: a humanitarian discourse. Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. No 3 : 6–9. (In Russ.).
11. Mastenitsa E. 2015. Social functions of the museum in the global world. Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv [Works of the St. Petersburg State University of Culture and Arts]. No 210 : 229–236. (In Russ.).
12. Murzinova T., Ponamareva T., Svirida V. 2014. Museum as a career choice resource of children. Sotsial'nye otnosheniya [Social relationship]. No 1 : 67–75. (In Russ.).
13. Nenakhova N. 2014. Informational and advertising components in the museum's activity. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of the science, culture and education]. No 1 : 323–325. (In Russ.).
14. Ozhegov S. 2011. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow : Mir i Obrazovanie : Oniks. 736 p. (In Russ.).
15. Ravikovich D. 1987. Social functions and typology of the museum's. Muzevedenie. Voprosy teorii i metodiki [Museology. Issues of the theory and methodics]. Moscow : Science. 381 p. (In Russ.).
16. Razgon A. 1984. Obshcheteoreticheskie voprosy muzevedeniya v nauchnoy literature sotsialisticheskikh stran (Muzevedenie kak nauchnaya distsiplina) [General theoretical issues of the museology in the scientific museological literature of the socialistic states (The Museology as a scientific discipline)]. Moscow : Prosveshchenie. 40 p. (In Russ.).
17. Risenberg O. 2013. Social and cultural functions of modern private museums. V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii [In the World of the science and art: Issues philology, art history and cultural studies]. No 26 : 25–30. (In Russ.).
18. Saltanova M. 2013. The Museum as a cultural center. Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. No 3 : 119–122. (In Russ.).
19. Sokolov A. 2013. The Informatization and humanization as landmarks of librarian policy. Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. No 2 (34) : 7–22. (In Russ.).
20. Stoliarov IU. 2013. Having met a client don't leave the mission. Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. No 3 (35) : 14–19. (In Russ.).
21. Toffler A. 2010. Tret'ya volna [The Third Wave]. Translated from Eng. by Burmistrov K., Burmistrova L., Tatarinova K. Moscow : AST. 795 p. (In Russ.).
22. Webster F. 2004. Teorii informatsionnogo obshchestva [Theories of the Information Society]. Translated from Eng. by Arapov M., Malykhina N.; Vartanova E., ed. Moscow : Aspect Press. (In Russ.).
23. Watts E. J. 2008. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. LA: University of California Press. (In Eng.).

Received 14.04.2017

АНАЛИЗ ВЕБ-СТРАНИЦ БИБЛИОТЕК ИНСТИТУТОВ КУЛЬТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТА РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕГО НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Исследуются веб-страницы библиотек институтов культуры. Рассматривается реализация интегративной функции библиотеки вуза во внешнем информационно-образовательном пространстве. При этом проводится анализ веб-страниц как инструмента реализации данной функции во внешнем направлении.

Согласно требованиям информационного общества вузовские библиотеки должны создать максимально благоприятные условия для удовлетворения информационных потребностей пользователей на основе информационно-образовательных ресурсов (в том числе и электронных). Использование глобальной сети Интернет позволяет библиотеке вуза предоставить доступ участникам образовательного процесса к крупнейшим информационно-образовательным сервисам независимо от места их локализации. Также через собственный веб-сайт библиотека способна обеспечить доступ к образовательным ресурсам, производимым в стенах вуза, для других участников образовательного пространства отрасли, ведомства, города, региона, государства, мира.

Показано, что на основе взаимодействия через веб-сайт с внешним информационно-образовательным пространством библиотека вуза может рассматриваться как часть этого внешнего пространства, обеспечивающая его целостность.

При анализе веб-страниц библиотек институтов культуры оценивается ряд показателей: наличие собственного веб-сайта библиотеки, структура (разделы) веб-сайта, его наполнение, наличие сервисов веб-аналитики. Особое внимание уделяется следующим элементам в структуре веб-страниц: электронным библиотекам, электронным библиотечным системам, электронным каталогам как инструментам для включения ресурсов библиотеки во внешнее информационно-образовательное пространство.

На основе проведенного анализа предлагается структура веб-сайта библиотеки для более эффективной реализации внешней интеграции информационно-образовательных ресурсов, а также делаются выводы, насколько эффективно возможно развивать внешнее направление интеграции между вузами культуры. Статья представляет интерес для сотрудников вузовских библиотек, а также исследователей, занимающихся рассмотрением вопросов модернизации деятельности библиотек вузов.

Ключевые слова: библиотека вуза, интегративная функция, веб-сайт, информационно-образовательные ресурсы

Для цитирования: Михайлова, А. В. Анализ веб-страниц библиотек институтов культуры как инструмента реализации внешнего направления интеграции информационно-образовательных ресурсов / А. В. Михайлова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 49-59.

Сегодня в свете установок информационного общества главной задачей вузовских библиотек становится создание максимально благоприятных условий для удовлетворения информационных потребностей своих пользователей на основе информационно-образовательных ресурсов. Через использование электронных ресурсов библиотека может предоставить дос-

туп участникам образовательного процесса к крупнейшим информационно-образовательным сервисам независимо от места их локализации. Благодаря современным информационным технологиям библиотека способна обеспечить такой доступ различными инструментами: через традиционную книгу в фонде библиотеки, или через онлайн-овую полнотекстовую базу

данных, или через оперативную электронную доставку документа, или через доступ к глобальной сети Интернет. Ориентация на оперативное получение нужной информации реализуется в концепции веб-сайтов библиотек как «информационных порталов» [11]. Также через собственный веб-сайт библиотека способна обеспечить доступ к образовательным ресурсам, производимым в стенах вуза, для других участников образовательного пространства отрасли, ведомства, города, региона, государства, мира. При этом библиотека вуза выступает в качестве интегратора деятельности вуза с внешней средой, т. е. реализует свою интегративную функцию в более обширном информационном пространстве. Осуществляя выход во внешнее информационно-образовательное пространство, библиотека становится его частью (образовательного, информационного, ведомственного, территориального и др.), обеспечивая его целостность [5].

Развитие библиотечной веб-среды в новом информационно-коммуникативном пространстве Интернета начинается с конца 80-х гг. XX в. Изучению веб-сайтов библиотек посвящен ряд работ [4; 8–10]. На современном этапе формируются такие элементы библиотечной веб-среды, как небольшие специализированные сайты отдельных библиотек, а также мощные информационно-библиотечные порталы региональных или ведомственных союзов, корпоративных систем, профессиональных объединений, ассоциаций и консорциумов.

Вследствие динамичности развития Интернета в целом и библиотечной веб-среды в частности число сайтов меняется ежедневно. В таблице 1 приведена сравнительная статистика количества веб-сайтов библиотек в российском интернет-пространстве по ряду показателей. Данные за 2006 г. взяты из исследования О. В. Кулевой «Формирование информационной структуры сайта библиотеки как эффективного инструмента взаимодействия в веб-среде» [4]. Показатели 2017 г. отражены в каталоге библиотечных сайтов «БиблиоNET» на портале Library.ru, где приведен наиболее полный перечень веб-сайтов существующих библиотек [2].

Таблица 1

Количество веб-сайтов библиотек в российском интернет-пространстве

Количество веб-сайтов	в 2006 г.	в 2017 г.
Общее количество сайтов библиотек и информационно-библиотечных учреждений, относящихся к российскому интернет-пространству	около 600	2488
Из них:		
– сайтов и порталов федеральных библиотек;	9	16
– библиотек высших учебных заведений;	174	321
– муниципальных библиотек, в том числе Москвы и Санкт-Петербурга;	179	439
– научно-технических библиотек и центров научно-технической информации (ЦНТИ);	40	39
– библиотеки Российской академии наук;	24	23
– центральных универсальных (краев, областей, автономных округов, Москвы и Санкт-Петербурга);	56	62
– ассоциаций, объединений и консорциумов	13	46

Для реализации внешнего направления интеграции через веб-сайт вузовской библиотеке необходима четкая стратегия, которая должна формировать не только деятельность библиотеки, но и затрагивать разработку структуры веб-сайта, особенности его наполнения и функционирования.

Насколько возможно реализовать внешнее направление интеграции между вузами культуры, рассмотрим на примере анализа веб-страниц библиотек институтов культуры (учредитель и ведомственный управляющий – Министерство культуры Российской Федерации):

1. Алтайский государственный институт культуры (<http://altgaki.org>).
2. Восточно-Сибирский государственный институт культуры (<http://www.vsgaki.ru>).
3. Казанский государственный институт культуры (<http://kazgik.ru>).
4. Кемеровский государственный институт культуры (<http://www.kemguki.ru>).
5. Краснодарский государственный институт культуры (<http://kguki.com>).
6. Московский государственный институт культуры (<http://mgik.org>).
7. Орловский государственный институт культуры (<http://ogik.orel.ru>).
8. Пермский государственный институт культуры (<http://www.psiac.ru>).
9. Самарский государственный институт культуры (<http://www.smraki.ru>).
10. Санкт-Петербургский государственный институт культуры (<http://www.spbgik.ru>).
11. Тюменский государственный институт культуры (<http://www.tumgik.ru>).
12. Хабаровский государственный институт культуры (<http://www.hgik.ru>).
13. Челябинский государственный институт культуры (<http://chgik.ru>).

Несмотря на широкое развитие компьютерных сетей, а также внедрение сетевых технологий в работу вузовских библиотек, лишь

одна из библиотек институтов культуры имеет отдельный веб-сайт и соответствующие сервисы, доступные в глобальной сети Интернет: это библиотека Московского государственного института культуры (МГИК). В разделе сайта МГИК «Студентам» есть подраздел «**Информационно-библиотечный центр**» – ссылка на сам сайт Информационно-библиотечного центра (lib.mgik.org). Остальные 12 библиотек имеют раздел (одну или несколько страниц) в структуре веб-сайта образовательного учреждения, доступный из внешнего информационно-образовательного пространства (через сеть Интернет). Также у двух вузов есть представительства своих научных библиотек в социальных сетях – Кемеровского государственного института культуры (<https://vk.com/librarykemguki>) и Санкт-Петербургского государственного института культуры (<https://vk.com/club57678941>).

Кроме веб-страниц, доступных в глобальной сети Интернет, многие вузы оснащены внутренней корпоративной сетью (сетью Интранет). Библиотека вуза в сети Интранет имеет внутренний веб-ресурс для обеспечения образовательного процесса. Такой ресурс благодаря единой сетевой технологии поддерживает целостность внутреннего информационно-образовательного пространства вуза, должен быть интегрирован с работой других подразделений вуза, базами данных деканатов, кафедр, учебной частью, но доступен этот ресурс только внутри вуза либо за его пределами, но с необходимостью авторизации и регистрации в стенах института. Таким образом, в большинстве институтов культуры внутреннее информационно-образовательное пространство является замкнутым, изолированным от внешнего.

Однако процесс информатизации общества не позволяет современному вузу быть изолированным от внешнего глобального информационно-образовательного пространства. Сегодня у институтов существуют точки выхода во внешнее пространство, имеются в виду электронные ресурсы информационно-образовательной направленности, такие как: электронно-библиотечные системы, веб-сайты образовательных учреждений (культуры и искусств),

учреждений профильной направленности (музеи, театры и пр.). Не обладая собственным веб-сайтом, сегодня библиотека каждого высшего учебного заведения имеет в структуре веб-сайта института страницу (или раздел), которые служат инструментом интеграции с субъектами внешнего информационно-образовательного пространства.

Можно выделить наиболее популярные, чаще всего встречающиеся разделы в структуре веб-страницы (сайта) библиотеки. Раздел «**О библиотеке**», содержащий информацию о библиотеке (история, миссия, основные показатели, структура, библиотека сегодня, режим работы, контакты), в наличии у каждой библиотеки института. Раздел «**Структура библиотеки**» (как самостоятельный, так и в виде подраздела), отражающий количество и специфику работы отделов библиотеки, контактную информацию и функции отделов, имеют 8 библиотек из 13 исследуемых. Практически у всех (8 из 13) есть в структуре раздел «**Информационные ресурсы**» (или альтернативные названия), раскрывающий сведения о различных информационно-образовательных ресурсах как внутреннего характера (например, «Электронный каталог», «Фонды и коллекции»), так и внешних, доступных по подписке (различные ЭБС) или открытых образовательных ресурсах Интернета по профилю вуза. Согласно требованиям ФГОС ВО все библиотеки на своих веб-страницах предоставляют информацию (ссылки) об имеющихся в доступе электронно-библиотечных системах. Однако сведения об ЭБС находятся в совершенно различных разделах (подразделах) структуры сайта: «Информационные ресурсы», «ЭБС», «Электронные ресурсы», «Электронная библиотека» и пр. Такая же ситуация с разделом «**Электронный каталог**», который есть практически у всех библиотек как самостоятельный, так и в составе раздела «Электронная библиотека». Популярным является **раздел о новых поступлениях в фонд библиотеки**, чаще всего содержащий информацию об изданиях в виде документов формата PDF, открывающихся на странице и (или) доступных для скачивания. Данные

документы располагаются в одноименных разделах либо в разделе «**Пользователям (читателям)**». 12 библиотек имеют в структуре веб-страницы раздел, предоставляющий информацию по **книгообеспеченности** учебного процесса и о заказах на необходимую литературу, а также списки (сайты, прайсы) издательств. Немногие из библиотек (5) включают в структуру раздел, отражающий **информацию о подписных периодических изданиях по профилю вуза**. Те, что располагают подобной информацией, предлагают ее в формате PDF-документа или ссылок на периодические издания в электронной форме. Кроме того, некоторые библиотеки, не имея отдельного раздела для данной информации, помещают эти ссылки в разделе «Информационные ресурсы». У 4 библиотек из 13 в отдельные разделы вынесена информация новостного характера о событиях, происходящих в библиотеке (раздел «**Новости и события**»), информация о сервисных услугах, предоставляемых научной библиотекой (раздел «**Услуги**»), а также информация об изданиях, выпускаемых институтом культуры (раздел «**Издано в...**», «**Издания...**»). Неоднократно встречаются разделы, посвященные тематическим подборкам литературы, находящейся в фондах библиотеки; проектам культурно-образовательной направленности; фотогалереи; виртуальные справочные службы научной библиотеки, выполняющие разовые запросы пользователей в режиме онлайн.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Структура веб-страниц библиотек чаще всего не продумана,

отсутствует единое понимание названия раздела и его контента, нет четкого и обоснованного видения структуры страницы, количества разделов и их наполненности, удобства для пользователя. Единственным разделом, содержащим однородную информацию, можно назвать раздел «О библиотеке».

Похожими выглядят разделы об электронных библиотечных системах, что объясняется требованиями ФГОС ВО к обеспечению учащихся доступом к ЭБС. Следует отметить, что в 2011–2013 гг. при анализе Научной библиотекой Челябинского государственного института культуры состояния электронных ресурсов вузов сферы культуры наличие приобретенных доступов в ЭБС отражено на 18 из 26 сайтов библиотек вузов культуры (из них восемь подписаны на ЭБС «Лань», семь – на «Университетскую библиотеку онлайн», шесть – на ЭБС «РУКОНТ») [7].

Сегодня каждый из исследуемых институтов подключен к электронно-библиотечным системам (ЭБС), которые служат хорошей платформой для научной и исследовательской деятельности, содержат учебную, учебно-методическую, научную, художественную литературу ведущих издательств, научные монографии современных авторов и вузов, журналы. Авторизированные пользователи имеют неограниченный, одновременный и индивидуальный доступ к ЭБС как с вузовского, так и с любого компьютера, где есть выход в Интернет. К каким ЭБС имеется доступ у институтов культуры, можно увидеть в табл. 2 (состояние на 03.02.2017 г.).

Таблица 2

Доступ библиотек институтов культуры к ЭБС

№	Электронная библиотечная система	Количество библиотек, подписанных на данную ЭБС
1	ЭБС издательства «ЛАНЬ»	12
2	ЭБС Университетская библиотека онлайн	8
3	Национальный цифровой ресурс Руконт/Консорциум «Контекстум»	6
4	ЭБС IPRbooks	4
5	ЭБС «БиблиоРоссика»	3
6	КНИГАФОНД	2
7	Электронная библиотека Grebennikon	2
8	ЭБС «Юрайт»	2
9	Электронный каталог реферативно-библиографических ресурсов НИЦ Информкультура РГБ	1
10	ЭБС ibooks.ru	1
11	«Библиотека ЛитРес»	1
12	СПС «Консультант Плюс»	1
13	«Профи-Либ»	1

Итак, у институтов культуры наибольшим спросом среди ЭБС пользуются ЭБС издательства «Лань», «Университетская библиотека онлайн» и национальный цифровой ресурс Руконт/Консорциум «Контекстум». Популярность ЭБС «Лань» можно объяснить наличием в данной системе коллекций для таких направлений искусств, как хореография, музыка и театр. Однако большинство ЭБС не имеют специфики, отражающей потребности именно вузов культуры и искусств, что порождает необходимость включения в фонды этих систем ресурсов, создаваемых профильными вузами и другими учреждениями. Тем самым будет реализовано наполнение информационно-образовательного пространства ресурсами, необходимыми для направлений подготовки студентов сферы культуры и искусств, а институты культуры смогут как воспользоваться доступом к внешним ресурсам, так и открыть доступ к собственным созданным коллекциям ресурсов образовательной и культурной направленности. Так происходит реализация второй формы внешней интеграции информационно-образовательных ресурсов [6, с. 49].

Данное направление интеграции осуществимо с использованием не только ЭБС, но и благодаря полноценным электронным библиотекам как распределенным информационным системам, позволяющим надежно накапливать, сохранять и эффективно использовать разнообразные коллекции электронных документов, доступных в удобном для пользователей виде через глобальные сети передачи данных [3, с. 14].

Сегодня на своих веб-страницах библиотеки институтов культуры размещают ссылки на различные электронные библиотеки, в силу научно-образовательной направленности это ссылки на внешние ресурсы научных электронных библиотек (eLIBRARY.ru, научная электронная библиотека «Киберленинка», электронная библиотека ГПНТБ России), на ресурсы таких библиотек, как Национальная электронная библиотека, Электронная библиотека РГБ, Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, Электронная библиотека РНБ, Фундаментальная электронная библиотека «Русская лите-

ратура и фольклор» и др. Все, без исключения, библиотеки институтов культуры имеют ссылки на информационную систему «Единое окно доступа к образовательным ресурсам». Данная система предоставляет свободный доступ к каталогу образовательных интернет-ресурсов и полнотекстовой электронной учебно-методической библиотеке для общего и профессионального образования. Это доказывает возможность достижения свойства единства информационно-образовательного пространства через реализацию внешней интегративной функции библиотеки вуза.

К сожалению, далеко не все институты культуры имеют в наличии собственную полнотекстовую электронную библиотеку. Часто раздел «Электронная библиотека» веб-страницы библиотеки отправляет пользователя к электронному каталогу, где при условии авторизации, возможно, будут доступны полнотекстовые электронные образовательные ресурсы. Равенство ЭК = ЭБ допустимо лишь в том случае, когда при поиске в ЭК любой документ может быть доступен читателю в электронной форме в полном размере, из любой точки доступа к информационно-образовательному пространству вуза. Но тут мы сталкиваемся с закрытой внутренней сетью и отсутствием электронных версий изданий. Данные проблемы могут быть решены с помощью открытия доступа авторизованным пользователям к внутренней сети извне и путем приобретения электронных изданий в фонд ЭБ. Кроме того, в случае отсутствия электронных полнотекстовых изданий можно организовать авторизованный доступ к электронным изданиям, хранящимся в фондах других электронных библиотек вузов культуры и искусств. Такой опыт есть в Казани, где все каталоги библиотек вузов города объединены в *Сводный каталог Корпоративной библиотечной сети Казани* (включает 25 объединенных каталогов), однако неизвестно: есть ли в базе доступ (внутренний или на основе авторизации) к полным текстам электронных изданий либо этот каталог выполняет лишь функцию каталога (<http://old.kpfu.ru/zgate/cgi/zgate?form+31406+corp.xml+simple.xsl+rus>).

Некоторые из институтов культуры вообще не имеют своей электронной библиотеки, а в качестве таковой предлагают электронные ресурсы более крупного и технически оснащенного учебного заведения или более крупной библиотеки. Так, библиотека Хабаровского государственного института культуры ссылается на электронные ресурсы своего партнера: Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ), которая предлагает воспользоваться различными электронными информационно-образовательными ресурсами, в том числе и некоторыми ЭБС, но в более полном объеме, чем тот, что открыт для института. При этом пользователи могут получить доступ к некоторым ресурсам (например, Электронной библиотеке диссертаций РГБ) только в ДВГНБ.

В открытом (свободном) доступе полнотекстовые электронные библиотеки есть у следующих вузов культуры: Кемеровский государственный институт культуры (<http://library.kemguki.ru/public>, но ссылка не работает); Санкт-Петербургский государственный институт культуры (<http://elibrary.spbguki.ru/#/documents/page/1>).

Полнотекстовая электронная библиотека СПбГИК создана в 2013 г. на основе системы **Vivaldi**. На основе данной платформы существует сеть электронных библиотек **Vivaldi**, которая предоставляет единый интерфейс, дающий пользователям возможность получать доступ к электронным книгам, расположенным в различных организациях, библиотеках и издательствах. Ассортимент доступной на сайте учебной и научной литературы неуклонно растет за счет пополнения каталогов участвующих в проекте организаций, а также подключения новых библиотек, вузов и издательств. Использование данной системы наглядно демонстрирует реализацию библиотекой СПбГИК внешней интеграции в виде третьей формы [6, с. 49].

Электронные библиотеки остальных вузов имеют ограниченный доступ: территориальный – внутри вуза и/или правовой – с авторизацией, по читательскому билету, по учетной записи и т. п. Режим работы электронной

библиотеки КемГИК закрытый при условии авторизации через систему единого входа во внутреннее информационно-образовательное пространство вуза (<http://library.kemguki.ru/protected>, но ссылка не работает). В библиотеке МГИК неограниченный индивидуальный удаленный доступ к электронным учебным изданиям (<http://elib.mgik.org/Default.asp>) для зарегистрированных читателей информационно-библиотечного центра (ИБЦ) обеспечивается через сайт ИБЦ при авторизации через личный кабинет по номеру читательского билета.

Многие библиотеки институтов культуры (ЧГИК, Пермский ГИК, Хабаровский ГИК) размещают ссылку на раздел «Электронная библиотека», которая отсылает пользователя к электронному каталогу на базе платформы Веб-ИРБИС, функционирующему в свободном доступе. Для зарегистрированных читателей библиотеки доступны дополнительные возможности: просмотр полнотекстовых ресурсов, заказ книг, а также другие сервисы. Для этого необходимо авторизоваться, введя свою фамилию и номер читательского билета (пароль). Полные тексты в некоторых базах данных электронного каталога (например, «Ноты, аудиовидеодокументы», «Выпускные квалификационные работы») доступны только в локальной сети вуза.

У многих библиотек институтов культуры на веб-страницах не представлены ссылки на собственные электронные библиотеки (Восточно-Сибирский, Орловский, Самарский, Тюменский ГИК), однако это не означает, что библиотек нет. Согласно документам и информации, расположенной на сайтах, ведется формирование электронной библиотеки, но работа с ресурсами возможна лишь в локальной сети института.

Таким образом, мы наблюдаем, что все институты искусств имеют внутреннее (чаще закрытое) информационно-образовательное пространство и далеко не все открывают доступ к своим внутренним информационно-образовательным ресурсам библиотеки. Основными инструментами для включения библиотеки во внешнее информационно-образовательное пространство выступают: элек-

тронные библиотеки, электронные библиотечные системы, электронные каталоги.

Семь из девяти электронных каталогов библиотек институтов культуры, находящихся в открытом доступе, построены на платформе Веб-ИРБИС.

Веб-ИРБИС – это программный продукт, обеспечивающий доступ пользователей через веб-браузер к базам данных ИРБИС: электронным каталогам, другим библиографическим базам и электронным коллекциям полнотекстовых документов. Таким образом, становится понятно, почему библиотеки институтов культуры, работающие с версией *Электронного каталога*, который позволяет не только осуществлять поиск по каталогу и другим подключенным БД, но и обеспечить доступ к электронным коллекциям полнотекстовых документов, обозначают такой каталог, как *Электронная библиотека*. Но это не правильно, поскольку электронная библиотека должна отражать не только фонд традиционной библиотеки, но и с помощью новых информационных технологий обеспечивать все традиционные процессы, протекающие в библиотеке, что обуславливается генетической, понятийной и функциональной взаимосвязью явлений традиционной и электронной библиотеки [1, с. 10].

В целом технология Веб-ИРБИС имеет различные сервисные функции, направленные на улучшение обслуживания пользователей и интегрирование внутробиблиотечных и межбиблиотечных технологий посредством библиотечного информационного комплекса. Это особенно важно для приближения к современным технологиям удаленного обслуживания читателей и построения электронных библиотек. Важной особенностью Веб-ИРБИС является встроенная поддержка включения в электронный каталог и базу данных ссылок на полные тексты документов. При этом реализована свободная технология формирования ссылок в виде URL¹, что позволяет использовать данное

решение не только для формирования собственной коллекции полных текстов, но и для каталогизации и включения в базу данных ресурсов Интернета, что крайне важно для реализации библиотекой как внутреннего, так и внешнего направления интеграции. Таким образом, Веб-ИРБИС может использоваться библиотекой вуза в качестве одной из технологий реализации интегративной функции.

Еще один раздел, вызывающий при анализе наибольшее число вопросов, посвящен информационным ресурсам. Вследствие увеличения потока документов в электронной форме практически все библиотеки институтов культуры имеют разделы, касающиеся электронных ресурсов. Называются такие разделы по-разному, но в любом из них представлены ссылки на различные интернет-ресурсы образовательной направленности по профилю вуза (в том числе и на электронные полнотекстовые библиотеки), на сайты Министерства науки и образования и Министерства культуры, сайты институтов культуры, сайты национальных, городских и областных библиотек, библиотек вузов, научных и отраслевых библиотек, сайты журналов, различных информационных центров, библиотечных консорциумов, сайты конкурсов и фестивалей и прочие ссылки, которые могут быть полезны студентам и преподавателям институтов в учебе и в профессиональной деятельности.

Чаще всего классифицированы эти внешние ресурсы по тематике: музыка, искусство, педагогика, хореография, история и т. п. либо по принадлежности: веб-сайты библиотек, ведомств, министерств, вузов, музеев, архивов и т. п. Отдельными списками выделяются ссылки на полнотекстовые электронные библиотеки и электронные энциклопедии. Некоторые библиотеки институтов культуры делят электронные ресурсы на *внешние* и *внутренние*. Неотъемлемой частью внешних электронных ресурсов являются ЭБС, доступ к которым осуществляется не только со всех компьютеров научной библиотеки, но и из любой точки, где есть Интернет (включая домашний ПК). Внутренние электронные ресурсы чаще всего представлены

¹ URL (англ. Uniform Resource Locator) — единообразный локатор (определитель местонахождения) ресурса, служит стандартизированным способом записи адреса ресурса в сети Интернет.

электронными каталогами и электронными библиотеками институтов, а также виртуальными выставками. Доступ к электронным ресурсам библиотек институтов чаще всего осуществим лишь после авторизации (либо в электронном каталоге, либо на странице электронной библиотеки) и только в локальной сети вуза.

Для многих задач вузовской библиотеки, в том числе для комплектования фонда электронными информационно-образовательными ресурсами, имеется потребность в оценке электронных ресурсов, которые могут быть объектом комплектования и включены в состав интернет-ресурсов научно-образовательной направленности. Так, при анализе разделов веб-страниц библиотек институтов культуры среди ссылок на интернет-ресурсы образовательной и культурной направленности выявлено некоторое количество неактуальных (нерабочих) ссылок, а также ссылок на электронные ресурсы, не обновлявшихся долгое время. Следовательно, работникам библиотеки нужно не только найти полезный ресурс в глобальной сети, но и следить за его обновлением, востребованностью и другими характеристиками, необходимыми для качественной оценки.

При анализе веб-страниц библиотек институтов культуры было выделено 6 веб-сайтов, оснащенных сервисами веб-аналитики, учитывающими статистику посещений веб-страниц библиотек (см. табл. 3).

Таблица 3

Сервисы веб-аналитики на веб-страницах библиотек институтов культуры

№	Сервис веб-аналитики	Наименование института
1	Liveinternet HotLog Mail.ru Яндекс. Метрика	Алтайский государственный институт культуры
2	Яндекс. Метрика	Казанский государственный институт культуры
3	Liveinternet Яндекс. Метрика	Московский государственный институт культуры
4	LiveInternet	Орловский государственный институт культуры
5	Яндекс. Метрика	Пермский государственный институт культуры
6	HitMeter Яндекс. Метрика	Челябинский государственный институт культуры

Кроме того, веб-страницы электронных каталогов библиотек, построенных на платформе Веб-ИРБИС, оснащены встроенным сервисом «Статистика обращений», где ведется учет числа запросов по электронному каталогу, посетителей страницы электронного каталога, а также предварительных заказов литературы по электронному каталогу (см. табл. 4).

Таблица 4

Статистика электронного каталога библиотеки Пермского государственного института культуры (по видам ресурсов, по видам поиска и числу посетителей)

Статистика за 26.12.2016		
Название	Запросов	Посетителей
По видам ресурсов		
Всего	666	51
Книги, статьи	237	18
Ноты, аудиовидеодокументы	346	36
Периодика	8	4
ПГИК в СМИ	9	3
Культура Прикамья	4	4
Статьи по библиотечному делу, документоведению и информатике	19	4
Ресурсы ЭБС	3	2
Мастерская народного художника СССР Е. Н. Широкова, кафедра живописи	1	1
Выпускные квалификационные работы	0	0
По видам поиска		
Стандартный	11	8
Расширенный	0	0
Профессиональный	0	0
Словарь	0	0
ГРНТИ-Навигатор	0	0
УДК-Навигатор	0	0
БК-Навигатор	0	0
Тематический навигатор	0	0
Найти похожие	0	-
Показано результатов поиска	260	-
Число посетителей		
Всего	-	51
Инtranет	-	0
Займствовано записей	0	-

Итак, имея собственные веб-страницы в сети Интернет, многие библиотеки институтов культуры размещают на них ссылки на другие учебные заведения культуры и искусств, на ресурсы российских и региональных ведомств и министерств культуры и образования и науки, на библиотеки города и региона, в котором располагается институт, а также на множество других информационно-образовательных ресурсов глобальной сети. В результате с помощью такого инструмента, как веб-сайт, и благодаря технологии компьютерных сетей, биб-

лиотеками институтов культуры более эффективно обеспечивается целостность пространства (образовательного, информационного, ведомственного, территориального и др.) через реализацию интегративной функции.

Современные компьютерные технологии обеспечивают информационно-образовательному пространству вуза пути выхода в информационно-образовательное пространство других вузов города, региона, страны, и в конечном итоге вуз и его библиотека выходят в глобальное информационно-образовательное пространство. Для этого библиотеки вузов должны иметь свои *веб-страницы*, размещать на них информацию о библиотеке, электронные каталоги и электронные версии учебно-методических материалов, научной и справочной литературы, различные БД и прочие электронные образовательные ресурсы.

Кроме того, сегодня библиотеки вузов могут приобрести удаленный доступ к ресурсам электронной информации библиотек других российских вузов, образовательных и научных организаций, отраслевых библиотек, многих крупных зарубежных библиотек и даже к мировым образовательным ресурсам в целом.

При разработке веб-сайта библиотекам необходимо тщательно продумывать структуру сайта, тесно взаимодействовать с его разработчиками для детального анализа каждого элемента веб-сайта, его смысловой нагрузки,

удобства для пользователя. Исходя из анализа наиболее используемых разделов веб-страниц библиотек институтов культуры, для реализации внешнего направления интеграции можно предложить следующую структуру веб-сайта библиотеки:

- Главная;
- О библиотеке (структура, отделы, контакты, режим работы...);
- Новости и события;
- Электронная библиотека (включая Электронный каталог, ресурсы ЭБС, Полнотекстовые ресурсы, Виртуальную справочную службу, Виртуальные книжные выставки, Заявки на комплектование);
- Внешние информационно-образовательные ресурсы (культура, искусство, образование).

Благодаря внешней интегративной функции вузовской библиотеки, пользователи будут обеспечены информацией о содержании иностранной периодики, получают адреса баз данных по профилю вуза, а также ссылки на мировые и государственные серверы, списки веб-адресов, электронных журналов, учебников, сайтов по отраслям знания. Таким образом, применение интернет-технологий в библиотеках вузов, включение информационных ресурсов глобальной сети в образовательный процесс приводит к наполнению и эффективной работоспособности информационно-образовательного пространства вуза.

1. Берестова, Т. Ф. Электронная библиотека как инструмент создания единого информационного пространства / Т. Ф. Берестова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 4 (20). – С. 6–12.
2. БиблиоNET (Каталог библиотечных сайтов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.library.ru/3/biblionet>. – Дата обращения : 01.02.2017.
3. Воройский, Ф. С. Основы проектирования автоматизированных библиотечно-информационных систем / Ф. С. Воройский. – Москва : Физматлит, 2002. – 383 с.
4. Кулева, О. В. Формирование информационной структуры сайта библиотеки как эффективного инструмента взаимодействия в веб-среде : дис. ... канд. пед. наук / О. В. Кулева. – Новосибирск, 2007. – 280 с.
5. Михайлова, А. В. Интегративная функция библиотеки в информационно-образовательном пространстве вуза / А. В. Михайлова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 3 (43). – С. 21–27.
6. Михайлова, А. В. Интегративная функция вузовской библиотеки: формы реализации во внешнем информационно-образовательном пространстве / А. В. Михайлова // Библиосфера. – 2017. – № 1. – С. 46–51. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-1-46-51.

7. Моковая, Т. Н. Электронные ресурсы вузов культуры [Электронный ресурс] / Т. Н. Моковая // Университетская книга: информ.-аналит. журн. – Режим доступа : <http://www.unkniga.ru/biblioteki/vuzbiblio/2869-elektronnye-resursy-vuzov-kultury.html>. – Опубликовано : 02.04.2014. – Дата обращения : 01.07.2017.
8. Плешакова, М. А. Визуальный ряд сайтов научных библиотек: разработка принципов системного формирования : дис. ... канд. пед. наук / М. А. Плешакова. – Новосибирск, 2012. – 332 с.
9. Потехина, Ю. В. Управление официальным сайтом как веб-представительством библиотеки : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ю. В. Потехина. – Санкт-Петербург, 2013. – 22 с.
10. Салий, В. В. Аналитико-синтетическая переработка фирменных веб-сайтов в справочно-библиографической деятельности библиотек : дис. ... канд. пед. наук / В. В. Салий. – Краснодар, 2011. – 194 с.
11. Шрайберг, Я. Л. Библиотеки, электронная информация и меняющееся общество в информационном веке [Электронный ресурс] / Я. Л. Шрайберг // Научные и технические библиотеки. – 2007. – № 1. – Режим доступа : <http://intranet.gpntb.ru/subscribe/?journal=ntb&year=2007&num=1&art=2>. – Дата обращения : 11.07.2017.

Получено 18.07.2017

A. Mikhailova

post-graduate student,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: mihailoova@gmail.com

CULTURE INSTITUTES LIBRARIES' WEB PAGES ANALYSIS AS AN INSTRUMENT OF INFORMATION AND EDUCATION RESOURCES INTEGRATION EXTERNAL DIRECTION IMPLEMENTATION

***Abstract.** The article is devoted to the web pages of libraries of institutes of culture. The author considers Implementation of integrative function of library of higher education institution in external information-educational space. At the same time, he carries out the analysis of web pages as instruments of implementation of integrative function of library of higher education institution in the external direction.*

According to the requirements of information society high school libraries should create the most favorable conditions to meet information needs of users on the basis of information and education resources (including electronic). The use of the global Internet allows the university library to provide access to participants of educational process to the largest information and education services irrespective of the place of their locacation. Also, through its own web site, the university library is able to provide access to educational resources produced in the walls of the university, with other participants of educational space industry, agencies, city, region, state and the world.

The article shows that on the basis of interaction through the web site with external information and education space, the University library can be considered as the part of this external space providing it integrity.

When analyzing the web pages of libraries of institutes of culture, a number of indicators are being evaluated such as presence of own website of the library structure (sections) of the web site, its content, the availability of services of web analytics. Special attention is given to the following elements in the structure of web pages: electronic libraries, electronic library systems, electronic catalogues as tools for incorporating library resources in the external information-educational space.

On the basis of the conducted analysis the author offers the structure of the web site of the library for the most efficient implementation of the external integration of information and educational resources, as well as the conclusions how well it is possible to implement an external integration between the universities of culture. The article is of interest for employees of university libraries and researchers working on issues of modernization activities of university libraries.

Keywords: *university library, integrative function, web site, information and education resources*

For citing: *Mikhailova A. 2017. Culture institutes libraries' web pages analysis as an instrument of information and education resources integration external direction implementation. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 49–59.*

References

1. Berestova T. 2009. Electronic library as an instrument of the universal informational environment. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 4 (20) : 6–12. (In Russ.).
2. BiblioNET (Catalog of library sites) [Electronic resource]. Available from : <http://www.library.ru/3/biblionet> (accessed : 01.02.2017) (In Russ.).
3. Voroiiskii F. 2002. *Osnovy proektirovaniya avtomatizirovannykh bibliotечно-informatsionnykh sistem* [Basics of designing automated library and information systems]. Moscow : Fizmatlit. 383 p. (In Russ.).
4. Kuleva O. 2007. *Formirovanie informatsionnoi struktury saitа biblioteki kak effektivnogo instrumentа vzaimodeistviya v veb-srede* [Forming the information structure of the library site as an effective tool for interaction in a web environment]. Novosibirsk. 280 p. (In Russ.).
5. Mikhailova A. 2015. Integrative library function in the informational and educational space of the university. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 3 (43) : 21–27. (In Russ.).
6. Mikhailova A. 2017. Integrative function of the university library: forms of implementation in the informational-educational space. *Bibliosphere*. No 1 : 46–51. (In Russ.). DOI : 10.20913/1815-3186-2017-1-46-51.
7. Mokovaya T. Electronic resources of the universities of culture [Electronic resource]. *Universitetskaya kniga* [University book]. Available from : <http://www.unkniga.ru/biblioteki/vuzbiblio/2869-elektronnye-resursy-vuzov-kultury.html>. Published : 02.04.2014 (accessed : 01.07.2017). (In Russ.).
8. Pleshakova M. 2012. *Vizual'nyi ryad saitov nauchnykh bibliotek: razrabotka printsipov sistemnogo formirovaniya* [Visual number of sites of scientific libraries: development of principles of system formation]. Novosibirsk. 332 p. (In Russ.).
9. Potekhina Iu. 2013. *Upravlenie ofitsial'nym saitom kak veb-predstavitel'stvom biblioteki* [Management of the official site as a web-representation of the library]. Saint Petersburg. 22 p. (In Russ.).
10. Salii V. 2011. *Analitiko-sinteticheskaya pererabotka firmennykh veb-saitov v spravochno-bibliograficheskoi deyatelnosti bibliotek* [Analytic and synthetic processing of branded websites in the reference and bibliographic activity of libraries]. Krasnodar. 194 p. (In Russ.).
11. Shraiberg Ia. 2007. Libraries, electronic information and a changing society in the information time [Electronic resource]. *Scientific and technical libraries*. No 1. Available from : <http://intranet.gpntb.ru/subscribe/?journal=ntb&year=2007&num=1&art=2> (accessed : 11.07.2017). (In Russ.).

Resived 18.07.2017

Раздел II

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРОШЛОГО

Феномен прошлого является предметом различных научных дисциплин и рассматривается в рамках самых разнообразных подходов – социологического, философского, исторического, культурологического. Последний представлен работами таких исследователей, как Д. Лоуэнталь, Я. Ассман, П. Нора, Л. Репина, А. Васильев и др. Д. Лоуэнталь понимает прошлое как «чужую страну» – часть безвозвратно утерянной социальной реальности. Преодоление этого разрыва между прошлым и настоящим осуществляется, по его мнению, посредством наследия. Основными источниками знания о прошлом он считает память, историю и реликты. Коллеги Д. Лоуэнтала по проблематике, условно относящиеся к исследовательской группе *memory-studies*, Я. Ассман и П. Нора солидаризируются с ним в вопросе статуса прошлого в пространстве современной культуры и причин усиления интереса к нему. Прошлое, по их мнению, лишь потому вышло на авансцену научных интересов актуальности, что в последние десятилетия обострился разрыв между традиционными (основанным на естественных механизмах трансляции социального опыта) и современными (искусственным) социокультурными коммуникациями.

При очевидной самобытности и оригинальности идей изученных нами исследователей можно констатировать наличие общих векторов в рассмотрении ими прошлого, точек пересечения в его интерпретации. Так, всеми признается, во-первых, экстрасубъективная природа прошлого как продукта деятельности человеческого сознания, во-вторых, его реконструируемый характер и, в-третьих, модернизирующее влияние на него настоящего. При этом ни один из них не дает собственной четкой интерпретации феномену прошлого. Пытаясь заполнить данную исследовательскую лауну, мы сформулировали собственное определение данной категории. Под прошлым мы понимаем опосредованно данную, реконструируемую, детерминируемую настоящим и воспринимаемую как минувшую область групповой социальной реальности.

Ключевые слова: прошлое, культурология, культура, память, *memory-studies*

Для цитирования: Шуб, М. Л. Теоретико-методологические основания культурологического подхода к осмыслению прошлого / М. Л. Шуб // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 61–67.

Прошлое – чрезвычайно сложный феномен. И хотя с этих слов можно было бы начать анализ практически любого явления культуры, к прошлому они относятся в максимальной степени; и прежде всего потому, что прошлое – это то, чего нет. Это некая абстракция, символическая конструкция, рожденная в поле культурных смыслов и до сих пор не обретшая сколько-нибудь четкого категориального оформления. Но одновременно оно есть: на уровне здравого смысла каждый поймет, о чем идет речь при упоминании слова «прошлое». Более того, в сознании любого человека возникает целый ряд идей, ассоциаций, связанных с

прошлым, отношений к нему, его оценок и пр. Таким образом, все понимают, что такое прошлое, но до сих пор ученые самых разных научных профилей бьются над тем, чтобы это понимание уместить в прокрустово ложе научных теорий.

В рамках настоящей статьи мы не будем останавливаться на всем многообразии подобного рода теорий и подходов (социологическом, философском, историческом и др.), сконцентрировав свое внимание на одном из них – культурологическом.

Хочется отдельно упомянуть, что культурологических работ, посвященных изучению

прошлого вообще, прошлого как самостоятельного феномена, практически нет. Исключение, пожалуй, составляет лишь работа Д. Лоуэнтала «Прошлое – чужая страна» (большинство культурологических исследований прошлого связаны с какой-либо конкретной его аспектацией – мемориальной, коммеморативной, исторической, художественной и т. п.). Но начать анализ культурологического подхода к осмыслению прошлого хотелось бы не с нее (к ней мы вернемся чуть позже), а с небольшой статьи В. Беньямина «О понятии истории». В ней не представлена масштабная авторская концепция прошлого, однако высказан ряд чрезвычайно важных для нас идей. Во-первых, мыслитель говорит о прошлом как об образе – пространстве, в котором «прошлое сходится с настоящим и образует созвездие» [2, с. 82]. Образы прошлого противостоят линейному времени истории и прогресса и появляются на «небосводе познания» лишь в «минуты опасности» как осколки «мессианского времени», т. е. в периоды кризисов, потрясений, революций. Во-вторых, образ прошлого носит временный, ускользающий характер, поэтому задача любой современности – увидеть в нем саму себя, черты собственной цивилизации: «Подлинный образ прошлого проскальзывает мимо. Прошлое только и можно запечатлеть как видение, вспыхивающее лишь на мгновение, когда оно оказывается познанным... Ведь именно невозвратимый образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения с появлением любой современности, не сумевшей угадать себя подразумеваемой в этом образе» [Там же].

Название труда уже упоминаемого нами Д. Лоуэнтала «Прошлое – чужая страна» фиксирует одну из сторон восприятия прошлого как иного мира, Другого, отделенного от настоящего непреодолимым разрывом. Такое отношение к минувшему, сформировавшееся лишь в XIX столетии, обусловлено несколькими причинами. Во-первых, ростом печатных изданий, дающих возможность фиксировать, сохранять тексты и в дальнейшем анализировать их, сравнивать с предшествующими, выявлять на их основе динамику из-

менений и пр. Во-вторых, расширением в связи с развитием транспорта пространственно-географических границ, повышением доступности путешествий, освоения чужих стран и культур. В-третьих, окончательной секуляризацией культуры, утратой веры в христианскую темпоральную картину мира и радикальной трансформацией привычного жизненного уклада, продиктованной научно-промышленной революцией [3, с. 5].

Подобного рода восприятие прошлого как дистанцированного от современности, чужого и далекого мира – это лишь одна форма отношения к нему, свойственная исторической науке. Вторую форму Д. Лоуэнталь называет «наследием» – более близкое простому человеку, понятное и комфортное осмысление минувшего как «знакомой и даже “прирученной” области... как альтернативного настоящего» [Там же, с. 7]. Он следующим образом фиксирует принципиальные отличия исторического и «наследного» подходов к прошлому: «История исследует и объясняет прошлое, которое всё более покрывается дымкой по прошествии времени. Наследие упрощает и проясняет прошлое, привнося в него современные цели и намерения... История – это взгляд одного века на другой. Наследие относится к прошлому как к достоянию века нынешнего» [Там же].

Ученый обозначает выгоды и угрозы, которые таит в себе прошлое. К первым он относит: осведомленность о признании, подтверждение убеждений и действий, направляющие примеры, осознание личной и коллективной идентичности, диахроническое обогащение опыта настоящего, возможность отсрочить наступление настоящего. Вторые, по его мнению, сводятся к необходимости вытеснения травматических переживаний, подавлению настоящего со стороны великого прошлого, порождению соперничества с ним [Там же, с. 19].

Биполярная природа прошлого порождает такое же двойственное отношение к нему, сводимое к почитанию, негодованию в адрес минувшего или чувству долга к нему.

Д. Лоуэнталь выделяет три основных источника познания прошлого – память, историю и реликты. В данном контексте он понимает память в ее индивидуальном проявлении, как совокупность воспоминаний отдельной личности о собственной жизни, а также представлений о прошлом. Такой тип знания обладает субъективностью и малым ареалом охвата. История лишь частично свободна от данных недостатков, поскольку и ее познание прошлого обусловлено серьезным влиянием настоящего. Реликты – осязаемые следы прошлого – не выступают самостоятельными источниками знаний о прошлом, нуждаясь в интерпретаторе. Сама процедура истолкования также носит субъективный и реконструирующий характер. Кроме того, реликты со временем подвергаются как смысловой, так и чисто физической эрозии.

Каким бы источником знаний о прошлом ни пользовался исследователь, он неизбежно сталкивается с проблемой влияния его собственной современности на процедуру понимания. На протяжении всей своей работы Д. Лоуэнталь неоднократно подчеркивает реконструируемый характер прошлого и колоссальное влияние, оказываемое настоящим на процедуру постижения минувшего: «Воспоминания – это не “готовые к употреблению” копии прошлого, но эклектическая, избирательная их реконструкция, основывающаяся на последующих действиях и восприятиях и на постоянно меняющихся кодах, при помощи которых мы различаем, символизируем и классифицируем окружающий мир» [3, с. 331].

Современность всегда нуждалась в прошлом, эксплуатируя упомянутые выше его выгоды. Однако в эпоху, очевидцами которой мы являемся, эта потребность приобретает особые масштабы. Д. Лоуэнталь характеризует ее как время «неистой ностальгии», «навязчивых поисков корней», «заботы о сохранности следов прошлого» и «растущего интереса к национальному наследию» [Там же, с. 26]. Сложившуюся ситуацию ученый объясняет примерно так же, как и П.-Х. Хаттон, Ф. Арьес и П. Нора – через отчуждение современного общества от тради-

ции: «Образовавшийся в XX веке разрыв с традицией поставил нас в положение, когда нас окружают памятники и реликвии, значение которых мы едва ли можем понять и едва ли ощущаем частью собственного Я... Мы сохраняем наследие также и потому... что не достаточно близки к нему, чтобы творчески переработать» [3].

Наиболее ярким примером культурологического подхода к осмыслению прошлого являются так называемые *memory-studies*, или история памяти, как предлагал называть это направление гуманитарных исследований Я. Ассман. Именно память, понятая как индивидуальный феномен, как феномен культуры, становится связующим мостиком между прошлым и настоящим, поскольку именно благодаря культурной памяти и хранящимся в ней представлениям о прошлом общество формирует собственную идентичность в настоящем. Л. П. Репина, указывая на принципиальное отличие исторического и культурологического, меморативного подхода к прошлому, писала: «В отличие от собственно истории, “история памяти” занимается не изучением прошлого как такового, а того прошлого, которое осталось в воспоминаниях – в традиции (историографической, литературной, иконографической и т. д.). И цель изучения “истории памяти” – не в том, чтобы вычленил из этой традиции “историческую правду”, а чтобы проанализировать саму традицию как феномен коллективной или культурной памяти...» [5, с. 11]. «История памяти» занимается не сличением содержания воспоминаний с историческими реалиями, а изучением причин формирования того или иного их содержания, их вариантов, анализом культурных смыслов и образов, наполняющих память группы, способов проявленности в пространстве актуальной культуры, механизмов забвения и реанимации воспоминаний и т. п.

Анализ идей представителей данной группы исследователей заслуживает отдельного разговора, поэтому в рамках настоящей статьи мы упомянем о них лишь кратко.

Я. Ассман, один из классиков *memory studies*, связывает формирование прошлого как категории культуры с осознанием разрыва в монолитном течении времени и одновременно с попыткой обращения к минувшему и преодолением этого разрыва. Точкой темпорального невозврата он считает момент перехода от традиционной к письменной культуре: «Как только традиция принимает форму закрепленного и объективированного в письменных знаках текста, налицо разрыв, который может быть осознан как различие между старым и новым, прошлым и настоящим» [1, с. 106].

Этот разрыв был во многом продиктован сменой коннективной структуры. Я. Ассман определяет ее как набор символических связующих звеньев, объединяющих отдельных членов общества в группу путем интеграции их прошлого и настоящего в пространстве памяти [Там же, с. 16]. Коннективная структура базируется на подчинении членов группы установленным общим правилам и ценностям и на наличии у них общего прошлого и выработанных форм обращения к нему.

Каждому типу культуры соответствует свой тип коннективной структуры, основанной на подражании и сохранении прошлого, на «обрядовой когерентности», как пишет Я. Ассман. В ее рамках прошлое воспринималось как мифологическое правремя (космологическое у Б. А. Успенского), обращение к которому осуществлялось через ритуальное повторение. Ученый называет такое прошлое абсолютным, оно «всегда останется на равном расстоянии от продвигающегося вперед настоящего и... является скорее родом вечности» [Там же, с. 83].

Изобретение и распространение письменности трансформировало тип коннективной структуры, тип когерентности и соответственно формы обращения к прошлому. Обрядовая когерентность уступила место текстуальности, а подражание прошлому и обрядовое повторение – его толкованию и воскрешению. На смену мифологическому прошлому пришло историческое, основанное на построении череды событий, встроенных в жесткую логику причинно-следственных связей.

Я. Ассман подобную трансформацию связывает не только с появлением письма как такового, но, главным образом, с формированием канона. Канон, останавливая течение живой традиции, отменяя универсальный акт повторения и обрядового возвращения к прошлому, переводит память из пространства ритуала в тексты и требует фигуры их интерпретатора [1, с. 100–101]. Важную роль в обозначении разрыва между двумя типами культур и выкристаллизовывании прошлого в его историческом понимании играет и появление феномена классики – текстов, которые «копируют и цитируют, воплощение нормативных и формирующих ценностей» [Там же, с. 99]. Канон и классика заменяют бессознательное, ритуальное повторение прошлого его рациональным, профессиональным толкованием.

Исследователь, рассуждая о содержании представлений о прошлом (и в его ритуально-обрядовом, и в текстовом измерениях), называет несколько важных его атрибутов:

– символический характер (в пространстве памяти о прошлом плохо уживаются конкретные события, места, персонажи);

– отнесенность к пространству и времени (содержание памяти о прошлом должно четко идентифицироваться со временем и местом);

– групповая идентифицируемость (содержание воспоминаний должно иметь отношения к конкретной группе, отражать ее интересы и запросы) [1, с. 39].

Я. Ассман улавливает две интересные закономерности циркуляции прошлого в пространстве группы. Во-первых, чем меньше ее масштаб, тем сильнее подчеркивается ее отличие от остальных социальных образований и тем интенсивнее отрицаются различия внутри самой группы. По мере роста численности или социального авторитета группы эти противоречия несколько нивелируются. Во-вторых, пространство воспоминаний носит неоднородный характер: в большей степени оно насыщено в отношении недавнего прошлого и времени истоков, периода формирования группы [Там же, с. 51].

В заключение анализа концепции Я. Ассмана можно привести его мысль, сближающую его со многими исследователями прошлого: не существует прошлого как такового, «от него остается только то, что общество в ту или иную эпоху способно воссоздать в своих нынешних референциальных рамках... оно реорганизуется сменяющимися рамками движущегося вперед настоящего» [Там же, с. 42].

Очень близки идеям Я. Ассмана идеи П. Нора, выдающегося французского исследователя памяти. Он, как и его коллега по проблематике, говорит о двух основных типах восприятия прошлого – традиционном и современном (историческом). Последний есть результат образовавшегося разрыва, «трещины» между прошлым и настоящим, между «до» и «после»: «Мы перешли от идеи видимого прошлого к идее невидимого прошлого, от прошлого устойчивого к прошлому, которое мы переживаем как разрыв, от истории, искавшей себя в непрерывности памяти, к памяти, спроецировавшей себя на прерывность истории» [4, с. 36].

Для традиционного восприятия прошлого, основанного на повторении, была характерна постоянная и непрерывная актуализация его в настоящем. Оно вплеталось в живую ткань традиции, являлось частью повседневного бытия группы и потому не осознавалось как таковое. Сегодня же «прошлое дано нам как нечто иное, оно – это тот мир, от которого мы отрезаны навсегда» [Там же]. Поэтому единственной формой взаимодействия с прошлым становится его реконструкция.

Возросший в последние десятилетия интерес к микроистории, исследованиям ментальности, обычаев, повседневности, попытка проникнуть в ценностный, символический мир прошлого, сделать его более понятным и близким – все это, по мнению П. Нора, индикаторы нарастающего кризиса в восприятии прошлого: чем сильнее разрыв с минувшим, тем интенсивнее мы пытаемся его преодолеть если не фактически, то хотя бы иллюзорно, создавая видимость, «галлюцинацию» единения с ним.

Мы обратились к идеям далеко не всех исследователей-культурологов, в границы чьих интересов попал феномен прошлого. Кроме того, многие из «классиков» остались вне поля нашего зрения в силу их принадлежности к иному методологическому подходу. Однако даже на основании представленных нами интерпретаций прошлого выкристаллизовывается целый ряд общих для многих исследователей идей. И прежде чем дать собственное определение прошлого, попробуем сформулировать их.

Во-первых, прошлое можно назвать экстра-субъективным феноменом. Оно само по себе существует как продукт деятельности человеческого сознания, как часть «воображаемой реальности» (выражение Б. Андерсона), как единица смоделированной структуры времени (модусы времени). И при этом в процессе познания его субъективная природа накладывается на субъективность познающего субъекта, который, осуществляя интерпретацию прошлого, неизбежно переносит на него собственное видение мира, систему ценностей, установки современной ему культуры и пр.

Во-вторых, прошлое носит реконструируемый характер. Оно недоступно непосредственному восприятию и связано с настоящим через систему посредников – следов, оставленных прошлым. На основании интерпретации этих следов ученые восстанавливают, реконструируют картину минувшего, создавая «образ прошлого» (по В. Беньямину). Поэтому построение абсолютно достоверной модели «чистого» прошлого, реанимации прошлого в том виде, в каком оно некогда существовало, невозможно. Возможно лишь приближение к его «изначальному» состоянию.

В-третьих, прошлое в процессе реконструкции модернизируется, актуализируется и адаптируется настоящим под собственные установки. Как писал Л. Февр, «Человек не помнит прошлого – он постоянно воссоздает его. Это касается и такой абстракции, как отдельный человек, и такой реальности, как человек, являющийся членом общества. Он не хранит прошлого в своей памяти подобно тому, как

северные ледники тысячелетиями хранят в своей толще замерзших мамонтов. Он исходит из настоящего – и только сквозь его призму познает и истолковывает прошлое» [6, с. 21–22]. Поэтому настоящее извлекает из анналов истории лишь те факты и те события, которые коррелируют с его интересами. Изменяясь само, настоящее изменяет и прошлое.

Таким образом, можно сказать, что прошлое, рассматриваемое сквозь призму культурологии, – это не прошлое «в чистом виде», а

реконструированный феномен, некий образ прошлого, существующий в настоящем и им же содержательно определяемый; это совокупность представлений и характеристик, присваиваемых прошлому современностью.

На основании указанных особенностей можно сформулировать собственное определение прошлого. Прошлое – это опосредованно данная, реконструируемая, детерминируемая настоящим и воспринимаемая как минувшая область групповой социальной реальности.

1. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – (Studia historica).
2. Беньямин, В. *О понятии истории* / В. Беньямин ; пер. с нем. и коммент. С. Ромашико // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46. – С. 82–90.
3. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург : Русский остров : Владимир Даль, 2004. – 618 с.
4. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 333 с.
5. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад : сб. ст. / Ин-т всеобщей истории РАН, Общ-во интеллект. истории ; под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Круг, 2010. – 960 с. – (Сер. Образы истории).
6. Февр, Л. Бой за историю / Л. Февр ; пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича и Ю. Н. Стефанова ; отв. ред. А. Я. Гуревич. – Москва : Наука, 1991. – 633 с.

Получено 13.09.2017

M. Shub

Candidate of Culturology, Docent,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: Shubka_83@mail.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GROUNDS OF CULTUROLOGICAL APPROACH TO UNDERSTANDING OF THE PAST

Abstract. *The phenomenon of the past is a subject of various scientific disciplines and is considered within the most various approaches – sociological, philosophical, historical, culturological. The last is presented by the works of such researchers as D. Louental, Ya. Assman, P. Nora, L. Repina, A. Vasilyev and others. D. Louental considers the past as “an alien country” – a part of irrevocably lost social reality. He thinks that overcoming of the gap between the past and the present is carried out by means of heritage. He considers memory, history and relicts the main sources of knowledge of the past. The colleagues of D. Louental of the problem under research, conditionally belonging to the memory-studies research group, Ya. Assman and P. Nora share his viewpoint on the issue of the status of the past in space of modern culture and the reasons of strengthening of interest in him. The past, according to them, only therefore came to a proscenium of scientific interests of relevance that in the last decades the gap*

between traditional (based on natural mechanisms of broadcast of social experience) and modern (artificial) sociocultural communications has become aggravated.

At obvious identity and originality of their ideas, it is possible to state existence the general of vectors in consideration of the past, existence of points of intersection in his interpretation. So, all researchers admit, firstly, the extra-subjective nature of the past as product of activity of human consciousness, secondly, his reconstructed character and, thirdly, the modernizing influence of the present on it. At the same time none of them gives his own accurate interpretation of the past phenomenon. Trying to fill this research gap, we have formulated our own definition of this category. So. We understand it as the past indirectly given, reconstructed, determined present and perceived as the past area of group social reality.

Keywords: past, cultural science, culture, memory, memory-studies

For citing: Shub M. 2017. Theoretical and methodological grounds of culturological approach to understanding of the past. *Culture and Arts Herald*. No 3 (51) : 61–67.

References

1. Assmann J. 2004. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory. Letter, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. Translated from German by Sokolskaia M. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury. 368 p. (In Russ.).
2. Benjamin W. 2000. On the concept of history. Translate from German and comment. by Romashko S. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer]. No 46 : 82–90. (In Russ.).
3. Louental D. 2004. Proshloe – chuzhaya strana [The past – others country]. Translated from Eng. by Govorunov A. St. Petersburg : Russkiy ostrov : Vladimir Dal'. 618 p. (In Russ.).
4. Nora P. 1999. Perspective of places of memory. Frantsiya-Pamyat' [France-Memory]. P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Piuimezh, M. Vinok. St. Petersburg : Publishing house of the Saint Petersburg State University. 333 p. (In Russ.).
5. Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad [Images of time and historical representations: Russia – the East – the West]. 2010. Repina L., ed. Moscow : Krug". 960 p. (In Russ.).
6. Febvre L. 1991. Boi za istoriyu [Fights for history]. Moscow : Nauka. 633 p.

Received 13.09.2017

В. Е. Триодин

д-р пед. наук, профессор,
Санкт-Петербургское отделение
Российского творческого союза
работников культуры
E-mail: bonicat@list.ru

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕРЖИТЕ ШАГ

После Октябрьской революции (важнейшее событие для нашей страны, перевернувшее основы государственности и социального устройства, изменившее жизнь миллионов людей) прошло уже 100 лет, но до сих пор она не оставляет никого равнодушным. По мнению автора, фундаментом развития общества является культура. Немаловажное влияние на формирование социалистического, а затем и революционно-го сознания оказали философия, литература и искусство. Приводятся исторические предпосылки зарождения коммунистических идей (в том числе утопического социализма), их эволюция на Западе (Т. Мор, Т. Кампанелла, А. де Сен-Симон, Ш. Фурье и др.). Если говорить о России, то после неудавшегося восстания 1825 г. идеи социализма (в частности, симонизм) долгое время открыто не выражали, создавались тайные кружки и общества (например, петрашевцы), отдельные члены которых были вынуждены покинуть родину. Так, А. И. Герцен и Н. П. Огарев из Европы пытались пробудить Россию своим «Колоколом». Исключительное влияние на развитие идей социализма оказал роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: по всей России стали возникать коммуны по образцу созданной Верой Павловной; стоит сказать, что это произведение во многом сформировало взгляды В. И. Ленина. Русский (или крестьянский) социализм 2-й половины XIX в. получил название «народничество» за знаменитое «хождение в народ». Одним из вдохновителей народников был П. И. Лавров («Исторические письма»). Но крестьянам были чужды идеи социализма. Постепенно ненасильственные методы воздействия уступили место силе. Первые 17 лет XX в. – период восстания масс. По мнению некоторых ученых, утопический социализм вырос из уравнилельной социальной идеологии раннего христианства, поэтому не удивительно, что символом первой русской революции стал священник Г. А. Гапон, активное участие в революциях принимали выпускники семинарий, дети церковнослужителей. Вслед за социально-политической революцией 1917 г. пришла культурная (формирование нового человека, преданного системе; сражение «мы» с «я»), распространившаяся на все сферы деятельности и, конечно же, на искусство.

Ключевые слова: Октябрьская революция, коммунизм, утопический социализм, народничество

Для цитирования: Триодин, В. Е. Эволюционный держите шаг / В. Е. Триодин // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 68–77.

1. Вызываю огонь на себя

Есть темы, проблемы, которые, словно яблоко раздора, поляризуют общество, вызывают разлом человеческого бытия. Вот, например, только некоторые события самого последнего времени, породившие бурное противостояние: памятник Ивану Грозному в Орле, мемориальная доска Маннергейму в Петербурге, фильм «28 панфиловцев», попытки переименования городов (Волгоград в Сталинград, Краснодар в Екатеринодар). А уж портреты, памятники и даже иконы Сталину и

вовсе провоцируют обожающих его и изголяющихся над ним идти друг на друга стенкой на стенку. Что уж говорить о событиях октября 1917 г., потрясших планету.

Тем не менее юбилейный год социалистической революции наступил. И никуда от этого не деться. И уходить от ее осмысления, прятать от нее голову, как страус в песок, бессмысленно.

Начинаю этот сложнейший разговор не потому, что считаю себя носителем истины в последней инстанции. Напротив, я весь в вопросах, сомнениях, однако готов принять огонь

на себя, потому что нет другого пути консолидации общества, как взаимоуважительное гласное сопоставление позиций друг друга.

Я исхожу из того, что базисом развития общества является не экономика, а культура. Культура, по определению академика В. С. Стёпина, – надбиологическая программа деятельности человека¹. Носитель культуры – человек. Всякая революция начинается с головы человека, его психологии. А человека во многом формирует литература и искусство. Маяковский мыслил себя деревообделочником людских голов. «Мозги шлифуем рашпилем (напильником. – В. Т.) языка».

К тому же и специфика журнала требует культурологического осмысления социально-экономических событий. Этим объясняется предмет исследования статьи: формирование социалистического (революционного) сознания литературой и искусством. «Все совдепы не сдвинут армий, если марш не дадут музыканты» (В. Маяковский).

2. Звезда пленительного счастья

Идея коммунизма зародилась еще в древности. Человечество испокон веков мечтало о земном рае, о совершенном жизнеустройстве. Это был его идеал. Идеал – слово французского происхождения (*Ideal*), оно означает высшую цель стремлений, совершенное воплощение, лучший образец чего-либо или кого-либо.

Поэты, писатели предпринимали неоднократные попытки подробно рассказать об идеальном обществе. Но оно всегда оказывалось или в далеком прошлом, или в светлом будущем.

Уже первый (известный по имени) древнегреческий поэт Гесиод (VIII – VII вв. до н. э.) в поэме «Труды и дни» рассказал о самом первом людском роде. Его произвели на свет бессмертные боги Олимпа. Первые люди жили в золотом веке и были счастливы. Они не знали собственности, эксплуатации, неравенства. А потом становилось все хуже и хуже: век серебряный, век железный...

¹ Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. Санкт-Петербург : Мирь, 2009. С. 270.

Английский гуманист, писатель Томас Мор (1478–1535) занимал ключевые посты в государстве. Он был сначала главой английского парламента, а потом канцлером – фактически вторым человеком в стране после короля. Но свои представления об устройстве государства предпочитал излагать в сочинениях, а не реализовывать на практике (его главное произведение «Золотая книга о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия»).

Утопия (греч. *τοπος* – ‘место’, *υ* – отрицательная частица) – место, которого нет. В несуществующей стране Утопии люди живут общиной в мире и согласии, не угнетают друг друга, трудятся без принуждения, доходы делят по потребностям.

Книга принесла автору всемирную известность. Социализм (лат. *socialis*) – общественно-совместный строй людей, основанный на справедливости, равенстве, братстве, стал восприниматься как утопия. Отсюда устойчивое словосочетание – утопический социализм. Своеобразная птица счастья завтрашнего дня.

Одним из первых представителей утопического социализма был итальянский философ, богослов, поэт, политический деятель Томмазо Кампанелла (1568–1639). В своем самом известном произведении Кампанелла назвал идеальную страну, где солнце не опалает, но светит и греет, Городом Солнца. Это модель всемирного государства. Население города ведет «философскую жизнь в коммунизме», т. е. имеет все общее, в том числе и жен (для производства детей жрецы определяют, кто с кем временно обязан соединиться). С уничтожением собственности уничтожаются пороки, развивается любовь к общине. Работы в городе распределяются согласно способностям каждого. Продолжительность трудового дня – 4 часа.

Во главе города стоит верховный первосвященник – Метафизик. Его выбирают из числа мудрейших и умнейших граждан. Метафизику помогает Триумвират: Могущество, Мудрость, Любовь.

Первые социальные утописты проповедовали учение о преобразовании общества ненасильственным образом, лишь силою примера.

В Новое время (точка отсчета – рубеж XVI и XVII вв.) художественное описание общества благосостояния и счастья уступило место его научному осмыслению, прежде всего в работах французских мыслителей Анри де Сен-Симона (1760–1825) и Шарля Фурье (1772–1837).

Ячейкой общества будущего, по Фурье, должна стать фаланга – самодостаточная коммуна. Фаланга размещается в фаланстере – дворце особого типа, в нем трудятся, отдыхают, учатся члены коммуны.

Сам Фурье так и не смог создать на практике ни одного фаланстера по финансовым соображениям, как он считал. Но и жизнь фаланстеров, выстроенных финансово обеспеченными последователями Фурье, оказывалась краткосрочной.

Английский предприниматель и общественный деятель Роберт Оуэн (1771–1858) попробовал реализовать идею Города Солнца Кампанеллы. В Шотландии он создал «идеальный рабочий поселок», в США (штат Индиана) построил коммуны «Новая гармония». Увы, коммунары не проявляли интереса к общественному благу, да и равенство в получении благ не складывалось. И противоречие между физическим и умственным трудом не удавалось устранить. Через пару лет и коммуна, и идеальный поселок распались. Не получилось ни общества изобилия, ни безграничного роста производства, ни расцвета личности.

3. Хождение по мукам: путешествие социалистической идеи в России

Поражением декабристов завершилась еще одна глава российской жизни. Открытое массовое сопротивление режиму было уже невозможно.

Новая глава открывалась шелестом страниц и поначалу еле слышным говором, кружковой жизнью. Кружки стали формой оппозиции. Их главная черта – создание автономной зоны независимой свободной мысли. Среди

многочисленных объединений ярким, заметным событием социально-политической жизни стал кружок Герцена – Огарева.

Нравственное пробуждение А. И. Герцена (1812–1870), Н. П. Огарева (1813–1877) произошло после 1825 г. На Воробьевых горах («святых холмах») они дали клятву пожертвовать собой на благо человечества. Сенсимолизм лег в основу их убеждений и членов созданного ими кружка. Реалии жизни как всегда оказались сильнее субъективной готовности изменить жизнь. Герцен и Огарев вынуждены были поселиться в Европе. Там они стали издавать журнал «Колокол», пытаясь им разбудить Россию.

А идея социализма продолжала кружить в небесах, выбирая совестливых людей, которыми овладело нетерпение.

Под влиянием сочинений Фурье, Сен-Симона, Оуэна в Петербурге сложилась тайная организация разночинной молодежи. По имени хозяина дома, где они собирались, революционера, социалиста М. В. Петрашевского (1821–1866) объединение получило название петрашевцев.

Собранию блестящих умов в кружке могла бы позавидовать любая академия: Достоевский, Салтыков-Щедрин, Майков, Плещеев, Семенов-Тянь-Шанский, ученый-химик Львов, естествоиспытатель, философ Данилевский. Это были разные люди, но их объединяло ощущение мессианства. Петрашевский говорил, что он с колыбели чувствовал свою силу и, как Антей, хотел нести землю на плечах своих. Он видел себя во главе народного движения. Петрашевский был убежден, что нет солнца, которое бы, как Икару, могло опалить его крылья. В гордыне своей он не заметил, что крыльев-то у него не было. Вот показательный пример. В своем имении Петрашевский построил двухэтажный дом наподобие фаланстера. Он подробно объяснял крестьянам преимущества жизни сообща. Крестьяне не спорили. Но в канун заселения сожгли дотла оплот своего счастья. Это типичный исход начинаний тех, кто хотел переустроить жизнь и сделать народ счастливым.

Кружок просуществовал недолго – меньше 5 лет. В 1849 г. прошли аресты: 21 петрашевца, в том числе Достоевского, приговорили к смертной казни. (Перед самым расстрелом даровали жизнь.)

Петербургского мечтателя Достоевского выслали в Сибирь. Через четыре года из острога вышел совершенно другой человек – закаленный в горниле испытаний, много переосмысливший и укрепившийся в вере.

Величайший след в истории утопического социализма оставил Н. Г. Чернышевский (1828–1889). Его, – считал Некрасов, – «послал Бог гнева и печали рабам земли напомнить о Христе». По части преобразовательной деятельности новый мессия оказался уязвим, но программу счастливой жизни выстроил захватывающую.

Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» как бы загнипнотизировал целые слои и группы населения. Всюду начали возникать коммуны по образцу мастерской Веры Павловны. Будто какой-то вирус коммунастроения поразил общество. В самом деле, как было не поддаться очарованию счастья швей, освобожденных от власти хозяев. Девушки-швей в изысканных одеждах не только шили. Они устраивали коллективные праздники, совместные чтения, имели свои театральные ложи, ясли для детей. Вначале одна коммуна, потом сотни, потом тысячи должны были соединиться в хрустальном дворце с алюминиевыми колоннами.

В стране возникает великое множество коммун: ассоциации, товарищества, артели. Некоторые из них сыграли значительную роль в развитии отечественной культуры (артель художников-передвижников, «Могучая кучка» композиторов).

Писатель-демократ В. А. Слепцов осенью 1863 г. организовал Знаменскую коммуны. В нетерпеливом и страстном желании приблизить будущее Слепцов на практике стремился показать преимущества коллективизма, подлинного товарищества, общего труда, раскрепощения женщин. Но и Знаменская коммуна, и все другие распались так

же быстро, как и возникали. И только сладкие сны подпитывали еще надежду. Фаланстеры Фурье Вере Павловне довелось увидеть только в четвертом сне.

Коммуны, как несчастные семьи у Толстого, были несчастливы по-разному. А счастливых среди них не оказалось.

К сожалению, история действительно мало чему учит. Пока человеку некомфортно в реальном мире, он выстраивает в своей голове небеса обетованные, где счастье так возможно, так близко. И появляются все новые и новые безумцы (или святые), которые будут зомбировать его и заманивать в даль светлую. Французский поэт, автор популярных революционных песен Пьер Жан Беранже (1780–1857) обозначил проблему предельно точно: «Господа, если к правде святой / Мир дорогу найти не сумеет, / Честь безумцу, который навеет / Человечеству сон золотой».

Русский (или крестьянский) социализм второй половины XIX в. получил название народничества за знаменитое «хождение в народ». Народники считали, что Россия, опираясь на общинные крестьянские традиции, сможет перескочить через период буржуазного строя – сразу в разумно устроенное социалистическое общество.

На взгляды народников особое влияние оказали «Исторические письма» нового пророка П. Л. Лаврова (1823–1900). Прогресс общества, – писал Лавров, – куплен кровью, страданиями, трудом миллионов. Настало время оплатить долг – просветить народ, помочь ему в социалистическом переустройстве.

Проповедь П. Л. Лаврова породила особый слой интеллигенции – критически мыслящих личностей, кающихся дворян. Они ощущали себя неоплатными должниками народа. В 1874 г. народники, будто по чьей-то неведомой отмашке, двинулись в деревню просвещать крестьян. Тропа к народу ширилась, приобретала отчетливые очертания дороги. В 1870-е гг. этими дорогами была покрыта вся Россия.

Народников ждало глубокое разочарование. Они оказались для крестьян «умными не-

нужностями», столкнулись с крестьянской невосприимчивостью той культуры, которую несли. Народник, писатель С. М. Степняк-Кравчинский (1851–1895) с котомкой книг пытался догнать крестьянина на повозке. Крестьянин одним кнутом хлестал лошадь, а другим отбивался от протянутых пропагандистом книг.

Народники решили изменить тактику. Они селились в деревне учителями, писарями, врачами. Но органического вращивания в крестьянскую жизнь не произошло. Оседлость не только не сняла, а углубила противоречия, показав бесплодность хождения.

К проповеди социализма крестьяне оказались не только глухи, но и враждебны. В картине Репина «Арест пропагандиста» отражены драматические реалии того времени, когда крестьяне выдавали властям «друзей народа».

Период розовых мечтаний отходил в прошлое. Ненасильственные методы воздействия уступили место силе. В 1878 г. Вера Засулич (1848–1919) стреляла в петербургского градоначальника Трепова и тяжело его ранила. Выстрел Засулич открыл период терроризма – проклятия новейшей истории.

Засулич была первой женщиной с революционером в русском революционном движении. Судьба ее – своеобразный портрет народничества. Суд присяжных оправдал ее. Она эмигрировала в Европу, работала с Плехановым, вернулась в Россию в 1905 г. Октябрьскую революцию не приняла. Умерла в нищете, безвестности на 71 году жизни.

Первые 17 лет XX в. в России смело можно было бы назвать восстанием масс. В самом деле – три (!) революции за исторически крохотное время.

Символом первой русской революции стал священник Г. А. Гапон (1870–1906). Именно он оказался во главе рабочего движения столицы, вождем Кровавого воскресенья, его героем и жертвой. День 9 января сделал Гапона исторической личностью, обессмертил его.

Совместимы ли понятия *революция* и *священник*? Есть основания думать, что утопический социализм вырос из уравнительной социальной идеологии раннего христианства. Соци-

альное равенство, общественная собственность – это все отсюда. И даже большевистский лозунг: кто не работает, тот не ест – парафраза из Нового Завета. Недаром руководитель Коммунистической партии России Г. А. Зюганов считает Иисуса Христа первым коммунистом.

На рубеже XIX – XX в. дети поповичей¹, выпускники семинарий вышли на общественно-политическую сцену.

Христианские концепции владели многими видными революционерами. А. В. Луначарский, например, до революции проповедовал богостроительство. Для него религия была верой не в сверхчеловеческое, а в реальное земное единение людей. Шли острые дискуссии о народе как религиозном понятии, обожествлении народа.

Семинаристами были И. В. Сталин, А. И. Микоян, один из руководителей захвата Зимнего дворца Н. И. Подвойский.

Семинаристский тип мировосприятия оказался характерным для революционной элиты в целом. В. И. Вернадский как само собой разумеющееся упоминал характерный типаж – очень ограниченный коммунист из поповичей.

Гапон создал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Он словно всех околдовал. Ему верили. Сюда шел поток рабочих. Это было модно и престижно. Даже большевики вынуждены были признать, что у Гапона в разы больше рабочих, чем в партии.

Сами рабочие были поражены размахом движения, предписывая это сверхъестественной силе Гапона.

В Петицию Гапона были включены требования политического характера: созыв Учредительного собрания (инструмент ограничения самодержавной власти императора), ответственность министров перед народом, свобода совести, амнистия политзаключенным.

На крестный ход шествие мало походило, хотя были и иконы, и хоругви. Город был на-

¹ Поп (греч. *pappos* – ‘отец, батюшка’) – обиходное название священника в дореволюционной России. Негативный оттенок слово *поп* получило в советское время.

воднен войсками. А у армии есть своя неизбежная логика действий. Тысячи людей были убиты и ранены. Умонастроения масс выразил Гапон: нет больше ни Бога, ни царя.

Гапон как священник умер у Нарвских ворот Петербурга. Последующий год под его именем жил на свете другой человек, вначале «революционер» (с ним встречались Плеханов, Ленин), потом политический провокатор. Его жизнь унижительно и жестоко оборвалась в пригороде Петербурга в 1906 г.

День 9 января стал гранью между XIX и XX в. В политическом и социально-культурном плане XX в. наступил 9 января.

Подведем предварительные итоги.

Вековые попытки человечества показать естество и плоть социалистической идеи оказывались тщетными. Она испарялась, как только человек приближался к ней. Таяла, как снежинки, в руках разгоряченного человека. Маркс, Энгельс «Манифест коммунистической партии» начинают со знаменитых слов: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма». Но призрак – это мираж, что-то только кажущееся реальным, воображаемый образ. Вот это смутное, неясное очертание будущего (стихийный социализм, утопический социализм) и бродило по дорогам, пока на смену ему не пришел научный коммунизм.

И еще одно важное наблюдение. Носители социалистической идеи были, как правило, люди, так и не сумевшие гармонично обустроить свою личную жизнь. И потому брались за переустройство общества.

И последнее. Маркс считал, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой.

Социалистическая идея, даже не апробированная практикой, будоражила, будила поколение за поколением.

Роман Чернышевского «Что делать» «перепыхал» Ленина, перевернул его взгляды, сделал его носителем материальной силы. Впереди маячил еще один вселенский эксперимент. В запломбированном вагоне поезда из воюющей со страной Германии мчался в Петроград новый мессия (или безумец).

4. Пальнем-ка пулей в святую Русь

На смену утопическому социализму пришел научный коммунизм. Его отличительная черта – ставка на силу. В Манифесте коммунистической партии так и сказано: коммунисты открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя.

Рейхсканцлер германской империи Отто Бисмарк (1815–1898) считал, что для строительства социализма прежде всего нужно найти страну, которую не жалко.

Страной, которую никто не пожалел, оказалась Россия. В ее выборе решающую роль сыграл Ленин (хотя страна была беременна революцией, вот-вот должны были начаться схватки).

Лидер большевизма обладал качествами вождя, профессионального революционера, редкой силой воли. Россию он, если и любил, то, по Лермонтову, «странною любовью» («люблю отчизну я, но странною любовью»). Ленин выступал за поражение России в Первой мировой войне, за перерастание империалистической войны в гражданскую. Может быть, всего одна, но пламенная страсть у него была к пролетариату. Ибо коммунизм, по Энгельсу, это и есть рабочее движение. Те, кто был ничем, должны были стать всем. Для них и возводился новый социальный рай.

Вызов Ленина «иду на вы» прозвучал 25 октября (7 ноября) 1917 г. В этот день большевики захватили все важнейшие пункты Петрограда, в том числе Зимний дворец.

Зимний дворец с 1915 г. перестал быть цитаделью монархии. Здесь был открыт госпиталь. Но Временное правительство разместилось в одном из апартаментов госпиталя-дворца. Охраняли его всего 300 казаков, женский батальон и юнкера (ученики военных училищ).

Ультиматум Военно-революционного комитета Временное правительство отвергло. Казаки, женский батальон покинули Зимний дворец. Остались только мальчишки-юнкера.

Во время штурма госпиталя (Зимнего дворца) погибло немало тяжелораненых рабочих и

крестьян, одетых в солдатские шинели. Шла Первая мировая война. Погибли те, во имя лучшей жизни которых и совершался переворот.

В ночь с 25 на 26 октября отряд В. А. Антонова-Овсеенко обнаружил в Малой столовой дворца членов Временного правительства. Именем Военно-революционного комитета он объявил их арестованными. (Сам Антонов-Овсеенко будет репрессирован в 1939 г.)

Каминные часы в Малой столовой показывали 2 часа 10 минут. Весь советский период эта дата играла роль нового Рождества Христова, отсчета нового времени, новой жизни. Ведь впереди красноармейцев шел Иисус (так, по Блоку, с одним «и») Христос.

Любопытная деталь, на которую мало кто обращает внимание. Красноармейцы с Христом палили пулями в Святую Русь.

Конечно, революция не сводится к моменту захвата власти. Она совершается не в один день и даже не в десять дней Джона Рида, потрясших мир. Как, впрочем, и Крещение Руси произошло не в августе 988 г., а затянлось на десятилетия и даже столетия.

Революция 1917 г. – широкий социально-исторический процесс. Его уникальность состояла в том, что впервые в мировой истории будущее не прогнозировали, а строили «весомо, грубо, зримо» (Маяковский).

На этом пути были взлеты и падения. Будущее возводилось за счет жертвенности настоящего. Приходилось «быть и лицом, и ягодицей» (Маяковский) одновременно. Так или иначе, но социализм стал уделом не одной страны, а целого лагеря (слово-то какое!) мировой социалистической системы.

Но будто Фата Моргана вселилась в первопроходцев. (Фея Моргана, по преданию, жила на морском дне и обманывала путешественников призрачным видением.)

Сложный мираж, который виделся прорабам революции, они навязывали обществу. Ленин обещал, что его поколение будет жить при коммунизме. Сталин заявил, что жить стало лучше, жить стало веселее. Писатели, поэты сопровождали. Герой А. П. Платонова собирался построить социализм буду-

щим летом. Маяковский – вырастить городсад через четыре года.

Эстафету подхватили лидеры «развитого социализма». Хрущев назначил точную дату восьмого чуда света – 1980 г. Горбачев обещал к 2000 г. каждому россиянину предоставить изолированную квартиру. Ельцин клялся лечь на рельсы, если жить будет хуже.

Еже писах, писах (Что написано, то написано).

Что же оказалось в сухом остатке? Капитализм не догнали, тем более не перегнали. Социализм, как выяснилось, неконкурентоспособен. Неимоверное напряжение и усталость общества привели к внутреннему взрыву.

В декабре 1991 г. СССР и лагерь социализма приказали долго жить.

5. Культурная революция

Юбилей культурной революции, кажется, еще не отмечали никогда. А ведь Ленин след за социально-политической революцией объявил и о культурной.

Культурная революция – коренной переворот в духовной жизни общества. Ее содержание – формирование нового человека.

Как и положено всякой революции, культурная началась с насилия. Свыше 200 лучших умов России, не принявших переворота, на «философском» пароходе были высланы за рубеж (1922 г.). Тех, кто остался, уничтожили физически (Н. Гумилев).

Далее последовало отречение от исторических корней. По Эренбургу, в крестьянской Расее (так писатель называл Россию) жили всего-навсего эмбрионы людей (в постсоветской России наиболее «продвинутые прохвосты» презрительно называют советских людей «совками»).

И, наконец, методика воспитания. Бухарин (самый мягкий и интеллигентный из ленинского окружения, «Бухарчик») предлагал вырабатывать коммунистическое человечество из наличного человеческого материала методом расстрела.

Какова же была содержательная сторона программы воспитания коммунистов (не чле-

нов партии, а людей будущего)? Она была вызовом естеству человека, опровергала принципы природосообразности Песталоцци. В самом деле, в фундаменте ее лежала идея уничтожения разделения труда между людьми, воспитание всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, которые умеют делать всё.

Все должны писать стихи, как Пушкин, петь, как Шаляпин, сочинять музыку, как Чайковский, добывать уголь из шахты, как Стаханов.

Нравственно то, что служит делу коммунизма.

Революция живет и побеждает благодаря возвеличиванию вождей. И потому нравственны были, например, такие стихи. К автору поэту Э. Багрицкому является призрак Дзержинского и учит выполнять заветы Ленина: «Но если он скажет: “солги” – солги. Но если он скажет: “убей” – убей».

Коммунистическое общество – значит все общее: земля, фабрики, труд, но прежде всего некая общая психология. Коммунист – это человек-мы.

Лидеры революции знали, что самое большое сопротивление внешним воздействиям оказывает личность. Чтобы сломить сопротивление, личность нужно заменить коллективом. Революция была сражением *мы с я*.

Маяковский усердствовал: единица – ноль, единица – вздор. Теоретики Пролеткульта утверждали, что подлинным творцом выступает не отдельная личность, а коллектив, что пролетариат обладает особым коллективным мышлением.

Коллективизм воспитывался самым новым образом жизни. Дети большую часть жизни проводили в яслях, детских садах; подростки – в школах; молодежь – в вузах; взрослые – в рабочих коллективах.

Коммунальное жизнеустройство коллективизировало и сферу быта. Фабрики-кухни должны были вытеснить кухню индивидуальную. Не домашняя котлета, а конвейерное производство пищи. Людей учили умирять

собственный вкус. Ольга Берггольц такие дома-коммуны называла слезой социализма.

Писатель Е. И. Замятин (1884–1937) на новую концепцию откликнулся романом-предупреждением «Мы». В нем бывшие личности отказываются от «дикого» состояния свободы. Сливаясь в единое, миллионорукое тело, они в одну и ту же секунду просыпаются, выходят на работу, подносят ложки ко рту, выходят на прогулки, получают право на определенный администрацией «сексуальный продукт». У них – математически выверенное счастье.

Победу революции мог закрепить только образованный рабочий, поэтому возникла необходимость революционных мер в области образования. Все неграмотные люди в возрасте от 8 до 50 лет обязаны были учиться. Грамотных мобилизовывали на просветительскую работу среди безграмотного населения (чтецкая повинность). При фабриках, клубах, избах-читальнях, библиотеках открывались пункты по ликвидации неграмотности, народные (пролетарские) университеты. Возникали один за другим образовательные почины – ликбезовские спартакиады, стахановский метод в школе и т. д.

Но вот человек овладел грамотой. Что дальше? Дальше шли списки книг, которые можно было читать и находившиеся под запретом.

Литература и искусство становились достоянием масс, когда они овладевали методом социалистического реализма.

Вся система образования и воспитания была направлена на формирование абсолютной преданности системе. «Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!». Комсомол говорит пионерам: «Будь готов». «Всегда готов», – чеканит пионер.

Сверхнасилие тоталитарной системы способно парализовать человеческий дух, ослепить человека. Носители насилия превращались в предмет мистического, религиозного поклонения, восторга.

Что же получилось в итоге?

Партийные съезды, официальная пропаганда неустанно повторяли: сформированы

новая историческая общность – советский народ, новый тип личности – советский человек.

Но в декабре 1991 г. эти самые «новые» люди не встали на защиту породившего их государства.

И передовой отряд советских людей – коммунисты – опережая события, начали массово выходить из правящей партии. Они не вышли многомиллионными рядами на ее защиту, когда 21 августа 1991 г. деятельность КПСС была приостановлена, а 6 ноября 1991 г. запрещена.

Вот еще один любопытный факт. После НЭПа произошло массовое сокращение учреждений культуры. Н. К. Крупская тогда точно сказала: они не пустили прочных корней в народ.

Очередной обвал случился после распада СССР. Диагноз – тот же. Люди не вышли защищать свои учреждения культуры. У них не было общих прочных корней ни с советской властью, ни с советскими учреждениями культуры.

Так состоялось ли превращение Савла в Павла? (Иудей Савл, став проповедником христианства, апостолом, т. е. учеником Христа, получил имя Павла.)

6. Молюсь за тех и за других

Современник российской смуты и очевидец Русского исхода конца 1920 г. в Крыму Максимилиан Волошин писал: «А я стою один меж них / В текущем грохоте и дыме / И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других».

Голос поэта услышан. Министерство культуры РФ выступило с предложением считать 2017-й годом национального примирения.

И красные, и белые по-своему любили Россию. Потомкам остается понять и правду большевизма, и боль белого сопротивления. Завершить войну в сердцах, смирить ярость, почтить память всех участников – как победителей, так и проигравших.

Спустя столетие все более становится очевидным, что позади нас не история города Глу-

пова, а трагедия великой страны. В основе трагедии лежит исходно неправильное прочтение Маркса. Маркс говорил о социализме не как о состоянии, а как о движении, которое уничтожает существующее состояние. В Стране Советов стремление к идеалу преждевременно стали выдавать за идеал.

Тем не менее пора отказаться от «словесной пачкотни» (А. Платонов) истории. Образование от дикости отличается уважительным отношением к прошлому (А. Пушкин). Да, были культы личностей и Ленина, и Сталина, но были и универсальные личности.

Кстати, нужно учиться с едиными мерками подходить к историческим персонажам. Петр I, по Ленину, варварскими способами уничтожал варварство. Не случайно его иногда называют первым большевиком. Но никто не посягает на памятник ему. Кто ему только не поет аллилуйю.

Критерии оценки сложных систем должны избегать односторонности. Нельзя судить о социализме только по репрессиям. Это то же самое, что оценивать христианство по инквизициям.

Страна давно уже понесла своеобразное покаяние. В Москве возводится первый общенациональный мемориал «Стена скорби» (скульптор Георгий Франгулян). Он будет открыт к 30 октября 2017 г. (30 октября – День памяти жертв политических репрессий; отмечается с 1991 г.). В Магадане установлена «Маска скорби» скульптора Эрнста Неизвестного.

В последние годы перезахоронены в русской земле известные деятели Белого движения А. И. Деникин, В. О. Каппель, русский философ И. А. Ильин. В известной степени эта акция – символ того, что братоубийственная война закончена.

Пример взвешенной оценки сложнейшего периода страны показывает В. В. Путин. Кто не сожалеет о распаде СССР, – говорил он, – у того нет сердца. А у того, кто желает его возрождения, нет головы.

И все-таки: можно ли извлечь какой-то урок из истории построения социализма? Можно.

Во-первых, эволюция предпочтительнее революции. «Революционный держите шаг», – обращался к массам Блок. «Эволюционный держите шаг», – ответил ему почти век спустя Е. Евтушенко.

Во-вторых, нельзя принудительно заставить людей в счастье.

В-третьих. Самые броские дефиниции коммунизма нуждаются в пересмотре. Ленин определил его как советскую власть плюс электрификацию всей страны. В СССР было и то, и другое. Не было коммунизма.

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о построении коммунизма.

Получено 28.11.2016

V. Triodin

Doctor of Pedagogic Sciences, Professor,
Saint-Petersburg Department of Russian
Creative Union of Culture Workers
E-mail: bonicat@list.ru

KEEP IN AN EVOLUTIONAL STEP

Abstract. *One hundred years have passed since the Great October revolution (one of the main historical events of our country that turned up the grounds of state organization and social structure and changed the lives of millions of people) but many people today still can't remain indifferent to it. I think that culture is the basis for the development of a society that's why art and literature first and foremost have greatly influenced the formation of socialist and later also revolutionary consciousness. The author gives historical prerequisites of communist ideas origin (including those of utopian socialism), their evolution in the West (T. More, T. Campanella, H. de Saint-Simon, Ch. Fourier etc.). In Russia after the abortive revolt of 1825 the ideas of socialism (simonism in particular) were not openly expressed but secret circles and societies (e.g. petrushevtsy) some members of which had to leave Russia were formed. Thus A. Herzen and N. Ogarev from Europe were trying to wake up Russia with their "Bell" journal. The novel by N. Chernyshevsky "What to do?" greatly influenced the development of socialist ideas in Russia. A lot of communes like that of Vera Pavlovna appeared in Russia. It's worthwhile mentioning that this work promoted the formation of V. Lenin's views. Russian (or peasant) socialism of the second half of the XIX century was named "narodnik movement" for the famous "walking to the folks". One of the narodniks' inspirers was P. Lavrov ("Historical letters"). But the ideas of socialism were alien to peasants of Russia at that time and culture of common people differed greatly from that of intelligentsia and noblemen. Gradually coercive methods of impact have replaced non-coercive ones. The first 17 years of the XX century was the period of people's rebellions. Many scientists think that utopian socialism has originated from equalizing social ideology of early Christianity. No wonder that clergyman G. Gapon became the symbol of the first Russian revolution. Many graduates of theological colleges (seminaries) and children of clergymen were taking active part in revolutions. The political revolution of 1917 was followed by the cultural one (formation of new man devoted to the system; struggle of "we" with "I"). It touched all activity spheres including art.*

Keywords: *October Revolution, communism, utopian socialism, narodnik movement*

For citing: *Triodin V. 2017. Keep in an evolutionary step. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 68–77.*

Received 28.11.2016

А. Д. Урсул

д-р филос. наук, профессор,
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: ursul-ad@mail.ru

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О НООСФЕРЕ

Дается обоснование предложенной А. В. Соколовым идеи о необходимости более активного участия институтов культуры в разработке проблем формирования ноосферы и развития ноосферного образования. Рассматриваются проблемы связи процессов цефализации и культурогенеза, становления культуры как надстраиваемого над биологическими процессами создания, накопления, преобразования и передачи негенетическим путем информации. Показано, что культурогенез в ходе глобальной эволюции начинает переходить в ноосферогенез, который формируется через развертывание образования для устойчивого развития, а в дальнейшем через ноосферно-опережающее образование.

Ключевые слова: информация, информационная культурология, культура, культурогенез, ноосфера, ноосферное образование, ноосферогенез, опережающее образование, умное образование, цефализация

Для цитирования: Урсул, А. Д. Несколько замечаний о ноосфере / А. Д. Урсул // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 78–86.

Профессор А. В. Соколов, работы которого я всегда с интересом читаю и которого я глубоко уважаю, поставил в своей статье важный общекультурный вопрос: не принадлежит ли вузам культуры ведущая роль «вестников» или «сеятелей» ноосферных ценностей в современной России? С такой постановкой вопроса я полностью согласен и также считаю возможным обсудить его на страницах «Вестника культуры и искусств» Челябинского государственного института культуры. Именно поэтому я согласился включиться в предложенную профессором А. В. Соколовым и журналом дискуссию по данной теме [10].

Я выскажу свою точку зрения исходя из ранее развиваемых мною идей в области формирования культуры и продолжающего ее ноосферогенеза, их генетической взаимосвязи.

Цефализация и ноосферогенез

Как уже обратил внимание профессор А. В. Соколов, наиболее важным для становления ноосферы оказался процесс цефализации. Именно цефализация сыграла существенную роль в переходе из биологического мира в социальный. Прослеживая линию эволюции ноо-

сферогенеза, можно обнаружить его истоки в форме начала процесса цефализации.

В 1944 г. в небольшой, но очень важной и своей последней статье «Несколько слов о ноосфере» В. И. Вернадский обратил внимание на то, что эволюция живого вещества идет в направлении цефализации [1, с. 235–244]. Представляется, что в публикации, посвященной ноосфере и, по сути, завершающей мысли ученого по этой проблеме, вопрос о цефализации был поднят далеко не случайно. И важно раскрыть интуитивную догадку В. И. Вернадского, который, хотя и не прямо, но всё же указал на генетическую связь процесса цефализации и ноосферогенеза. Оговоримся, что между ними будет далее поставлен культурогенез, который явился необходимым этапом и продолжением информационного процесса цефализации и основой для развертывания ноосферогенеза.

Кстати, и другой основоположник концепции ноосферы П. Тейяр де Шарден в «Феномене человека» также особо выделял в эволюции мироздания процесс цефализации, а на его вершину ставил человека. По сути дела, ноосферогенез в перспективе оказывается тем этапом глобально-универсальной эволюции, которая

будет реализоваться в социоприродной форме, вначале на планете Земля, а затем и за ее пределами, как высшее достижение социокультурного развития человеческой цивилизации.

В словарях термин *цефализация* (от греч. *kephale* – ‘голова’) чаще всего трактуют как процесс обособления головы и включения одного или более туловищных сегментов в головной отдел у животных в процессе их эволюции. Цефализацию также характеризуют как увеличение отношения массы головного мозга к массе тела животного. Причем степень цефализации как относительная масса мозга позвоночных наиболее высока у птиц, из млекопитающих – у китообразных и приматов, особенно у человека.

Однако это феноменологическое и фенотипическое описание не объясняет сути этого в основном эндогенного информационного процесса. Фенотип характеризуется как совокупность внешних и внутренних признаков организма, приобретенных в результате индивидуального развития, это «вынос» генетической информации в тело организма, навстречу факторам окружающей среды. Причем некоторые признаки фенотипа напрямую определяются генотипом, в то время как другие зависят от взаимодействия организма с окружающей средой.

Фенотипические признаки лишь «внешне» выражают феномен цефализации, между тем как в его основе лежат информационные процессы. Информация, по историческим меркам, только недавно вошла в «научный обиход» – всего немногим более полувека, но именно это понятие оказалось наиболее важным для понимания эволюции вообще и становления сферы разума в особенности. «Двигателем» такого процесса, как цефализация, стала информация – в биосистемах, наряду с генетической информацией, появилась новая весьма перспективная информационная система, которая оказала огромное влияние на весь дальнейший процесс биоэволюции, и не только этот этап глобальной эволюции. Цефализация создала способ самоорганизации, преодолевший ограниченность генетических биопроцессов, замкнувшихся в самом биоло-

гическом организме. Цефализация открыла путь к появлению нового этапа эволюции – социальной эволюции, причем важно, что «социальное» формировалось через информационные процессы.

Именно благодаря цефализации и через нее, на стадии становления сознания человека произошел экстракорпоральный «вынос» информации во внешнюю среду, и это кардинально изменило весь процесс предшествующей эволюции, трансформировав биологическую эволюцию уже в социальную, а точнее – в социокультурную. Генетический процесс накопления и переработки информации в биосистемах постепенно начал передавать эстафету процессу цефализации, с помощью которого удалось накапливать всё большее количество информации в отдельном организме и с помощью экстракорпоральных технологий перерабатывать ее, передавая в разных формах другим организмам.

Между прочим, уже отмеченное выше исчерпание одного из видов информационных биологических механизмов состоялось ранее в ходе биоэволюции. В. А. Красилов, отмечая, что человек в эволюционном смысле уникален, так как его эволюция почти полностью смещена в область культуры, далее говорит, что «В истории жизни на Земле ход эволюции дважды круто изменялся: первый раз на переходе от простейших к многоклеточным организмам, когда возможности биохимического совершенствования были в основном исчерпаны, прогресс сместился в сторону морфологии, и второй – в связи с возникновением человеческой культуры, принявшей эстафету прогресса от морфологии» [7, с. 89].

С этой точки зрения культура предстает как новая форма дальнейшего продолжения супермагистрали универсальной эволюции, которую уже сдерживают биологические ограничения. На пути «культурной эволюции» вполне логично должна была появиться цивилизация как этап социокультурного развития и в дальнейшем – ноосфера как наиболее совершенная форма информационных процессов уже в цивилизационном пространстве. Но что

важно: поступательное эволюционное движение вверх происходит под влиянием и даже своего рода «давлением» информации и информационных процессов, в связи с чем можно говорить об «информационной стреле» глобальной эволюции, а именно – если появляются ограничения для накопления, передачи и переработки информации в процессе глобально-универсальной эволюции, находятся новые пути и способы преодоления этих ограничений. Это вместе с тем информационный принцип глобальной эволюции.

Информация и культура

В ряде современных культурологических исследований культура представляется в качестве особой информационной системы, характеризующей сущность социальной ступени эволюции, в том числе и на ее цивилизационной стадии. Можно считать, что культура возникает раньше цивилизации, поскольку появление культуры идентифицируется с появлением социальной ступени, а цивилизация – достаточно поздний этап эволюции этой ступени.

Причем, если понятие цивилизации «тяготеет» к материально-вещественной, экономической и технико-технологической трактовкам, представляя в то же время целостную социальную ступень эволюции, то понятие культуры акцентирует внимание, главным образом, на ее духовно-информационной составляющей, выражающей глубинную сущность цивилизационного процесса. Материально-вещественные объекты цивилизации выступают как феномены культуры только в том случае, если они рассматриваются в информационном ракурсе, а именно – как системы семиосферы. Эти системы способны хранить и передавать созданные человеком знаки, имеющие не только ценность, но и прежде всего значение (смысл) и регулирующие деятельность человека и социума.

Хотя понятий культуры достаточно много, но практически в любом определении или характеристике культуры можно отчетливо увидеть ее информационную природу. Между тем важно понять, почему именно информа-

ция выбирается в качестве фундаментальной основы интерпретации культуры. Ранее были попытки (например, американского культуролога Л. Уайта) связать эволюцию культуры с изменением энергии, а уровень культурного развития определять по уровню энергопотребления. Но эти идеи не были в дальнейшем поддержаны исследователями культуры, причем понятно почему: они просто далеки от природы феномена культуры.

И если на заре становления человечества основным источником энергии был организм человека, то в последующем увеличение энергоресурсов развивающегося общества происходило за счет экстракорпоральных энергетических источников. Рост энергетического потенциала и могущества человечества, так же как и накопление информации, происходил за счет окружающей человека среды, и это вполне согласуется с принципами синергетики. Значит, дело не только во внеорганизменном и внегенетическом накоплении информации, энергии и вещества, что характерно для человечества, а именно в информации, которая оказалась, по мнению многих исследователей, гораздо ближе к природе культуры, чем вещество и энергия. Хотя понятно, что и без них культура, как информационный феномен, существовать не может.

Культура вначале не была выделена из синкретической человеческой деятельности, в том числе из синкретизма триады – вещества, энергии и информации. Она появилась тогда, когда была осознана эволюционная необходимость развития этого относительно автономного преимущественно информационного социального процесса.

В отечественной литературе информационный подход к культуре в советское время развивал эстонский академик Ю. М. Лотман, который дал определение понятия человеческой культуры как совокупности всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения [9, с. 5–6]. Возможность создания, накопления и передачи негенетическим путем разнообразной информации другим индивидам и потомкам принципиально отличает человека от его диких родственников.

В дальнейшем удалось обобщить эти идеи и показать, что социальная ступень эволюции характеризуется особой надиндивидуальной, системой средств накопления, хранения, переработки и передачи информации от поколения к поколению, что важно для коллективного объединения входящих в общество индивидов.

Информационная трактовка культуры уже вошла в учебные пособия. А. С. Кармин дает «теоретическое определение культуры» исходя из того, что «культура – социальная информация, которая сохраняется и накапливается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств» [2, с. 18]. При этом подчеркивается, что культура представляет собой особый тип информационного процесса, которого не знает природа, поскольку, например, у животных информация сохраняется и накапливается в самом организме, а ее передача от одного поколения к другому происходит в основном генетическим путем.

В связи с информационной трактовкой культуры возникает ряд вопросов, имеющих отношение к различным концепциям природы информации. Очевидно, что, например, семиотическое представление культуры выделяет лишь знаковые средства, с помощью них кодируется социальная информация, расшифровываются тексты и другие носители информации. Вместе с тем ряд ученых не считают, что культура состоит только из объектов, которые обозначают лишь другие объекты. В этом случае культура также может представляться в качестве информационного феномена, но не в семиотическом понимании информации, а в более широкой – атрибутивной трактовке. При этом информационная культурология в широком понимании мыслится как направление интерпретации и исследования феномена культуры на основе понятия информации и информационного подхода [3; 4].

Информация, заключенная в культуре, имеет двойственный характер: в артефактах часть информации не зависит от человека и человечества, а другая часть, благодаря интеллектуально-духовной деятельности человека, наделена смыслом. Кроме того, сознание человека может

наделять смыслом не только артефакты, но и естественные феномены, что сплошь и рядом имеет место в естественных науках.

Тем самым культура представляет собой лишь те информационные процессы и системы, которые, будучи артефактами либо естественными объектами и процессами, оказались вместе с тем и знаками, наделенными человеком смыслом, уже отделенным от ценности. Культура выступает в качестве социально-информационных (и прежде всего информационно-семиотических) процессов, в отличие от информационно-генетических процессов в живой природе. Но если это принять, то первичным в появлении смыслов (значений) выступает не сам этот смысл, а его создание сознанием человека, поскольку культура не существует без человека. И это уместно подчеркнуть, поскольку имеется точка зрения, что «не наличие у людей сознания отличает их от своих “родственников” – крупных травоядных животных, хотя оно гораздо более развитое и включает механизм мышления, а возможность создания, накопления и передачи внегенетическим путем разнообразной информации другим индивидам и потомкам» [8, с. 30–31].

Наличие надбиологических механизмов, т. е. программ, кодов, алгоритмов и т. д., играет важнейшую роль в развитии общества, выражая не только его отличие от биологической ступени, но фактически глубинную информационную сущность социальной ступени развития, которую можно было бы даже назвать социально-культурной ступенью. Многие важные тенденции социального развития можно объяснить исходя из того, что природа социального заключена именно в культуре. Но это свойство внутренне связано с сознанием и одухотворенными им различными видами деятельности, и не только орудийной. В обществе одно без другого не существует, причем именно сознание наделяет смыслом артефакты-знаки, в дальнейшем активно участвующие в формировании сознания как индивидов, так и коллективного интеллекта в форме культуры.

Сознание человека в становлении и развитии культуры играет роль опережающего фак-

тора, без которого не состоялся бы социально-информационный процесс. Принцип экзогенного накопления культурной информации, имеющий информационно-синергетический характер, вовсе не отменяет положения о том, что эта информация обретает свою культурную форму лишь в ходе придания сознанием человека смысла артефактам и иным объектам, после чего они включаются в семиосферу как главную область человеческой культуры.

Именно благодаря действию экзогенного информационно-культурного принципа биологическое развитие человека приостанавливается, становится в каком-то смысле второстепенным для дальнейшей эволюции социальной ступени. За последние 40 тыс. лет геном человека изменился меньше чем на 0,02 %, и человечество как биологический вид практически уже не трансформируется в различных природных условиях планеты. Это в значительной степени произошло потому, что человек передал основную функцию накопления информации в социосфере от своего организма внешнему для него, но сущностно с ним связанному эволюционному процессу культурирования.

Итак, рост информационного содержания материальных систем в процессах непрерывной и длительной самоорганизации имеет определенное направление, «стрелу эволюции». Эта векторность эволюции характерна лишь для информационных процессов эволюционирующих систем, но не для масс-энергетических, пространственных и иных известных нам способов физического или атрибутивного описания эволюционных процессов. Поэтому информационный критерий развития оказывается наиболее важным по сравнению с другими, например, масс-энергетическим критерием эволюции [14].

Здесь мы рассмотрели культуру в ее широкой информационной трактовке. Но понятие культуры имеет много значений – и широких, и узких, причем к узким относится понятие культуры, используемое в соответствующем ведомстве (министерстве) и вузах культуры нашей страны. Но все они, несмотря на разные смыслы, базируются на той общей информационной трактовке, о которой речь шла выше.

Информационно-культурная природа ноосферогенеза

Становление ноосферы, возвышая потребности человека, выдвигает на приоритетное место информационные ценности и духовную культуру, в то же время трансформирует все составляющие и содержание культуры, что позволяет предположить появление в будущем принципиально нового типа культуры – ноосферной, являющейся предвидимой «вершиной» глобально-эволюционных процессов во Вселенной.

Несмотря на наличие различных направлений культурной эволюции, ускорение информационно-интеллектуальной составляющей в общей цивилизационной динамике прослеживается достаточно четко. Культурная эволюция в ряде своих интеллектуальных направлений (особенно в области науки) опережает другие эволюционные процессы и является действенным «проводником» в ноосферное будущее. Развитие и пространственное расширение общества «через культуру» с самого начала его становления имеет информационный смысл, выражающийся в наличии особой надындивидуальной и внеличностной системы средств накопления, хранения и преобразования информации, необходимой для организации социальной деятельности. Ведь именно благодаря свойствам и качествам, которые имеют информационную природу и позволяют отличать культурное от природного, обеспечивается экзогенный по отношению к человеку характер глобально-информационной эволюции. А это стимулирует преобразовательную деятельность человека и его склонность к дальнейшему расширению сферы своей активности, вначале на планете, а затем и в космосе [13].

Информационная сущность ноосферогенеза достаточно очевидна. На определенной ступени развития культуры как информационного продолжения процесса цефализации уже на уровне социальной ступени – коллективного интеллекта цивилизации – происходит становление информационной цивилизации. Информационный вектор отчетливо виден на всех этапах ноосферогенеза. Особенно выпукло культурно-информационная сущность ноосфе-

рогенеза проявляется в становлении коллективного ноосферно-опережающего интеллекта как естественного результата развития культуры. Эта будущая целостная и самая грандиозная интеллектуальная система обретет способность кардинально усиливать информационные возможности человечества за счет наиболее рационального использования социокультурного и иного разнообразия.

На мой взгляд, становление информационного подхода в культурологии и развитие информационной культурологии как научного направления позволит создать единую теоретико-методологическую базу изучения культуры и существенно усилит ее прогностическую функцию. Эту же цель преследует и ноосферный подход к видению перспектив культурогенеза [5].

В процессе реального прогресса на пути в ноосферу наука, а также сопряженные с ней интеллектуально-духовные и нравственно-культурные формы деятельности, и прежде всего образование, будут, как и предполагал В. И. Вернадский, играть доминирующую и глобальную роль. В будущей ноосфере социально-информационные факторы окажутся более важными и определяющими развитие по сравнению с материально-энергетическими составляющими, формируя сферу разума через устойчивое развитие (УР) и становление общества знания на фоне разворачивающихся глобальных процессов. Причем в формировании ноосферной ориентации образования главную роль будут играть такие его формы, как образование для устойчивого развития и использование информационных технологий и факторов.

Ноосферно-опережающая ориентация образования

В принципе образование представляется как процесс и результат усвоения человеком всей культуры в целом, а не только систематизированных научных знаний и опыта, умений и навыков, на что обращается внимание в первую очередь. Но в вузах культуры и искусства это видно достаточно отчетливо.

В отличие от прошлого развития человечества, которое шло естественным стихийным пу-

тем, роль науки и образования существенно меняется при переходе к устойчивому развитию. Модель УР создается вначале на концептуально-теоретическом уровне с помощью науки, затем ее надо внедрить в сознание людей на всех иных уровнях общественного сознания – нравственном, правовом и т. д. Говоря об участии образования в формировании сферы разума, хотелось бы обратить внимание в первую очередь на два обстоятельства. Во-первых, формируемое сейчас образование для устойчивого развития в ходе его превращения в ноосферное будет становиться не только более системным образованием, но в нем на приоритетное место будут выдвигаться духовно-гуманитарные (и гуманистические) и интеллектуально-информационные компоненты культуры, которые будут играть ключевую и «опережающую» роль.

Все позитивные тенденции и составляющие образования для устойчивого развития (ОУР), включающие в себя экологизацию, гуманитаризацию, фундаментализацию, информатизацию, футуризацию и т. д. и т. п., должны проявить себя в полной мере, но уже в более совершенной системе ноосферного образования. Однако ноосферное образование будет отличаться от ОУР не только большей системностью, но и преобладанием тех черт, которые должны характеризовать зрелый этап ноосферогенеза, т. е. доминированием (опережением) позитивных нравственно-интеллектуальных и духовно-информационных тенденций и компонентов.

ОУР представляется не только предпосылкой достижения устойчивого развития, но и приоритетным его средством, т. е. можно сказать, что переход к глобальной устойчивости начинается со становления этого типа образования, расширяющего свои масштабы в мировом образовательном пространстве. Будущее ОУР будет носить системно-опережающий характер, выполняя функцию подготовки человека к опережающим действиям по выживанию цивилизации в условиях продолжающегося глобального антропоэкологического кризиса и выхода из него на пути перехода к устойчивому развитию.

Если сравнивать модель неустойчивого развития и модель ноосферы, то можно, схематизи-

руя, сказать, что первая базируется на материально-вещественных, а вторая – на духовно-информационных основаниях и факторах. Далее: в первой – сознание отстает от бытия, во второй – оно должно опережать. При переходе от первой ко второй модели существенно усиливается роль рационально-духовных факторов и формируется информационная инфраструктура их поддержки и реализации. Будущая сфера разума – это сфера господства духовности и рациональности, справедливости и гуманизма, приоритета опережающего ноосферного интеллекта во всех его проявлениях и формах – от индивидуального до социального и глобально-ноосферного.

Ноосферогенез начинается с перехода к УР, который со временем будет умножать ноосферные тенденции. Смысл перехода к устойчивому развитию ноосферной ориентации – в реализации стратегической цели обеспечения приоритета и доминирования информационно-интеллектуальных факторов и ресурсов развития над материально-вещественными. Собственно говоря, эта цель возникла раньше, когда речь шла о становлении информационного общества, рассматривающегося как одна из ступеней становления ноосферы (инфоноосфера) в том случае, если развитие перейдет на «устойчивую» траекторию.

В сфере образования ноосферные тенденции наиболее отчетливо проявляются на пути развития «умного образования» (Smart education) [11]. Интенсивно развиваемое Smart education, или умное образование, предполагает перенос образовательного процесса преимущественно в электронную среду, обеспечивающую эффективное обучение в этой интерактивной среде с помощью контента со всего мира, находящегося в свободном доступе. Smart education за счет внедрения электронного образования сделает обучение доступным везде и всегда, объединяя учебные заведения и профессорско-преподавательский состав для реализации совместной образовательной деятельности в сети Интернет (являющейся одним из основных источников знания для современного студента). Smart education – это гибкое обучение в интерактивной образова-

тельной среде, осуществление образовательной деятельности в Интернете на базе общих технологий, стандартов, соглашений. И именно на организационно-технологической базе этой формы образования ожидается наиболее быстрая динамика становления в широких масштабах опережающего образования.

Возникновение в инновационно-образовательном процессе опережающих факторов и форм обучения вызывается ускорением как процесса старения научного и образовательного знания, так и генерации научной информации. Это требует замены устаревших технологий и средств, способов научного познания, функционирующего в сфере образования, на новые более современные (на что нацелено «умное образование»), а также одновременно – создания новых механизмов производства и реализации этих знаний в компетенциях практической ориентации, что обеспечит темпоральную целостность образовательного процесса, сейчас существенно нарушенную акцентом педагогической деятельности на прошлом.

При определении и трактовке понятия *опережающее образование* нужно иметь в виду, что это не какой-то новый вид образования, а важная составная часть будущего образования, цель которого – становление ноосферы и ноосферной личности. Поэтому понятия опережающего и ноосферного образования следует считать если не синонимами, то весьма близкими понятиями. Ясно, что понятие *ноосферное образование* шире *опережающего* и является в определенном аспекте его эволюционным итогом. Опережающее образование в некотором смысле тоже оказывается «дистанционным» образованием, но уже не в пространственных координатах, а во временном измерении. Опережающий аспект ноосферного образования, а именно так можно эксплицитировать модель опережающего образования, акцентирует внимание именно на технологиях изучения и предвидения будущего по сравнению с прошлым и настоящим [12].

Изложенное выше свидетельствует в пользу возможности и даже необходимости вузов

культуры взять на себя функцию не только распространения ноосферных ценностей, но в значительной степени – их формирования в современной России. Эти вузы, возможно, не случайно оказались на переднем крае как российского, так и всемирного движения к ноосфере. Нужно, кроме того, иметь в виду, что и в официальном документе – «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» ноосфера характеризуется как общество, где мерилom национального и индивидуального богатства станут духовные ценности и знания Человека, живущего в гармонии с окружающей средой [6]. Это в какой-то степени можно интерпретировать как осознание на государственном уровне, в каком направлении вузы и вся система российского образования должна эволюционировать к сфере разума.

Ноосферное образование не сформируется в короткий период, на это уйдут не десятиле-

тия, а, возможно, даже столетия, учитывая сложности реализации новых перспектив цивилизационного развития. Но те или иные отдельные черты и тенденции данного типа образования можно формировать уже и в настоящее время. Поэтому следует согласиться, что можно и нужно начинать этот ноосферный процесс с образования. А поскольку становление ноосферы будет продолжением и в какой-то степени завершением информационно-культурной траектории эволюции, то наиболее полно выражающие эту идею вузы могут оказаться в авангарде формируемого ноосферного образования. Но при этом придется опираться не столько на общечеловеческие ценности, сколько на будущие ноосферно-гуманистические, реализуя ценностный подход к культуре, формируя то понятие, которое уместно назвать ноосферной культурой и по которому уместно будет продолжить дискуссию.

1. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский / отв. ред. А. Л. Яншин. – Москва : Наука, 1991. – 271 с.
2. Кармин, А. С. Культурология. Краткий курс : учеб. пособие / А. С. Кармин. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 240 с.
3. Колин, К. К. Информационная культурология: структура и содержание предметной области новой научной дисциплины / К. К. Колин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 1 (25). – С. 7–13.
4. Колин, К. К. Информационная культурология. Предмет и задачи нового научного направления / К. К. Колин, А. Д. Урсул. – Саарбрюккен : Lap Lambert Academic Publishing, 2011. – 249 с.
5. Колин, К. К. Культура и информация. Введение в информационную культурологию / К. К. Колин, А. Д. Урсул. – Москва : Стратегические приоритеты, 2015. – 300 с.
6. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : Указ Президента РФ № 440 от 01.04.96 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1572.
7. Красилов, В. А. Нерешенные проблемы теории эволюции / В. А. Красилов. – Владивосток, 1986. – 91 с.
8. Лосев, К. С. Мифы и заблуждения в экологии / К. С. Лосев. – Москва : Научный мир, 2010. – 223 с.
9. Лотман, Ю. М. Статьи по типологии культуры. Материалы к курсу теории литературы / Ю. М. Лотман. – Тарту, 1970. – Вып. 1. – 95 с.
10. Соколов, А. В. Вестники ноосферы в вузах культуры / А. В. Соколов // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 2 (50). – С. 179–184.
11. Тихомиров, В. П. Смарт-образование – новые возможности для развития в информационном обществе / В. П. Тихомиров // Информация и научное мировоззрение : сб. ст. – Москва : Русская школьная библиотечная ассоциация, 2013. – С. 303–319.
12. Урсул, А. Д. На пути к опережающему образованию / А. Д. Урсул // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 3 (31). – С. 130–133; № 4 (32). – С. 132–139.
13. Урсул, А. Д. Становление космоглобалистики / А. Д. Урсул // Философия и культура. – 2010. – № 11. – С. 60–70.
14. Урсул, А. Д. Информационный критерий развития и эволюция культуры / А. Д. Урсул, Т. А. Урсул // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 1 (25). – С. 45–53.

Получено 14.06.2017

SOME REMARKS ABOUT NOOSPHERE

Abstract. *The article justifies the idea of the necessity of more active participation of culture institutes in working out the problems of noosphere formation and noosphere education expressed by A. Sokolov. The author studies the problem of relations between cephalization and culture genesis, formation of culture as creation heightening biological processes, accumulation, alterations and transformations of information by non-genetic way. The article stresses that culture genesis in the period of global evolution is starting to transform into noosphere genesis that is formed through unfolding of education for persistent development and in future through noosphere-advanced education.*

Keywords: *information, information culturology, culture, culture genesis, noosphere, noosphere education, noosphere genesis, advanced education, clever education, cephalization*

For citing: *Ursul A. 2017. Some remarks about noosphere. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 78–86.*

References

1. Vernadskii V. 1991. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as planetary phenomenon]. Moscow : Nauka. 271 p. (In Russ.).
2. Karmin S. 2009. Kul'turologiya. Kratkiy kurs [Cultural science. Short course]. St. Peterburg : Piter. 240 p. (In Russ.).
3. Kolin K. 2011. Information culturology: structure and content of the new scientific discipline's subject field. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 1 (25) : 7–13. (In Russ.).
4. Kolin K., Ursul A. 2011. Informatsionnaya kul'turologiya. Predmet i zadachi novogo nauchnogo napravleniya [Information culturology. Subject and problems of the new scientific direction]. Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing. 249 p. (In Russ.).
5. Kolin K., Ursul A. 2015. Kul'tura i informatsiya. Vvedenie v informatsionnyu kul'turologiyu [Culture and information. Introduction to information culturology]. Moscow : Strategicheskie priority. 300 p. (In Russ.).
6. Concept of transition of the Russian Federation to sustainable development: Decree of the Russian President No. 440 of 01.04.96. 1996. *Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of the legislation of the Russian Federation]*. No. 15. Art. 1572. (In Russ.).
7. Krasilov V. 1986. Nereshennyye problemy teorii evolyutsii [Unresolved problems of the theory of evolution]. Vladivostok. 91 p. (In Russ.).
8. Losev K. 2010. Mify i zabluzhdeniya v ekologii [Myths and delusions in ecology]. Moscow : Nauchnyy mir. 223 p. (In Russ.).
9. Lotman IU. 1970. Stat'i po tipologii kul'tury. Materialy k kursu teorii literatury [Articles on culture typology. Materials to a course of the theory of literature]. Issue 1. Tartu. 95 p. (In Russ.).
10. Sokolov A. 2017. Heralds of noosphere in culture institutes. *Culture and Arts Herald*. No 2 (50) : 179–184. (In Russ.).
11. Tikhomirov V. 2013. Smart education : new development possibilities in the information society. *Informatsiya i nauchnoe mirovozzrenie [Information and scientific worldview]*. Moscow : Russian School Library Association. P. 303–319. (In Russ.).
12. Ursul A. 2012. On the way to anticipating education. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 3 (31) : 130–133; 4 (32) : 132–139. (In Russ.).
13. Ursul A. 2010. Formation of cosmo global studies. *Philosophy and Culture*. No 11 : 60–70. (In Russ.).
14. Ursul A., Ursul T. 2011. Information criterion for development and evolution of culture. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 1 (25) : 45–53. (In Russ.).

Received 14.06.2017

А. Я. Флиер

д-р филос. наук, профессор,
 Российский НИИ культурного и природного наследия
 им. Д. С. Лихачева
 E-mail: andrey.flier@yandex.ru

НЕ СТОИТ СКАЗКУ ДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ

Ставится под сомнение практическое построение ноосферы: во-первых, потому, что даже в теоретическом плане она представляет собой объект, который невозможно эмпирически обнаружить, системно описать и т. п.; во-вторых, реализация учения о ноосфере потребует общепланетарной унификации стратегии отношений человека с природой и человеческих сообществ между собой, что противоречит самой человеческой природе (разные условия существования, а главное – потребность в самоидентификации: национальной, социальной, религиозной и т. д.; отношение к природе у народов тоже различается). В создании ноосферы как универсалии (даже с учетом гуманистических принципов и идеалов) видится угроза сохранению культурного многообразия человечества, исторически сложившихся культурных различий между народами.

Вместе с тем учение о ноосфере предвидело общую направленность трансформации отношения человека к природе, поэтому было бы интересным исследовать взаимосвязь между учением о ноосфере и системой современных международных соглашений по защите дикой природы, недр, климата. Также предлагается рассмотреть, как концепции ноосферы коррелируют с современными теориями постиндустриального общества, с его «экономикой знания», глобализацией и другими тенденциями современного развития.

Ключевые слова: ноосфера, культура, культурное многообразие человечества

Для цитирования: Флиер, А. Я. Не стоит сказку делать былью / А. Я. Флиер // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 87–90.

Призыв А. В. Соколова к дискуссии по поводу учения В. И. Вернадского и его современных последователей о ноосфере вызывает множество вопросов и прежде всего стимулирует такой: есть ли у этой дискуссии научный предмет? Ноосфера (учение о ней можно назвать одной из наиболее гуманных метафизических концепций XX в.) представляет собой объект, который невозможно эмпирически обнаружить, системно описать, измерить его параметры и т. п. То есть это нечто, подобное Господу Богу, в него можно верить и даже создавать его изображения (конечно, сугубо условные), но каким-либо образом научно описать его и исследовать невозможно.

Учение о ноосфере было довольно популярно в советской и постсоветской философии

и гуманитарной науке конца XX в. и активно обсуждалось философами и публицистами. Сейчас его актуальность и научная востребованность заметно сократились. Расширение знания о социальной реальности в отечественной науке и в том числе развитие культурологии отодвинули проблематику ноосферы на второй план. Человеческое общество оказалось гораздо более сложным и противоречивым образованием, чем это виделось Вернадскому, и реализация его ноосферного проекта стала представляться весьма сомнительной. В научной литературе распространена обширная критика учения о ноосфере, располагающегося где-то на стыке науки и эзотерики (см., например: [1; 2]). Я не буду сейчас включаться в эту дискуссию, а изложу лишь свое мнение культуролога.

С позиций современной постнеклассической науки и постпозитивизма, к которому я себя отношу, ноосфера как научный концепт по определению должна быть системной и структурированной. Вместе с тем никаких очевидных системообразующих оснований у нее не усматривается, а структуру ее определить невозможно, поскольку ее невозможно описать. Может быть, ноосферы нет сегодня, но она будет построена в отдаленном будущем?

Думаю, что и это невозможно, по крайней мере, с культурологической точки зрения. Реализация учения о ноосфере потребует общепланетарной унификации стратегии отношений человека с природой и человеческих сообществ между собой. Ну, если не абсолютной формальной унификации, то, несомненно, весьма существенного сближения общих принципов таких отношений. Но это означает одновременно и существенное культурное сближение народов между собой. А подобное маловероятно в принципе. Человечество не составляет единого социального и культурного организма и культурная унификация противоречит самой человеческой природе, которая вовсе не случайно привела к тому, что все народы Земли обладают собственной культурой, в той или иной мере отличающейся даже от культуры ближайших соседей, не говоря уже о народах иных континентов.

Трудно объяснить почему, но психическая природа человека требует адаптивной культурной локализации образа жизни и всех сопутствующих ему элементов у каждого народа. И дело здесь не только в практической адаптации к условиям существования, но и в психологической потребности в культурном отличии *наших* от *чужих*, что называется *самоидентификацией*. Преодолеть эту потребность невозможно. Как только возникают условия для рождения и распространения понятия *наши*, тут же возникает потребность и в формальных отличиях *наших* от *чужих*. Это выражается в различиях языка, религии, приемов хозяйственной практики, кулинарии,

бытовых норм поведения и пр. Отношение к природе у разных народов тоже разнится, хотя все крестьянские культуры имеют природоохранную интенцию (в силу высокой зависимости от природы), а все городские – природоразрушающую (в силу большей или меньшей независимости от нее).

А из этого вытекают многие принципы социального устройства разных народов. Уже очевидная неудача в попытках внедрения универсальной европейской демократии в социальную практику большинства народов Азии и Африки тоже ведь не случайна. Любая культурная унификация (а демократия – это прежде всего культура) психологически неприемлема для данных народов. Она нарушает многие правила их социальной жизни и каноны их различия *наших* и *чужих*.

Но самая спорная перспектива – это возможность воспитать в народах толерантность друг к другу. Дело тут не в том, что в любом народе много националистов, а в том, что в отсутствие плохого *чужого* отпадает необходимость в социальной интеграции хороших *наших*, теряется стимул к национальной самоидентификации и мобилизации. Преодоление этой установки в корне изменит всю систему самоидентификации людей. А без достижения абсолютной толерантности народов друг к другу построение ноосферы невозможно.

Так было в прошлом, так есть сейчас и, по всей видимости, сохранится и в будущем. Известная мифологема об объединении всех народов Земли в единое человечество существует с незапамятных времен. Она, возможно, реализуема политически, экономически и даже лингвистически, но она абсолютно нереализуема культурно. Культурно каждый народ желает отличаться от других, и не видно силы, которая могла бы это переломить.

В подобных условиях возможность реализации идеи ноосферы сомнительна. Какие бы гуманные цели она ни преследовала, но она противоречит социальным и культурным

принципам организации человечества. Мне уже приходилось писать о том, что культура – это самое эффективное и смертоносное оружие (точнее – стимул к применению насилия), что ни по одной другой причине не убили столько людей, сколько по культурным соображениям (см., например: [3–5]). Здесь и средневековая инквизиция, и вырезание целых народов при колонизации, и нацистский холокост, и т. п. Миллионы людей убили по причине культурной неприязни к ним, из-за их культурных различий с убийцами. Такого рода культурные различия и неприязнь к *чужому* психологически важны для социального сознания всех народов. Ничего хорошего в этом нет, но культура безразлична к нашим идеальным представлениям о том, что хорошо и что плохо.

У нас существует традиция видеть в культуре лишь ее положительные коннотации, но очевидно и ее отрицательное влияние на общество. Именно культура, а не что-либо иное, выступает стимулом наиболее массовых проявлений неприязни, репрессий, убийств. Столь же часто встречаются и массовые культурные отторжения *чужих* (или культурно неугодных) людей. В истории есть множество примеров крушения самых замечательных социальных проектов из-за их культурной нерелевантности. Поэтому я уверен, что точно таким же образом культура не допустит и создания ноосферы как универсалии, угрожающей сохранению культурного многообразия человечества, исторически сложившихся культурных различий между народами. А в этом многообразии есть какой-

то скрытый смысл, над расшифровкой которого бьется современная наука.

Было бы интересным исследовать, как концепции ноосферы коррелируют с современными теориями постиндустриального общества, с его «экономикой знания», глобализацией и т. п. Разумеется, все эти тенденции современного развития никак не связаны с учением о ноосфере, но их взаимокорреляция может быть интересной. Столь же интересна и взаимосвязь между учением о ноосфере и системой современных международных соглашений по защите дикой природы, недр, климата. Складывается впечатление, что учение о ноосфере правильно предвидело общую направленность трансформации отношения человека к природе, но представляло себе эту трансформацию столь радикальной, что она не укладывалась в стихийно сложившиеся культурные нормативы и являлась романтической мифологемой на тему «человек и природа», созданную воображением ученого.

Поэтому я полагаю, что ноосфера в целом – это наукообразная сказка, порожденная прогрессистским романтизмом науки первой половины XX в., опосредованно отражающая общую направленность изменения отношения человека к природе, но непосредственно разбивающаяся о социокультурные реалии человеческой истории и исторически сложившиеся культурные нормативы в этой области. Конечно, иногда и сказки сбываются. Но в вопросе о ноосфере света в конце туннеля что-то не видно...

1. В. И. Вернадский: pro et contra: антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998) / ред. А. Л. Яншин ; сост. А. В. Лапо. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. – 862 с. – (Русский Путь).
2. Прозоров, Л. Л. Было ли учение Вернадского о ноосфере? (краткий исторический анализ) / Л. Л. Прозоров // Пространство и Время. – 2012. – № 4 (10). – С. 223–229.
3. Флиер, А. Я. Культура как репрессия / А. Я. Флиер. – Москва : Диаграмма, 2006. – 320 с.
4. Флиер, А. Я. Культура насилия // Некультурные функции культуры: очерки / А. Я. Флиер. – Москва : МГУКИ, 2008. – С. 43–53.
5. Флиер, А. Я. Культура как оружие массового поражения [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер. – Режим доступа : <http://ex.kabobo.ru/docs/82500/index-2853.html>. – Дата обращения : 7.05.2017.

Получено 08.06.2017

YOU SHOULDN'T TURN THIS DREAM INTO REALITY

Abstract. *The noosphere practical structure has raised doubts and caused many debates. First, because even theoretically it is an object that cannot be found out, described as a system and identified empirically; second, во-вторых, implementation of noosphere theory will require conventional planetary standardization of relationship between man and nature and human communities but it contradicts human nature itself (different conditions of existence and what's more the main thing is needs in self-identification: national, social, religious etc.; attitude of peoples to nature is also quite different). In creation of noosphere as a universal (even taking into consideration humanistic principles and ideals) many scientists it will threaten cultural diversity of mankind and cultural differences between peoples that have been historically formed.*

At the same time the noosphere theory had predicted general tendency of man's attitude to nature transformation, so it was interesting to study correlation between the noosphere theory and system of modern international agreements for protection of wild nature, depths and climate. The correlation of noosphere concept with modern theories of post-industrial society with its "economy of knowledge", globalization and other tendencies of modern development are also planned to be handled.

Keywords: *noosphere, culture, cultural diversity of mankind*

For citing: *Flier A. 2017. You shouldn't turn this dream into reality. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 87–90.*

References

1. V. I. Vernadskiy: pro et contra: antologiya literatury o V. I. Vernadskom za sto let (1898–1998) [V. I. Vernadskiy: pro et contra: the anthology of literature on V. I. Vernadskiy in hundred years (1898–1998)]. 2000. Ianshin A., ed., comp. by A. Lapo. St. Petersburg : Russian Christian humanitarian institute. 862 p. (In Russ.).
2. Prozorov L. 2012. Whether there was Vernadsky's doctrine about a noosphere? (short historical analysis). *Prostranstvo i vremya [Space and Time]*. No 4 (10) : 223–229. (In Russ.).
3. Flier A. 2006. Kul'tura kak repressiya [Culture as repression]. Moscow : Diagramma. 320 p. (In Russ.).
4. Flier A. 2008. Culture of violence. *Nekul'turnye funktsii kul'tury [Uncivilized functions of culture]*. Moscow : MGUKI. P. 43–53. (In Russ.).
5. Flier A. Kul'tura kak oruzhie massovogo porazheniya [Culture as weapons of mass destruction] [Electronic resource]. Available from : <http://ex.kabobo.ru/docs/82500/index-2853.html> (accessed : 7.05.2017). (In Russ.).

Received 08.06.2017

Д. М. Хафизоваспирант, Челябинский
государственный институт культуры
E-mail: khafizovdm@susu.ru**ОТ ЗРИТЕЛЯ – К ЧИТАТЕЛЮ: ЭКРАНИЗАЦИЯ КНИГИ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ МОДЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

Освещается экранизация как социокультурное явление, оказывающее влияние на формирование читательской моды в молодежной культуре. Это особенно актуально сегодня, когда в обществе превалирует визуальная информация, отчасти снижающая читательскую активность подрастающего поколения. Поэтому так важно найти точки взаимодействия между текстом и его визуализированными адаптациями и получить возможность превращения зрителя в читателя, используя экранизации в качестве стимула обращения к литературным первоисточникам.

При анализе этой проблемы учитывается позиция Р. Стэма, исследующего явление киноадаптации в аспекте мутационных процессов. Нами же предлагается схема мутационных изменений культурного продукта «книга», встроенного в процесс модной коммуникации, где отражена положительная адаптация рассматриваемого объекта в молодежной среде.

Поскольку обозначенная проблема еще не была предметом специального изучения, нами было предпринято комплексное эмпирическое исследование, включающее количественно-качественный социологический опрос студентов Челябинской области и охватывающее около 600 человек. Отдельный блок вопросов был непосредственно связан с каналами распространения информации об объектах читательской моды, среди которых значительную роль играют экранизации. В итоге были изучены читательские предпочтения молодежи, в основном ограниченные «модной» литературой, существующей в контексте медиатекстов: реклама, видеоклипы, компьютерные игры, фильмы и телесериалы. В частности, больше половины респондентов заявили, что предпочитают и читать книги, и смотреть их киновоплощения, а на четверть опрошенных именно экранизации оказывают решающее воздействие при выборе книг для чтения.

Таким образом, была обозначена проблема использования экранизации литературных произведений в качестве средства стимулирования читательской активности, которая требует дальнейшего исследования, причем в проблемное пространство должны войти вопросы влияния экранизации на формирование читательской моды, медиапотребления, особенностей рекламного воздействия на молодежную культуру и др.

Ключевые слова: экранизация, адаптация, чтение, фильм, книга, мода, трансмедиа, читательская мода, механизмы моды, модная коммуникация

Для цитирования: Хафизов, Д. М. От зрителя – к читателю: экранизация книги как средство формирования читательской моды в молодежной среде / Д. М. Хафизов // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 91–98.

...Кино – самый капризный читатель и самый коварный интерпретатор художественной литературы...

Вениамин Гоффеншефер [б, с. 159]

Чтение всегда было и сегодня, безусловно, остается одной из основных базовых ценностей культурного формирования и развития поколений. Однако для современной ситуации характерно превалирование визуальных («готовых»)

образов, особенно распространенных в молодежной культуре, причем в сфере как досуга, так и образования. Безусловно, большой отток читательской аудитории произошел благодаря данному фактору, о чем говорят некоторые специалисты книгоиздания, книгораспространения и библиотечного дела. Другие, напротив, считают, что отдельные средства визуализации можно направить на популяризацию книги и чтения, но при непосредственном профессио-

нальном влиянии (например, библиотекаря). Впрочем, все специалисты сходятся в одном – важен поиск инструментов стимулирования читательской деятельности молодых людей, одним из которых, по нашему мнению, может стать мода.

Мода в целом, как многомерное явление, считается одним из самых широко известных феноменов социальной жизни. В научной литературе она не раз становилась объектом исследований, входя в сферу интересов специалистов социогуманитарного знания. Наиболее ценными для нас являются работы, рассматривающие моду в качестве культурного феномена, некоего агента культурного влияния. В таком ключе ее изучали Е. А. Аброзе, В. Я. Аскарлова, А. Б. Гофман, М. В. Грусман, С. Н. Иконникова и др. [1; 2; 5; 7; 9]. Однако ощущается явный дефицит разработок, связанных с проявлениями моды по отношению к читательской активности молодежи, возможностями стимулирования чтения посредством социально-психологических механизмов и интернет-технологий.

Нам же представляется достаточно очевидным, что мода оказывает существенное влияние на чтение молодежи; доказано, что именно эта социально-демографическая группа в наибольшей степени подвержена воздействию социально-психологических механизмов моды, обеспечивающих ее распространение и функционирование. Соответственно система работы по стимулированию читательской активности молодежи, повышению ее качества должна вестись на основе четкого представления о механизмах, стимулах формирования моды в сфере чтения и каналах ее распространения. Существуют различные пути формирования моды на чтение, конкретные книги; один из них – использование экранизаций в качестве стимула обращения к литературному первоисточнику.

С первых лет существования кинематографа многие деятели культуры и искусства поняли, насколько крепка его связь с литературой, которую в первую очередь рассматривали как источник образов и сюжетов. Взаимно-

отношения двух этих направлений художественной культуры за весь период их совместного развития можно охарактеризовать как многообразные, но в то же время сложные. На сегодняшний день наиболее распространены следующие подходы к определению взаимодействия литературы и кино.

Например, за рубежом в профессиональных и научных кругах применяют термин *адаптация* (adaptation), которым обозначают фильм, телевизионную драму или сценическую пьесу, представляющие собой определенную адаптацию письменного текста [23]. Сегодня эту тему рассматривают многие специалисты в области культуры и киноискусства, среди них Дж. Бузер (J. Boozer), Дж. М. Колон-Семенза (G. M. Colon-Semenza), Н. Гилберт (N. Gilbert), Д. Хасслер-Форест (D. Hassler-Forest), К.-Э. Лейрд (K. E. Laird), Х. Шачар (H. Shachar) и др. Наиболее интересной для нас представляется позиция Р. Стэма, анализирующего проблему в аспекте мутационных процессов. Он считает, что если мутация – это средство эволюции, то можно рассматривать кинематографическую адаптацию как некую мутацию, которая помогает исходному литературному первоисточнику не только «выжить», но и эволюционировать [24]. Развивая эту мысль в аспекте модообразования, можно предложить следующую схему мутационных изменений рассматриваемых объектов:

Изначальный продукт (*книга*) => мутационный этап 1 (*фильм*) => мутационный этап 2 (*технологии продвижения и рецепции фильма*); катализаторы: социально-психологические механизмы моды, инновационные технологии, маркетинговые решения, рекламные возможности и т. д. => ... => мутационный этап N (*последующая эксплуатация образных компонентов фильма*).

Согласно мутационной теории, в результате мутации может быть два варианта исхода: «смерть» подвергшегося изменениям объекта либо появление у него новых полезных признаков, которые положительно влияют на его дальнейшее существование, тем самым являясь средством адаптации объекта к окружающей среде.

В процессе модной коммуникации реципиенты «потребляют» адаптированный модный объект, что создает возможность популяризировать изначальный «домутационный» литературный источник или его модифицированную копию, тем самым заикливая эволюционную и коммуникационную цепи. Причем таких циклов может быть бесконечное количество, ведь мы наблюдаем неостановимое возникновение новых киноверсий у многих книг («Гамлет» У. Шекспира, «Дракула» Б. Стокера, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Граф Монте-Кристо» А. Дюма, «Отверженные» В. Гюго, «Приключения Шерлока Холмса» А.-К. Дойла, «Золушка» Ш. Перро и братьев Гримм и др.). Стоит отметить, что на всех этапах обозначенной мутации литературный текст имманентно наличествует и разным образом проявляется, пусть даже латентно, опосредованно. Целесообразно полагать, что именно это может способствовать ретрансформации зрителя в читателя, безусловно, при стимулирующем влиянии извне.

В России эквивалентом *адаптации* считается термин *экранизация*, который, согласно энциклопедическому словарю «Кино», обозначается как *интерпретация* средствами кино произведений иного рода искусства: прозы, драмы, поэзии, театра, оперы, балета» [22]. Однако, на наш взгляд, нельзя приравнивать экранизацию к интерпретации. С точки зрения читателя/зрителя, экранизация открывает ранее неведомые, непостижимые смыслы в литературном первоисточнике; интерпретация, напротив, всего лишь знакомит с субъективным мнением автора(ов) фильма о литературном произведении. Поэтому под экранизацией мы понимаем произведение киноискусства, созданное по литературному первоисточнику путем перевода его на язык кино с сохранением авторской идеи, содержания и прибавлением новых смыслов.

Среди отечественных исследователей, разрабатывающих проблемное поле киноэкранизации, можно выделить Н. Н. Маслову, В. И. Мильдона, И. Н. Соловьеву, Ю. Г. Цицишвили, Д. А. Щукину [11; 12; 20–22], которые занимались терминологическим анализом

и понятийным аппаратом теории экранизации. В педагогическом русле большое количество работ посвящено влиянию киноэкранизаций на изучение литературы и языков подростками и молодежью в учебных заведениях [13; 19]. Небольшая часть специалистов рассматривает кино как один из каналов распространения моды, но ими не делается акцент на экранизацию как самостоятельное явление [4; 18].

Наиболее проблемное дискуссионное поле сформировано вокруг визуализации литературных текстов, взаимосвязи, а иногда и взаимозависимости кино и литературы, обогащающих и популяризирующих друг друга; в частности, такая позиция отражена в трудах Э. А. Белоусовой, Н. Б. Ермиловой, И. М. Маневича, Д. В. Назаровой, Н. А. Симбирцевой, С. А. Симоновой и др. [8; 10; 14; 16; 17]. В то же время ряд специалистов считает, что образный ряд, демонстрируемый в визуальных продуктах, просто не оставляет читателю выбора и пространства для работы собственного воображения, что снижает возможности полноценного восприятия книги именно как литературного явления.

Таковы основные проблемы экранизации, которые сейчас активно обсуждаются теоретиками и практиками искусства, культуры и образования. Однако нами выделен несколько иной аспект обозначенной проблемы: возможность превращения зрителя в читателя, использование экранизации в качестве стимула обращения к литературному первоисточнику. В этой связи нам близка позиция А. С. Рубцова, отмечающего, что сопоставление, сравнение литературного произведения и его экранизации, их критический анализ поможет воспитать не только активного зрителя, но и читателя [15]. Соответственно перед специалистами инфраструктуры поддержки и развития чтения стоит задача побудить зрителя после просмотра кинофильма обратиться к книге, впервые или вновь.

Поскольку обозначенная проблема еще не являлась предметом специального изучения, нами было предпринято комплексное эмпирическое исследование, представляющее собой количественно-качественный социологический опрос студентов Челябинской области и охва-

тывающее 597 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет. Было важно понять взаимосвязь ценностных ориентаций, читательской активности и литературных предпочтений молодежи, а в качестве связующего звена в этой цепи предполагалась мода, ее каналы и механизмы. Поэтому отдельный блок исследования непосредственно был связан с каналами распространения информации об объектах читательской моды (экранизации – один из таких каналов).

В частности, удалось выяснить, что конкретные читательские предпочтения современного студенчества напрямую связаны с различными формами визуализации художественных текстов. Так, при ответе на вопрос, какие книги рекомендовать для чтения своим сверстникам, чаще всего респондентами упоминались серия книг о Гарри Поттере, серия книг Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и огня», книги Д. Брауна, посвященные приключениям профессора Лэнгдона («Код да Винчи», «Ангелы и демоны», «Инферно»). Также не спадает ажиотаж по поводу книг из серии «Метро» Д. Глуховского, произведений Дж. Толкина, С. Кинга, Р. Брэдли, В. Пелевина и Б. Акунина. Все они имеют статус «модного» издания, что в большинстве случаев находит отражение в рейтинговой системе различных информационных агентств и порталов, и принадлежат к такому явлению на книжном рынке, как массовая литература, которая является составляющей современного культурного процесса, социально и психологически востребована среди молодежи.

Интерес к подобным изданиям можно объяснить тем, что в современной культуре литературные тексты существуют не сами по себе, а в контексте визуальных медиатекстов: реклама, видеоклипы и компьютерные игры активно используют знакомые сюжеты, не говоря уже о фильмах и сериалах, снятых по мотивам известных книг. Это подтверждают и ответы челябинских студентов; 51,5 % опрошенных заявили, что предпочитают и читать книги, и смотреть их экранизации, а на 30,8 % именно экранизации оказывают решающее воздействие при выборе книг для чтения. При

этом 35,3 % отмечают, что нельзя сравнивать книгу и фильм, так как каждое произведение является самостоятельным произведением искусства.

Интересны данные и о том, по каким каналам респонденты получают информацию о литературной основе кинопроизведения: для большинства (60,5 %) – это интернет-среда, из них 25,1 % ориентируются на рекламу в Интернете; 22,7 % – на информацию на специализированных сайтах, в социальных сообществах, посвященных кино, тогда как читательские ресурсы в этом ключе отметили 8,8 % респондентов; совсем небольшое количество (3,9 %) узнают об экранизациях в библиотеках (в том числе в созданных библиотеками группах в социальных сетях). Не теряют свои позиции и наружная реклама, афиши и буклеты в кинотеатрах (46 %), а вот книжные обложки оказались не столь информативными в этом отношении, их назвали всего 7,3 % респондентов. Связано это с тем, что обычно переиздания таких произведений выходят одновременно с премьерой фильма/сериала, поэтому интернет- и наружная реклама являются более действенными.

На читательское поведение в значительной мере оказывают влияние и индустрии, основанные на материалах экранизаций книг. По мнению И. Д. Винтерле, после выхода фильма, предлагающего целостный визуальный ряд, готовые образы можно перенести в компьютерные игры, сувениры, полиграфическую продукцию, аттракционы в парках развлечений, и, что самое важное, обычно происходит переиздание книг, проиллюстрированных кадрами из фильма [3]. Это подтверждает не только теорию Р. Стэма о мутациях и эволюционных изменениях книжной продукции, описанную выше, но и наглядно иллюстрирует целую систему популяризации единого трансмедийного художественного продукта посредством маркетингового продвижения переизданной книги, а также сопутствующей рекламы книги и автора через постеры и трейлеры самого фильма. Обычно это происходит с помощью «слов-магнитов»: «экранизация...», «по мотивам

произведения...», «от автора...», «по книге-бестселлеру...» и др. В итоге такие книги становятся узнаваемыми в более широкой аудитории (чаще молодежной), что, безусловно, работает на стимулирование читательской деятельности. Приведенные выше данные о студенческих читательских предпочтениях, выявленных нами в ходе исследования, подтверждают обозначенную тенденцию.

Таким образом, книга представляется фундаментальным основанием культуры, ее текст – аутентичной, наиболее содержательной и программирующей субстанцией, культурным инвариантом, от которого в ходе мутационных изменений порождаются различные варианты; одним из наиболее эффективных из них выступает экранизация. В связи с этим профессиональное сообщество должно более полноценно использовать различные формы культурно-просветительской работы, включающие взаимоотношения кино и литературы (киноклубы, семинары, открытые лекции, дискуссионные площадки, творческие встречи и проч.). При этом важно, чтобы комплекс мер по стимулированию читательской деятельности был выстроен в рамках модной коммуникации с активным вовлечением в этот процесс социально-психологических механизмов общения (заражение, подражание, внушение, убеждение) и более сложных образований социального взаимодействия – идентификация (уподобление себя другому, отождествление себя с ним) и конформность (податливость человека давлению группы, приводящая к изменениям в его поведении и установках). Для активации названных механизмов необходимы воздействующие субъекты, способные использовать их в целях стимулирования читательской активности; в качестве таковых могут выступить писатели, специалисты книгоиздания, книгораспространения, библиотечного дела, представители

органов государственной власти, «медийные лица» различного рода, PR-технологи и сами читатели. Отметим, что речь идет именно о разработке особой социокультурной технологии, гибкой и эффективной, сочетающей «жесткий» инструментарий с «мягкими» формами неформального, опосредованного влияния.

Безусловно, нужно подключать весь потенциал главного канала распространения читательской моды в молодежной среде – Интернета в связке с новыми информационными технологиями, применять их в совокупности с социально-психологическими механизмами моды: развивать информационное сопровождение в социальных сетях, на литературных и кинопорталах посредством тематических постов, тем самым провоцируя обсуждения и дискуссии кинолитературной тематики. Однако необходимо брать за основу только те книги и их киновоплощения, которые будут работать на развитие литературно-художественного вкуса и критического мышления у молодых читателей как основы их общей культуры и медийно-информационной грамотности.

Следовательно, представляется, что проблема использования экранизации литературных произведений в качестве средства стимулирования читательской активности требует дальнейшего исследования, причем в проблемное пространство должны войти вопросы влияния экранизации на формирование читательской моды, медиапотребления, особенностей рекламного воздействия на молодежную культуру. Уже сейчас результаты исследования говорят о популярности в молодежной среде именно экранизированных книг, поэтому можно рассматривать визуализацию литературы посредством ее экранизации как мощный стимул формирования моды на определенные произведения литературы и стимулирование читательской активности.

1. Аброзе, Е. А. Индустрия моды в условиях глобализации культуры : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Е. А. Аброзе. – Санкт-Петербург, 2006. – 168 с.
2. Аскарова, В. Я. Развитие взглядов на моду в чтении: от эстетико-педагогического подхода к междисциплинарному / В. Я. Аскарова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 2 (30). – С. 74–82.

3. Винтерле, И. Д. Роль кинематографа в развитии современной литературы фэнтези / И. Д. Винтерле // Вестник ННГУ. – 2010. – №4 (2). – С. 827–829.
4. Гевчук, А. А. Особенности создания fashion-фильма / А. А. Гевчук // Молодые ученые – ускорению научно-технического прогресса в XXI веке : сб. материалов IV Всерос. науч.-техн. конф. аспирантов, магистрантов и молодых ученых с междунар. участием. Ижевск, 20–21 апр. 2016 г. – Ижевск : Иннова, 2016. – С. 603–605.
5. Гофман, А. Б. Мода и люди: новые теории моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : КДУ, 2010. – 228 с.
6. Гоффеншефер, В. Реставраторство или творчество / В. Гоффеншефер // Литературный критик. – 1934. – № 4. – С. 159–169.
7. Грусман, М. В. Мода как феномен культуры и средство социокультурной коммуникации : автореф. дис. ... канд. культурологии / М. В. Грусман. – Санкт-Петербург, 2010. – 22 с.
8. Ермилова, Н. Б. Экранизация повести «Чарли и шоколадная фабрика» как пример визуализации литературного произведения / Н. Б. Ермилова // Вестник ВГИК. – 2014. – № 2. – С. 52–61.
9. Иконникова, С. Н. Мода как стимул и соблазн потребления / С. Н. Иконникова // Вестник СПбГУКИ. – 2016. – № 3 (28). – С. 55–58.
10. Маневич, И. М. Кино и литература / И. М. Маневич. – Москва : Искусство, 1966. – 240 с.
11. Маслова, Н. Н. Виды кинопересказа литературного текста / Н. Н. Маслова // Кино/текст : материалы XXXIX Междунар. филол. конф. 18–19 марта 2010 г. Вып. 1 / Филол. ф-т СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 59–62.
12. Мильдон, В. И. Что же такое экранизация? / В. И. Мильдон // Мир русского слова. – 2011. – № 3. – С. 9–14.
13. Мокробородова, Л. Экранизации литературных произведений в преподавании русского языка как иностранного / Л. Мокробородова // Языки. Культуры. Перевод. – 2017. – № 1. – С. 119–128.
14. Назарова, Д. В. Использование элементов экранизации для повышения мотивации к чтению / Д. В. Назарова, Э. А. Белоусова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 26 февр. 2017 г. – Чебоксары : Интерактив Плюс, 2017. – С. 188–191.
15. Рубцов, А. С. Союз литературы и кино / А. С. Рубцов // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 3. – С. 111–113.
16. Симбирцева, Н. А. Экранизация как визуализированный текст: к постановке проблемы / Н. А. Симбирцева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 3. – С. 148–154.
17. Симонова, С. А. К проблеме соотношения экранизации и литературного первоисточника / С. А. Симонова // Вестник ВГИК. – 2011. – № 10. – С. 134–142.
18. Трушина, Т. Л. Кино и мода: взгляд через экран / Т. Л. Трушина // Вестник гуманитарного университета. – 2017. – № 1. – С. 117–123.
19. Усачева, Т. Л. Фильм-экранизация как эффективный способ организации самостоятельной работы студента / Т. Л. Усачева // Языковой дискурс в социальной практике. – 2009. – С. 316–320.
20. Цицишвили, Ю. Г. О специфике жанра киноинтерпретации: к уточнению понятия / Ю. Г. Цицишвили // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – № 5–2. – С. 175–179.
21. Щукина, Д. А. Экранизация художественного текста: от сценографии к кинематографии / Д. А. Щукина // Кино/текст : материалы XXXIX Междунар. филол. конф. 18–19 марта 2010 г. Вып. 1 / Филол. ф-т СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 45–49.
22. Экранизация [Электронный ресурс] / И. Н. Соловьева // Кино: энцикл. слов. / гл. ред. С. И. Юткевич ; редкол. : Ю. С. Афанасьев, В. Е. Баскаков, И. В. Вайсфельд и др. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – Режим доступа : <http://cinema.academic.ru/4853/Экранизация>. – Дата обращения : 10.07.2017.
23. Adaptation [Electronic resource]. Available from : <https://en.oxforddictionaries.com/definition/adaptation> (accessed : 10.07.2017).
24. Stam R., Raengo A. 2005. Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Adaptation. Oxford : Blackwell.

Получено 23.08.2017

D. Khafizov

post-graduate student,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: khafizovdm@susu.ru

FROM THE SPECTATOR – TO THE READER: BOOK’S FILM VERSION AS A MEANS OF YOUNG READERS FASHION FORMATION

Abstract. *The article is devoted to the film adaptation as social-cultural phenomenon, influencing the formation of the reader's fashion in the youth culture. It is especially relevant today, when visual information prevails in society, partly reducing the reader's activity of the younger generation. This is why it is important to find points of interaction between text and its visual adaptations and to have an opportunity to make a reader out of a spectator, using film adaptation as a stimulus of the reference to literary sources. The analysis of this problem takes into account the position of R. Stam, who analyzes the phenomenon of film adaptation in the aspect of mutational processes. We also propose a scheme of mutational changes in the cultural product “book”, built into the process of fashion communication, which reflects the positive adaptation of the subject in the youth environment. Since this problem was not yet the subject of a special study, we conducted a comprehensive empirical study that includes a quantitative and qualitative sociological survey of students in the Chelyabinsk region and covers about 600 people. Separate block of questions was directly connected with the channels for spreading information about the objects of the reader's fashion, among which an important role is played by screen versions. As a result, readers' preferences of young people were studied, which are mainly limited to "fashion" literature existing in the context of media texts: advertising, video clips, computer games, films and television series. In particular, more than half of the respondents stated that they prefer to read books and watch their film adaptations, and for a quarter of those surveyed it is the film adaptations that have a decisive influence on the choice of books for reading. Thus, the problem of using the adaptation of literary works as a means of stimulating reader activity was identified, which requires further study.*

The problem space of it should include the impact of film adaptation on the formation of the reader's fashion, media consumption, the characteristics of the advertising impact on youth culture, etc.

Keywords: *film version, adaptation, reading, film, book, fashion, transmedia, reader fashion, mechanism of fashion, fashion communication*

For citing: *Khafizov D. 2017. From the spectator – to the reader: book’s film version as a means of young readers fashion formation. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 91–98.*

References

1. Abroze E. 2006. Industriya mody v usloviyakh globalizatsii kul'tury [The fashion industry in the context of the globalization of culture]. St. Petersburg. 168 p. (In Russ.).
2. Askarova V. 2012. Development of views of fashion in reading: from esthetic-pedagogical approach to cross-disciplinary. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 2 (30) : 74–82. (In Russ.).
3. Vinterle I. 2010. The role of cinema in the development of modern literary fantasy. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. No 4 (2) : 827–829. (In Russ.).
4. Gevchuk A. 2016. Osobennosti sozdaniya fashion-fil'ma [Features of creating of the fashion film]. *Molodye uchenye – uskoreniyu nauchno-tekhnicheskogo progressa v XXI veke [Young scientists – the acceleration of scientific and technological progress in the 21st century]*. Izhevsk. P. 603–605. (In Russ.).
5. Gofman A. 2010. Moda i lyudi: novye teorii mody i modnogo povedeniya [Fashion and people: new theories of fashion and fashionable behavior]. Moscow : KDU. 228 p. (In Russ.).
6. Goffenshefer V. 1934. Restoration or creativity. *Literaturnyy kritik [Literary critic]*. No 4 : 159–169. (In Russ.).
7. Grusman M. 2010. Moda kak fenomen kul'tury i sredstvo sotsiokul'turnoy kommunikatsii [Fashion as a phenomenon of culture and a means of socio-cultural communication]. St. Petersburg. 22 p. (In Russ.).

8. Ermilova N. 2014. Screen version of «Charlie and the Chocolate Factory» as an example of literary work's visualization. *Vestnik VGIK*. No 2 : 52–61. (In Russ.).
9. Ikonnikova S. 2016. Fashion as an incentive and temptation consumption. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture and Arts*. No 3 (28) : 55–58. (In Russ.).
10. Manevich I. 1966. Kino i literatura [Cinema and literature]. Moscow : Iskusstvo. 240 p. (In Russ.).
11. Maslova N. 2010. Types of retelling a literary text into the language of cinema. *Kino/tekst [Cinema/text]*. St. Petersburg. P. 59–62. (In Russ.).
12. Mildon V. 2011. What does it mean – screening? *The World of Russian Word*. No 3 : 9–14. (In Russ.).
13. Mokrobodova L. 2017. Film adaptations in teaching Russian as a foreign language. *Yazyki. Kul'tury. Perevod [Languages. Cultures. Translation]*. No 1 : 119–128. (In Russ.).
14. Nazarova D., Belousova E. 2017. Using elements of the film adaptation to increase motivation to read. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya [Science, education, society: trends and development prospects]*. Cheboksary. P. 188–191. (In Russ.).
15. Rubtsov A. 2005. Union of Literature and Cinema. *The Bulletin of Adyghe State University*. No 3 : 111–113. (In Russ.).
16. Simbirtseva N. 2013. Screening as visualized text: towards the problem statement. *Izvestia Ural Federal University journal. Series I. Issues in education, science and culture*. No 3 : 148–154. (In Russ.).
17. Simonova S. 2011. To the problem of correlation between a screen adaptation and its literary source. *Vestnik VGIK*. No 10 : 134–142. (In Russ.).
18. Trushina T. 2017. Cinema and fashion: a look through the screen. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the University of Humanities]*. No 1 : 117–123. (In Russ.).
19. Usacheva T. 2009. Film-screen adaptation as an effective way of organizing student's independent work. *Yazykovoy diskurs v sotsial'noy praktike [Language discourse in social practice]*. P. 316–320. (In Russ.).
20. Cicishvili Ju. 2014. On the specifics of the cinemainterpretation genre: to clarifying the concept. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy nauki [Theoretical and applied aspects of modern science]*. No 5–2 : 175–179. (In Russ.).
21. Shchukina D. 2010. A screen adaptation of a literary text: from scenography to cinematography. *Kino/tekst [Cinema/text]*. St. Petersburg. P. 45–49. (In Russ.).
22. Soloveva I. 1987. Film adaptation [Electronic resource]. *Kino [Cinema]*. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya. Available from : <http://cinema.academic.ru/4853/Экранизация> (accessed : 10.07.2017). (In Russ.).
23. Adaptation [Electronic resource]. *OxfordDictionaries.com*, Oxford University Press. Available from : <https://en.oxforddictionaries.com/definition/adaptation> (accessed : 10.07.2017). (In Eng.).
24. Stam R., Raengo R. 2005. Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Adaptation. Oxford : Blackwell. (In Eng.).

Received 23.08.2017

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ФЕНОМЕНА «КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ»

Для того чтобы в пространстве научного диалога терминологически разделить память в ее индивидуальном понимании и память как феномен культуры, мы предлагаем использовать словосочетание «культурная память».

Исследователи говорят о групповом, коллективном характере памяти, ее социальной детерминированности, зависимости от актуальных условий и задач, ее образной, иррациональной природе, материализации в условно знаниевых и художественных, ритуально-праздничных и иных формах.

Культурная память одновременно и коллективна, поскольку это система воспоминаний членов одной группы, участвовавших в общих событиях; и социальна, так как обусловлена параметрами социума, к которым относятся субъекты воспоминаний. Содержательной единицей культурной памяти является образ.

Среди основных функций культурной памяти накопительная, идентификационная, интеграционная и дифференцирующая, адаптационная, информационно-познавательная.

Все эти и иные формы визуализации культурной памяти мы предлагаем называть наследием.

Ключевые слова: культура, наследие, культурная память, феномен культуры, функции памяти

Для цитирования: Кособуцкая, Н. Ю. Концептуальное наполнение феномена «культурная память» / Н. Ю. Кособуцкая // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 99–104.

Культура, как известно, – феномен чрезвычайно сложный и многоаспектный, что порождает достаточно большое число различных подходов к ее осмыслению (деятельностный, антропологический, аксиологический, творческий и пр.). Поэтому при изучении того или иного социокультурного феномена важным представляется определиться с исследовательской платформой, с конкретным теоретико-методологическим ракурсом понимания базового понятия – *культура*.

В рамках нашей статьи и шире – проводимого нами исследования мы будем придерживаться двух подходов, дополняющих и обогащающих друг друга, – коллективистского и метогу-подхода.

Первый связан с именем А. Я. Флиера и его пониманием культуры как «совокупности параметров человеческого сознания и поведения, которые обеспечивают коллективный характер жизнедеятельности людей» [12, с. 25]. Другими словами, культура и вырабатывае-

мые ею нормативно-ценностные основания, системы коммуникации и пр. – это не что иное, как инструменты адаптации людей друг к другу, к социальному бытию.

Более частным, но все-таки остающимся в русле коллективистского подхода, является осмысление культуры Я. Ассманом, понимающим под ней «комплекс обеспечивающего идентичность группы знания, объективированного в символических формах: мифы, песни, танцы, пословицы, законы, священные тексты, скульптуры, орнаменты, живопись и др.» [2, с. 95].

В рамках второго, метогу-подхода, хотелось бы обозначить позицию Ю. М. Лотмана: «Мы понимаем культуру как ненаследственную память коллектива, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний» [4, с. 487]. Из этого следует, во-первых, что культура – явление социальное, но не исключает возможности индивидуальной культуры в том случае, когда индивидуум мыслит себя

в качестве представителя коллектива. Случаи индивидуальной культуры исторически вторичны. Во-вторых, поскольку культура есть память, она неизбежно связана с прошлым историческим опытом. В момент возникновения она не может быть констатирована как таковая. Она осознается лишь постфактум. Когда говорят о создании новой культуры, то предполагается, что она станет памятью с точки зрения реконструируемого будущего и правомерность такого предположения способно показать только само будущее.

Культура как память коллектива ставит вопрос о системе семиотических правил, по которым жизненный опыт человечества претворяется в культуру. Необходимы правила перевода непосредственного опыта в текст. Для того чтобы тот или иной исторический факт стал фактом культуры, его следует осознать и отождествить с определенным элементом в языке запоминающего устройства. Далее он должен быть оценен в отношении ко всем иерархическим связям этого языка. Это означает, что он будет записан, т. е. станет элементом текста памяти, элементом культуры. «Таким образом, внесение факта в коллективную память обнаруживает все признаки перевода с одного языка на другой, в данном случае – на “язык культуры”» [4, с. 488]. Мы не склонны вслед за Ю. М. Лотманом отождествлять культуру и память, но абсолютно солидарны с ним в понимании огромной социокультурной, можно сказать культуросозидающей, роли последней.

Таким образом, в указанных подходах к осмыслению культуры важным для нас представляется понимание культуры как системы, во-первых, обеспечения коллективного бытия человека; во-вторых, объединяющей членов этого коллектива с ним и таким образом укрепляющей коллективистские узы; в-третьих, ненаследуемой памяти человечества, имеющей коллективный характер и способствующей самоидентификации членов группы – носительницы такого рода памяти.

Категория памяти является предметом изучения самых разнообразных наук. Так, с

точки зрения психологии, память представляет собой «впечатления, которые человек получает об окружающем мире», они «оставляют определенный след, сохраняются, закрепляются, а при необходимости и возможности – воспроизводятся» [7]. «Без памяти, – писал С. Л. Рубинштейн, – мы были бы существами мгновения. Наше прошлое было бы мертво для будущего. Настоящее, по мере его протекания, безвозвратно исчезало бы в прошлом» [9, с. 302]. В словаре Ожегова мы можем прочитать следующее определение: память – это «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений» [8, с. 422]. Шотландский экономист, философ-этик, один из основоположников современной экономической теории Адам Смит имеет свое представление о памяти: «Единственное сокровище человека – это его память. Лишь в ней – его богатство или бедность» [3]. Аристотель в своем трактате «О памяти и припоминании» констатирует: «Память же есть память о прошлом» [1].

Ниже нам бы хотелось обозначить ряд ключевых позиций, характеризующих наше понимание феномена культурной памяти.

1. В рамках нашего исследования нас интересует только наиндивидуальная память, т. е. память, рассматриваемая в ее культурном, групповом измерении. Мы, соглашаясь с П. Рикёром, Я. Ассманом и многими другими учеными, полагаем, что память как особое качество сознания свойственна только индивиду и никакого коллективного разума, обладающего способностью к воспоминаниям, не существует (в этом смысле мы не можем согласиться с позицией М. Хальбвакса). Поэтому, говоря о памяти в контексте социальных групп, культур, мы используем данный термин, скорее, как метафору и готовы прислушаться к словам Х.-Г. Гадамера: «Пора избавиться от привычки рассматривать феномен памяти как простую психологическую способность и увидеть в нем важнейший элемент конечного исторического существования человека» [13, с. 75].

2. Для того чтобы в пространстве научного диалога терминологически разделить память в ее индивидуальном понимании и память как феномен культуры, мы предлагаем использовать словосочетание «культурная память», предпочтя его иным: социальная (М. Хальбвакс), коллективная, (П.-Х. Хаттон, Ж. Ле Гофф, П. Рикёр), культурная (Я. Ассман), память-история (П. Нора), историческая (А. Мегилл) и др. По большому счету, все исследователи говорят об одном – о групповом, коллективном характере памяти, ее социальной детерминированности, зависимости от актуальных условий и задач, ее образной, иррациональной природе, материализации в условно знаниевых и художественных (исторические стереотипы и мифы, искусство), ритуально-праздничных (коммеморативные практики) и иных формах. Обобщая все указанные характеристики, можно обозначить память как особый феномен культуры, как культурную универсалию.

Таким образом, понятие культурной памяти оказывается более широким, масштабным и всеохватным в сравнении с частными и узкими понятиями (социальная, коллективная, групповая память и др.). Культурная память одновременно и коллективна, поскольку является системой воспоминаний членов одной группы, участвовавших в общих событиях; и социальна, так как обусловлена параметрами социума, к которым относятся субъекты воспоминаний. Но при этом она обладает и рядом дополнительных свойств: мифологичность, сакральность, символичность, регламентируемый характер.

Нередко в качестве близкого по смыслу к категории *культурная память* или даже синонимичного ей используют понятие *историческая память*. По нашему мнению, его вообще стоит рассматривать отдельно и точек его пересечения с памятью культурной не так много.

Под исторической памятью различные авторы понимают:

– «массовые знания о прошлой социальной реальности» [11, с. 232–233];

– «результат определенных смыслообразующих операций по упорядочиванию воспо-

минаний, осуществляемых в ходе оформления исторического сознания путем осмысления пережитого опыта...» [10];

– «опыт людей, которые на самом деле участвовали в обсуждаемых исторических событиях. Более точно – историческая память обозначает восстановление и преобразование этого опыта в нарратив» [6, с. 170].

Можно привести и иные определения, но их объединяет одно – ссылка на рациональную, знаниевую природу исторической памяти, ее формализованный и объективированный характер. Если содержательной единицей культурной памяти является образ (или миф, по Я. Ассману), то единицей памяти исторической – знание. Кроме того, культурная память коррелирует с пространством живой повседневности, тогда как историческая память – с исторической наукой: «Историческая память может служить историку свидетельством того, что объективно произошло в прошлом, то есть того, что произошло в форме внешне наблюдаемых событий» [6, с. 174].

3. Все ученые, к трудам которых мы обращались, указывают на реконструируемый, воссоздаваемый характер культурной памяти, ее зависимость от запросов настоящего, неизбежно трансформирующего, модернизирующего содержание воспоминаний: «Воспоминания – это не “готовые к употреблению” копии прошлого, но эклектическая, избирательная их реконструкция, основывающаяся на последующих действиях и восприятиях и на постоянно меняющихся кодах, при помощи которых мы различаем, символизируем и классифицируем окружающий мир» [5, с. 331].

А. Мегилл ввел понятие аффирмативной историографии, подчиняющей «прошлое тем проектам, которыми люди заняты в настоящем. У нее отсутствует критическая позиция по отношению к тем воспоминаниям, которые она собирает, и к традиции, которую она поддерживает. В самом деле, она не только не критична по отношению к выбранным воспоминаниям и традициям, но фактически имеет тенденцию к их мифологизации» [6, с. 148].

В этом не стоит искать исключительно негативные коннотации, но можно усмотреть проявление самой природы памяти – гибкой, изменчивой, адаптивной, далекой от точного, конкретного, объективного воспроизведения в настоящем (так прошлое изучает история или, по крайней мере, стремится к этому). Любое индивидуальное воспоминание, по большому счету, детерминировано настоящим, актуальными условиями, в которых происходит обращение к памяти. Аналогична ситуация и в отношении воспоминаний коллективных.

4. Основными функциями культурной памяти являются:

- накопительная (собственно концентрация и трансляция воспоминаний);
- идентификационная (формирование и поддержание идентичности членов группы);
- интеграционная и дифференцирующая (обеспечение консолидированности группы на основе общих воспоминаний и формирование у ее членов чувства уникальности, непохожести на иные коллективы);
- адаптационная (поддержание ощущения темпорального единства, нивелирования чувства разрыва между модусами времени, особенно между прошлым и настоящим).

Можно также выделить информационно-познавательную функцию, поскольку, действительно, через культурную память осуществляется приобщение неопитов культуры к принятым в данном социокультурном ареале нормам, ценностям, моделям поведения и пр. Однако стоит оговориться, что в данном случае речь идет не о рациональном освоении системы знаний, а о погружении в особого рода символическую, мифологизированную среду через систему ритуально-обрядовых действий.

Некоторые исследователи отдельно выделяли и манипулятивную функцию (например, Ж. Ле Гофф). Мы же полагаем, что, скорее, просто ее природа позволяет спекулировать ее содержанием, но сама память выполняет иные социокультурные задачи.

5. Важной проблемой является познание культурной памяти исходя из методологических ресурсов культурологии. Как показывает анализ имеющихся по данной теме работ, наиболее конструктивный исследовательский путь – выбор какой-либо отдельной объективированной стороны памяти, какого-то отдельного аспекта ее бытования в пространстве культуры. Культурная память проявляет себя в том, что признается значимой для той или иной культуры в ее актуальном срезе, подлежащей запоминанию и межпоколенному транслированию, она «просвечивает» в мемориальных шествиях и триумфальных парадах, в ностальгических настроениях и исторических архетипах, в отношении государства к своему прошлому, к востребованности ретротематики в произведениях искусства. Все эти и иные формы визуализации культурной памяти мы предлагаем называть наследием, понимаемым в данном случае в самом широком смысле, именно в таком, в каком его интерпретировал Д. Лоуэнталь – как «признаваемое нами прошлое, расширенное нашими собственными действиями и предчувствиями» [5, с. 615].

Таким образом, под культурной памятью мы понимаем совокупность ценностей, норм, идеалов, значимых для группы, регламентированно передающихся из поколения в поколение в мифологически-символической образной форме и объективирующихся в различных формах наследия.

-
1. Аристотель. О памяти и припоминании / Аристотель ; пер. С. В. Месяц // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 158–173.
 2. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – (Studia historica).
 3. Единственное сокровище человека – это его память. Лишь в ней – его богатство или бедность. Адам Смит [Фраза дня (20.02.2017)] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://stosec.com/adam-smith-1/>. – Дата обращения : 24.04.2017.

4. Лотман, Ю. М. О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман (совместно с Б. А. Успенским) // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. – С. 485–503.
5. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург : Русский остров : Владимир Даль, 2004. – 618 с.
6. Мегилл, А. Историческая эпистемология : монография / А. Мегилл ; пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. – Москва : Канон+ : Реабилитация, 2007. – 480 с.
7. Немов, Р. С. Психология : учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений : в 3 кн. / Р. С. Немов. – 4-е изд. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 688 с. – Кн. 1 : Общие основы психологии.
8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : около 57 000 слов / С. И. Ожегов. – Екатеринбург : Урал-Советы, 1994. – 800 с.
9. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. Т. 1 / С. Л. Рубинштейн ; сост. и авт. коммент. К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский. – Москва : Педагогика, 1989. – 448 с.
10. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Рюзен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2001. – Вып. 7. – С. 8–26.
11. Савельева, И. М. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 632 с. – Т. 1 : Конструирование прошлого.
12. Флиер, А. Я. Предназначение культуры / А. Я. Флиер // Вестник МГУКИ. – 2016. – № 3 (71). – С. 24–31.
13. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004. – 424 с.

Получено 24.04.2017

N. Kosobutskaja

Post-graduate student,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: nkosobutskaja@mail.ru

“CULTURAL MEMORY” PHENOMENON CONCEPTUAL INTERPRETATION

Abstract. *In order to terminologically separate memory in its space of scientific dialogue and its memory as a cultural phenomenon, we propose to use the phrase "cultural memory".*

The researchers talk about the collective, collective nature of memory, its social determinancy, its dependence on actual conditions and tasks, its figurative, irrational nature, materialization in conditionally knowledgeable and artistic, ritual-festive and other forms.

Cultural memory is both collective and collective, as it is a system of memories of members of the same group who participated in common events; And social, because it is determined by the parameters of society, which include subjects of memories. An essential unit of cultural memory is the image.

The main functions of cultural memory are: memory, identification, integration and differentiation, adaptation, information-cognitive.

All these and other forms of visualization of cultural memory, we propose to call a heritage.

Keywords: *culture, heritage, cultural memory, cultural phenomenon, memory functions*

For citing: *Kosobutskaja N. 2017. "Cultural memory" phenomenon conceptual interpretation. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 99–104.*

References

1. Aristotle. 2004. On memory and reminiscence. *Voprosy filosofii [Issues of philosophy]*. No 7 : 158–173. (In Russ.).
2. Assmann I. 2004. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory. Letter, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. Translated from German by Sokolskaia M. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury. 368 p. (In Russ.).
3. Edinstvennoe sokrovishche cheloveka – eto ego pamyat'. Lish' v ney – ego bogatstvo ili bednost'. Adam Smit [Fraza dnya (20.02.2017)] [The only treasure of the person is his memory. Only in her – his wealth or poverty. Adam Smith] [Electronic resource]. Available from : <http://www.stosec.com/adam-smith-1/> (accessed : 24.04.2017). (In Russ.).
4. Lotman IU. 2000. About the semiotics mechanism of culture. *Semiosfera [Semiosfer]*. St. Petersburg : Iskusstvo-SPb. P. 485–503. (In Russ.).
5. Louental D. 2004. Proshloe – chuzhaya strana [The past – others country]. Translated from Eng. by Govorunov A. St. Petersburg : Russkiy ostrov : Vladimir Dal'. 618 p. (In Russ.).
6. Megill A. 2007. Istoricheskaya epistemologiya [Historical epistemologiya]. Translate by Kukartseva M., Kataev V., Timonin V. Moscow : Canon + : Rehabilitation. 480 p. (In Russ.).
7. Nemov R. 2003. Psychology : in 3 books. 4th edit. Book 1 : General fundamentals of psychology. Moscow : VLADOS. 688 p. (In Russ.).
8. Ozhegov S. 1994. Dictionary of Russian: about 57 000 words. Ekaterinburg : Ural-Sovety. 800 p. (In Russ.).
9. Rubinstein S. 1989. Fundamentals of the general psychology : in 2 t. T. 1. Comp. and comment. by Abulkhanova-Slavskaia K., Brushlinskii A. Moscow. 448 p. (In Russ.).
10. Ryuzen Y. 2001. Losing the sequence of history (some aspects of historical science at the intersection of a modernism, postmodernism and discussion about memory). *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii [Dialogue with time. Almanac of intellectual history]*. Issue 7. P. 8–26. (In Russ.).
11. Saveleva I., Poletaev A. 2003. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya [Knowledge of the past: theory and history] : in 2 t. T. 1 : Designing of the past. St. Petersburg : Nauka. 632 p. (In Russ.).
12. Flier A. 2016. Culture purpose. *The Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. No 3 (71) : 24–31. (In Russ.).
13. Hutton P. 2004. Istoriya kak iskusstvo pamyati [Istoriya as memory art]. St. Petersburg : Vladimir Dal'. 424 p. (In Russ.).

Received 24.04.2017

Уважаемые читатели и авторы!

**«Вестник культуры и искусств»
представлен в открытом доступе
в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.ru**

**Десятка научных журналов
(тематика «Искусство. Искусствоведение»)**

«Рейтинг SCIENCE INDEX» за 2016 г.*

№	Название журнала	Показатель	
1.	Вестник культуры и искусств	0,350	
2.	Старинная музыка	0,200	
3.	Музыковедение	0,188	
4.	Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств	0,159	
5.	Культура и образование	0,159	
6.	Музыкальная академия	0,156	
7.	Научный вестник Московской консерватории	0,146	
8.	Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры	0,127	
9.	Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15. Искусствоведение	0,123	
10.	Культура и цивилизация	0,123	

* По данным НЭБ eLIBRARY.ru (на 09.10.2017)

Раздел III

ИСКУССТВОЗНАНИЕ

ФЕНОМЕН «СОВЕРШЕНСТВА НЕЗАВЕРШЕННОГО» В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ИКОНЕ

Исследование древнерусских памятников изобразительного искусства в современном гуманитарном знании приобретает сегодня все большую значимость и актуальность в связи с постановкой задачи сохранения отечественного культурного наследия. В статье решается научная проблема методологических подходов в выявлении взаимосвязи совершенного (явного) и незавершенного (скрытого) в древнерусской иконе. Применяется иконографический метод в описании икон. Приводятся эстетические характеристики художественных образов в русской православной иконе, в эстетико-искусствоведческом анализе представляющих собой образцы совершенства.

Разъясняется содержание категориального аппарата: «совершенство», «незавершенное», связанных с ними понятий, раскрывающих суть идеи. Для ее понимания приводятся ссылки на тексты русских и западных религиозных мыслителей. Используется принцип дополнительности: «совершенное» духовно дополняется «незавершенным».

Данное исследование носит комплексный характер, поскольку предложенные к рассмотрению вопросы взаимосвязаны между собой и представляют несколько уровней знания: от мировоззренческого и методологического – до уровня проблематики бытия искусства как такового. Это продиктовано общими закономерностями развития научной мысли XX – XXI вв. Еще недавно мировая наука, особенно позитивистская философия и модернизм, развивались преимущественно в аналитическом направлении. В наше время методологическую базу научного знания определяют системный подход и метод системного исследования. Феномен вытеснения одной парадигмы (аналитической) другой (системной) рассматривается как методологическая позиция современного гуманитарного знания, в том числе искусствоведения.

В результате проведенного системного анализа показывается, что русская православная иконопись в своей дихотомии совершенного и незавершенного обладает творческим стимулом в поисках нового прочтения художественных смыслов в изобразительном искусстве.

Ключевые слова: *изобразительное искусство, совершенство, незавершенное, духовный смысл, русская православная икона, образ, символ*

Для цитирования: Ан, С. А. Феномен «совершенства незавершенного» в русской православной иконе / С. А. Ан, М. Г. Костерина // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 107–112.

Образно-смысловое пространство русской православной иконописи лежит в области особой сферы сверхчувственного, в глубину которой не каждому дано проникнуть. Но тому, кто находит ключ к разгадке тайного мира, говоря словами искусствоведа В. Н. Лазарева, становится понятным абстрактный язык

иконы с его полунамеками, с его символическими изображениями: «С этого момента простое разглядывание иконы уступает место ее пониманию» [9, с. 30]. Приобщение к православному религиозному искусству есть путь к познанию высших истин бытия, что способствует преобразованию человека и окружающего

его мира. Оттого справедливо считается одним из важнейших событий в русской культуре «раскрытие» древнерусской иконы, произошедшее в начале XX в.¹ И если существует возможность более глубокого проникновения в язык символических образов православной иконы, то, как в свое время справедливо отметил Е. Н. Трубецкой, мы погрузимся в «мирочувствие» русского человека XII – XVII вв. [11].

Художник-иконописец, воспринимающий мир сквозь призму нравственных ценностей, интуитивно становится провидцем «иноного мира», проводником духовных законов, ведь для религиозного искусства характерно интуитивное постижение действительности, только интуиция помогает уловить предмет в его целостности [8, с. 133]. Поэтому иконописец пользуется символически-образным языком вследствие тесного взаимодействия логики и образного мышления, которые в творческом процессе воспринимают друг от друга «формулы бытия» [2, с. 10]. Здесь суггестия символа с его многозначностью и неопределенностью выступает как одна из высших форм художественного обобщения, ибо «...искусство незавершенного более суггестивно, поскольку заставляет нас завершить произведение самим, в идеальном и поэтому скрытом и глубоком измерении, чего не может быть в искусстве точного описания» [Цит. по: 1, с. 11].

П. Флоренский в своих размышлениях упоминал: «Если символ, как целесообразный, достигает своей цели, то он реально неотделим от цели – от высшей реальности, им являемой; <...> икона имеет целью вывести сознание в мир духовный, показать “тайные и сверхъестественные зрелища”» [13, с. 48]. Об этих же свойствах иконы говорит архимандрит Рафаил (Карелин): «Человеческая душа почти физически ощущает, что икона окружена полем духовных сил и энергий» [7, с. 8].

Пользуясь словами В. Н. Лазарева, икону «следует рассматривать как одно из самых совершенных проявлений национального русско-

го гения» [9, с. 14]. Поначалу основы иконографии древнерусские иконописцы заимствовали из Византии. Однако, как пишет Лазарев, «...в результате длительного и постепенного развития русская иконопись все дальше отходит от византийской. Бережно сохраняя унаследованный от Византии иконографический тип, она незаметно его трансформирует, наполняя новым содержанием, менее аскетическим и суровым» [Там же, с. 21]. Эта самобытность древнерусского искусства связана с особенностями темперамента и русского менталитета, а также – с интерпретацией изобразительного языка иконописи в свете идей исихазма, ставшего на Руси особо значимым. «С точки зрения сотериологии (учение о спасении) икона открывает нам будущее преображение мира, новые свойства материи и вещества, одухотворенных в огне и свете несотворенной Божественной благодати», – пишет «О языке православной иконы» архимандрит Рафаил [7, с. 1]. Тема фаворского (нетварного) света изначально в XIV в. лежала в основе богословия св. Григория Паламы, рассматривавшего «свет преображения» как возможность духовного взлета над человеческой природой. Подвиг исихастов состоял в предельной концентрации мысли и духа, в отказе от многословия в молитвах, что равносильно обретению внутреннего спокойствия, в созерцании фаворского божественного света, через который наш материальный мир спасается и преображается.

В православной иконописи существует множество вариантов (взводов) Христова преображения. Храмовая икона «Преображение» XV в. из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, ныне хранящаяся в Государственной Третьяковской галерее, отличается особой внутренней динамикой. Икона характеризуется «искренностью чувств, поэтичностью переживания событий, исключительной глубиной характеристики в ликах Христа, ветхозаветных пророков Ильи и Моисея, троих апостолов, каждый из которых олицетворяет разные уровни восприятия божественного света, исходящего от Спасителя» [10, с. 374]. Под влиянием идей исихазма в иконографии

¹ Под «раскрытием» мы имеем в виду работу реставраторов рубежа XIX – XX вв., которые под более поздними «записями» обнаруживали подлинные иконные изображения.

Преображения выписана мандорла, окружающая Христа и передающая его божественный свет, как бы вибрируя в цветовом решении. Зритель, взирая на икону, может прочесть не только сам момент Преображения, но и предшествующие и последующие события. В этом кроется отсутствие границ, разомкнутость сюжетной линии и смыслового содержания иконы, ее внутренняя «незавершенность».

Икона XVII в. «Вознесение Господне» из Вознесенского монастыря, ныне хранящаяся в Архангельском соборе Московского кремля, передает радость о вознесении Иисуса Христа. Иконография «Вознесения», сложившаяся в раннехристианское время, существенно не изменяется. Однако мандорла в исполнении мастеров Оружейной палаты изображена здесь не схематично, как это было принято, – она несколько видоизменяется, сливается с облаком божественного света, которое, клубясь, испаряется ввысь. Нимб над головой Христа, касаясь верхнего края изображения, почти выходит за рамки иконы, что создает иллюзию бесконечного движения вверх. Совершенная в своем исполнении икона «Вознесения» тем самым производит эффект некой незавершенности, плавной подвижности и возвышенности.

Тот же эффект мы видим в иконе второй половины XIV в. «Покров Богоматери» из Покровского собора г. Суздаля. В ростово-суздальской традиции Богородица держит в своих руках покров, «осеняющий все и всех и потому как бы мирообъемлющий...», по выражению Е. Н. Трубецкого [Цит. по: 9, с. 60]. Богоматерь олицетворяет вселенскую материнскую любовь и изображается как защитница, простирающая свой покров над православным миром, оттого к ней возносятся молитвы о заступничестве с надеждой, что она укроет всех нас своим сияющим омофором, защищая от напасти. Длинные края красного омофора, поддерживаемые ангелами, волнообразно развеваются, как бы парят над молящимися. В графическом построении верхней части иконы ясно читается форма направленного вершиной вверх треугольника, его контуры составляют свисающие края омофора и

верхняя центральная точка храмового купола, на фоне которого изображен нимб вокруг головы Богородицы. Подобную интерпретацию восходящего треугольника как символа бесконечного духовного восхождения мы встречаем в XX в. у В. Кандинского.

Как известно, В. Кандинский, преклоняясь перед геометрическими формами, пристально изучал иконопись. Описывая «Троицу» А. Рублёва, он указывал на ее композиционную особенность: фигуры правого и левого ангелов, склоненные к фигуре возвышающегося над ними центрального ангела, создают в композиции форму треугольника, вершина которого устремляется за пределы иконы. Такое композиционное строение выявляет некую архитектурную незавершенность, по ощущению В. Кандинского, считавшего обращенный вверх треугольник схематической фиксацией восхождения к высшей духовности. «Весь треугольник движется медленно, почти незаметно, вперед и вверх...», – писал он [6, с. 17].

Историк искусства Э. С. Смирнова, изучая «Троицу» А. Рублёва в контексте становления русской национальной школы в XV в., отмечала точность художественного приема в обобщенном изображении Св. Троицы: «Фигуры ангелов, персонифицирующих ипостаси Св. Троицы, вписаны в круговую композицию, благодаря чему выявляется их общность. Единение ангелов подчеркивается и одинаковостью размера фигур, и ритмическим сходством силуэтов, и специфическим рисунком, который создает ощущение плавного, медленного движения по кругу» [10, с. 432].

Н. А. Демина рассматривала композицию «Троицы» А. Рублёва как круг, вписанный в восьмигранник, так же, как и круг, символизирующий вечность: «Грани палат, горы и подножий ангелов образуют восьмигранник, в который вписаны ангелы и который вторит теме круга» [4, с. 66]. Размышляя о совершенстве иконы, она писала: «Статика “Троицы” совершенна, так как в ней нет неподвижности и ограниченности» [Там же, с. 69]. Тем самым она свидетельствует об отсутствии в иконе

ограниченного пространства и подчеркивает внутреннюю подвижность композиции, что мы вправе отнести к категории «совершенства незавершенного», так как таинство незавершенности художественного образа позволяет бесконечно варьировать его внутреннее содержание. Судя по всему, феномен незавершенности в русской иконе перекликается непосредственно с темой онтологической незавершенности человеческой природы, занимающей особое место в работе К. Ясперса «Общая психопатология». Сущность человека, по К. Ясперсу, выявляется в его бесконечной потенциальности, в неизбежности внутренних противоречий: «...Человек конечен, незавершен и не может быть завершен, он должен в своем преобразовании во времени познать вечное, и он может познать его только на этом пути» [15, с. 241].

Подобное высказывание о незавершенности человеческой природы находим в исследовании П. Гуревича и Н. Киященко: «Целостность не является признаком человека как особого существа. Напротив, <...> целостность оказывается для него проблемой. Он может остаться фрагментарным, одномерным <...>. Но он же способен раскрыть безграничный потенциал человеческого существования» [3, с. 97]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что благодаря широкому спектру скрытых в человеческой природе бесконечных потенциальных возможностей человек может обрести цельность на пути духовного познания.

«Стремление к пределу, вершине, к совершенству – одно из самых универсальных человеческих стремлений» [5, с. 4]. Но актуальным остается вопрос: каким образом совершенство может оставаться незавершенным? В философских рассуждениях многих отечественных и зарубежных ученых мы можем найти яркие примеры, свидетельствующие о том, что «полнота эстетического предполагает в потенции ее незавершенность, подвижность, текучесть, готовность к дальнейшему движению к

совершенству...» [14, с. 627]. И особенно ярко это проявляется в искусстве, на что пристальное внимание обращают ученые-эстетики (среди них Жан Алер и Панайотис Михелис). В своих исследованиях мы обращались к подобного рода примерам [См.: 2]. Так, доклад Ж. Алера «Незавершенность завершенного» на IV Международном эстетическом конгрессе в Афинах обосновывает идею подвижности в художественных произведениях [16]; в этом же ключе звучит выступление П. Михелиса на V Международном конгрессе по эстетике в Амстердаме «Убегающее в искусстве», в котором эстетик-искусствовед анализирует особые вибрации в произведениях христианского искусства, выявляя в них совершенное, таинственное начало [17]. Современные мыслители также говорят о своеобразной энергии незавершенного, всегда несущего в себе отсутствие предела, размывание четких границ: «Жизнь архетипов в культуре обеспечивается в том числе и их постоянной “готовностью” к обновлению, то есть онтологической характеристикой любого архетипического сюжета является принципиальная незавершенность» [12, с. 296]. Феномен «незавершенного» в искусстве реализуется в потенциальной возможности к дальнейшей жизни художественного произведения в воображении зрителя; таким образом, «совершенное» творение остается до конца неуловимым [2, с. 10]. Только истинные творения, исполненные в канонах совершенства, выдерживают проверку временем. Такова русская православная икона. «Картина всегда остается уголком мира <...>. Икона размывает этот круг. Икона вводит человека в мир вечности...» [7, с. 8].

В заключение проведенного исследования можно утверждать, что дихотомия «совершенного» и «незавершенного» в русской православной иконе дает творческий стимул в поисках глубинного прочтения художественных смыслов в изобразительном искусстве.

1. Абрамовских, Е. В. Произведения «нон-финито» в искусстве в контексте теории префигурации / Е. В. Абрамовских // Самарский научный вестник. – 2013. – № 3 (4). – С. 9–13.
2. Ан, С. А. «Совершенство незавершенного» в русской иконописи / С. А. Ан, М. Г. Костерина // Национальная ассоциация ученых [материалы XXVI междунар. науч.-практ. конф. «Роль науки

- в развитии социума: теоретические и практические аспекты»]. – Екатеринбург, 2016. – № 10 (26). – С. 9–12.
3. Гуревич, П. С. Незавершенность человеческой природы / П. С. Гуревич, Н. И. Киященко // Вестник Российского философского общества. – 2010. – № 3. – С. 93–97.
 4. Демина, Н. А. Андрей Рублев и художники его круга / Н. А. Демина. – Москва : Наука, 1972. – 220 с.
 5. Иванченко, Г. В. Идея совершенства в психологии и культуре / Г. В. Иванченко. – Москва : Смысл, 2007. – 255 с.
 6. Кандинский, В. О духовном в искусстве / В. Кандинский // Творчество. – № 8 (380). – Москва : Советский художник, 1988. – 32 с.
 7. Карелин, Р., арх. (Рафаил). О языке православной иконы / Р. Карелин, арх. (Рафаил). – Санкт-Петербург : Сатис, 1997. – 31 с.
 8. Костерина, М. Г. Религиозная тематика в творчестве художников русского модерна / М. Г. Костерина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 1 (29). – С. 133–135.
 9. Лазарев, В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века / В. Н. Лазарев. – Москва : Искусство, 2000. – 395 с., ил.
 10. Сарабьянов, В. Д. История древнерусской живописи / В. Д. Сарабьянов, Э. С. Смирнова. – Санкт-Петербург : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007. – 752 с.
 11. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни // Избранное / Е. Н. Трубецкой. – Москва : Канон, 1995. – С. 7–296.
 12. Феномен незавершенного: монография / под общ. ред. [и вступ. ст.] Т. А. Снигиревой и А. В. Подчинова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 528 с.
 13. Флоренский, П. Иконостас // Избранные труды по искусству / П. Флоренский. – Санкт-Петербург : Мифрил : Русская книга, 1993. – С. 1–175.
 14. Яковлев, Е. Г. Совершенство незавершенного // Эстетика. Искусствознание. Религиоведение : [Избранное] / Е. Г. Яковлев. – 2-е изд., стер. – Москва : Книжный дом «Университет», 2005. – С. 627–633.
 15. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс ; пер. с нем. Л. О. Аюпяна. – Москва : Практика, 1997. – 1056 с.
 16. Aler J. 1960. Die Unvollendetheit des Vollendeten. *Proceedings of the Fourth International Congress Aesthetics*. Athens. P. 308–310.
 17. Michelis P. 1964. Du Fugityb dans l'Art. *Proceedings of the Fifth International Congress Aesthetics*. Amsterdam. P. 784–788.

Получено 22.06.2017

S. An

Doctor of Philosophical Sciences,
Altai State Pedagogical University
E-mail: fil@uni-altai.ru

M. Kosterina

Candidate of Art Criticism,
Altai State University
E-mail: mari_kosterina@mail.ru

“PERFECTION OF UNCOMPLETED” IN RUSSIAN ORTHODOX ICON PAINTING

Abstract. *The research of Old Russian art monuments in modern humanitarian knowledge acquires the increasing importance and relevance in connection with problem definition of domestic cultural heritage preservation. The article discloses the scientific problem of methodological approaches to identify the relationship perfect (explicit) and unfinished (hidden) in the Old Russian icons. The iconographic method in the description of icons is applied. Analyzed the aesthetic and artistic possibilities of complementing and developing the artistic images created in the canons of perfection.*

As researches show, the completeness of esthetic assumes in a potentiality its incompleteness, fluidity, readiness for further perfection as the live, pulsing life. Is explained the content of the categorial device: “perfection”, “incomplete” and some others, opening essence of the idea. For its understanding references to texts of Russians and the western religious thinkers are given. The author uses the principle of complementarity, i. e. “perfect” is spiritually supplemented with the “incomplete”.

The complex nature of this material confirmed the interrelatedness of issues and their representation of multiple levels of knowledge: philosophical and methodological – to the level of the issue of the existence of art as such. It was dictated by the General laws of development of scientific thought of the 20th–21th centuries. Until recently the world science, especially positivistic philosophy and a modernism, has developed mainly in the analytical direction. Presently the methodological grounds of scientific knowledge is determined by system approach and a method of a system research. The phenomenon of replacement of one paradigm (analytical) by the other (system) as a methodological position of modern humanitarian knowledge, including Art Studies has been considered.

The result of the conducted research shows that the Russian orthodox iconography in the dichotomy of perfect and incomplete possesses a creative incentive in search of new reading of art meanings in the fine arts.

Keywords: art of painting, perfection, incompleteness, spiritual significance, Russian Orthodox icon painting, image, symbol

For citing: An S., Kosterina M. 2017. “Perfection of uncompleted” in Russian orthodox icon painting. *Culture and Arts Herald*. No 3 (51) : 107–112.

References

1. Abramovskikh E. 2013. The “non-finito” works in art in the context of the prefiguration’s theory. *Samara Journal of Science*. No 3 (4) : 9–13. (In Russ.).
2. An S., Kosterina M. 2016. “Perfection of incompleteness” in the Russian iconography. *National association of scientists*. Ekaterinburg. No 10 (26) : 9–12. (In Russ.).
3. Gurevich P., Kiiashchenko N. 2010. The incompleteness of human nature. *Bulletin of the Russian philosophical society*. No 3 : 93–97. (In Russ.).
4. Demina N. 1972. *Andrey Rublev i khudozhniki ego kruga [Andrei Rublev and artists of his circle]*. Moscow : Science. 220 p. (In Russ.).
5. Ivanchenko G. 2007. *Ideya sovershenstva v psikhologii i kul'ture [The idea of perfection in psychology and culture]*. Moscow : Sense. 255 p. (In Russ.).
6. Kandinsky V. 1988. About the spiritual in art. *Tvorchestvo [Creativity]*. No 8 (380). Moscow : Sovetskiy khudozhnik. 32 p. (In Russ.).
7. Karelin R., archimandrite (Rafail). 1997. *O yazyke pravoslavnoy ikony [About language of an orthodox icon]*. St. Petersburg : Satis. 31 p. (In Russ.).
8. Kosterina M. 2012. Religious subject in works of artists of the Russian modern style. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 1 (29) : 133–135. (In Russ.).
9. Lazarev V. 2000. *Russkaya ikonopis' ot istokov do nachala XVI veka [The Russian iconography from sources before the beginning of the 16th century]*. Moscow : Art. 395 p. (In Russ.).
10. Sarabianov V., Smirnova E. 2007. *Istoriya drevnerusskoy zhivopisi [The History of the old Russian painting]*. St. Petersburg : Publishing house of Tikhon’s orthodox university. 752 p. (In Russ.).
11. Trubetskoi E. 1995. *Essence of life. Izbrannye raboty [Selected works]*. Moscow : Canon. P. 7–296. (In Russ.).
12. *Fenomen nezavershennogo [The phenomenon of incomplete]*. 2014. Under the General editorship [and foreword] T. Snigireva and A. Podchinenov. Ekaterinburg : Publishing house Ural University press. 528 p. (In Russ.).
13. Florensky P. 1993. *Iconostasis. Izbrannye trudy po iskusstvu [Selected works on art]*. St. Petersburg: Mithril : Russian book. P. 1–175. (In Russ.).
14. Iakovlev E. 2005. Perfection of unfinished. *Estetika. Iskusstvoznanie. Religiovedenie [Aesthetics. Art history. Religious studies]*. Moscow : Knizhnyy dom «Universitet». P. 627–633. (In Russ.).
15. Jaspers K. 1997. *Obshchaya psikhopatologiya [General psychopathology]*. Translated from the German by L. Akopyan. Moscow : Practice. 1056 p. (In Russ.).
16. Aler J. 1960. Die Unvollendetheit des Vollendeten. *Proceedings of the Fourth International Congress Aesthetics*. Athens. P. 308–310. (In Eng.).
17. Michelis P. 1964. Du Fugityb dans l’Art. *Proceedings of the Fifth International Congress Aesthetics*. Amsterdam. P. 784–788. (In Eng.).

Recived 22.06.2017

ВИЗУАЛЬНЫЙ МИФ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОВЕТСКОМ МОНУМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Рассматривается проблема репрезентации в искусстве социалистического реализма визуального мифа о новом советском человеке. В качестве предмета анализа выбрано оформление станций московского метрополитена.

Майоликовые панно Е. Лансере на станции «Комсомольская» анализируются на предмет репрезентации трудовых свершений молодых людей при новой власти.

На примере скульптурных композиций М. Манизера на станции «Площадь Революции» реконструируется нарратив становления нового государства: от революционного рождения через Гражданскую войну, послевоенное восстановление хозяйства, индустриальные и сельскохозяйственные свершения эпохи первых пятилеток – к сияющему будущему коммунистического государства.

В мозаичных панно А. Дейнеки на станции «Маяковская» реконструируется нарратив одного дня из жизни советского народа.

Делается вывод, что в фокусе всего проекта московского метрополитена находится образ советского нового человека – сильного, закаленного физически, самоотверженного гражданина, телесно и духовно преобразившегося в результате возникновения нового советского государства.

Ключевые слова: визуализация, социалистический реализм, миф, нарративная коммуникация, пропаганда

Для цитирования: Киуру, К. В. Визуальный миф в идеологическом нарративе: репрезентация в советском монументальном искусстве / К. В. Киуру // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 113–118.

После Октябрьской революции 1917 г. новая власть нуждалась в инструментах собственной репрезентации. В. И. Ленин предлагает использовать искусство в целях воспитательной пропаганды, что получило название «монументальная пропаганда». «Новое искусство должно было агитировать за новую власть и транслировать гражданам идеи коммунизма» [6, с. 261].

Еще одной задачей, поставленной перед монументальной пропагандой, было формирование нового советского человека. Изучению его образов посвящены исследования С. Д. Петренко [9], Ю. А. Сайковой [10]. Как замечает О. Ю. Никонова, «визуальные репрезентации социалистической Родины играли важную роль в процессе формирования нового человека» [8, с. 278].

В работе В. Бонелла отмечается, что в своей пропаганде большевики изначально придавали большое значение визуальным методам, учитывая как неграмотность значительной части советского населения, так и сильную «визу-

альную традицию», заложенную Русской православной церковью [13, р. 3–5]. Влияние иконописной традиции на живопись социалистического реализма нами было описано в предшествующих работах [6; 7].

По словам Е. М. Казюриной, «эстетика становится все больше зависимой от политики, а социалистический реализм в свою очередь превратился в метод реализации политической эстетики» [4, с. 44]. Анализу эстетики социалистического реализма посвящены работы А. Б. Тюлебаевой [12], Н. В. Дубровиной [3], Е. Добренко [2].

Таким образом, формируется новый идеологический дискурс, где монументальная пропаганда должна выполнять функцию регулятора массового политического поведения. По мнению Б. Н. Карипова, «идеологический дискурс представляет собой массовую социальную практику, в которую вовлечены миллионы рядовых участников политического про-

цесса. Идеи, ценности и установки, распространяющиеся и воспроизводящиеся в массовых дискурсивных идеологических практиках, совсем не обязательно связаны внутренней логикой. Но они непосредственно определяют массовое политическое поведение» [5, с. 293]. Проблемам изучения идеологического дискурса также посвящены работы Н. А. Горевой [1], Е. П. Спиридоновой [11].

Цель нашего исследования – на примере оформления станций московского метрополитена выявить нарративную репрезентацию визуального мифа о новом советском человеке в искусстве социалистического реализма.

К 1930-м гг. на смену утопическим в своей основе и антиурбанистическим теориям пришла растущая автономия больших городов как символического сердца нового режима. В 1926–1939 гг. из деревни ушли 23 млн крестьян – миграция населения, не имеющая аналогов в мировой истории. Этот глобальный сдвиг особенно наглядно заявил о себе в столице. В докладе на июньском 1931 г. пленуме ЦК ВКП(б) Лазарь Каганович огласил грандиозный план реконструкции Москвы, представив его как в равной степени социальный и архитектурный. Изменение облика столицы должно было стать «лабораторией», в которую «со всего Союза» приезжали бы люди учиться. Реконструкция Москвы, таким образом, представляла как метонимический символ преобразования всей нации.

Одним из знаковых культурных проектов 1930-х гг. стало строительство московского метро. С 1932 по 1938 г. были созданы две линии метрополитена – более двадцати станций. Тщательно продуманным, неповторимым был облик каждой из них, но даже на этом фоне особенно выделялись четыре: «Площадь Революции», «Маяковская», «Динамо» и «Площадь Свердлова». Им уделялось пристальное внимание в печати. Проекты отделки этих станций явно свидетельствовали: новый режим делает ставку на молодежь. Поскольку на указанный период пришлось двадцатилетие молодого советского государства, метафора страны, достигшей совершеннолетия, была

практически неизбежна. В убранстве станций воплотилась идея трансформации молодых людей при новой власти.

Наибольших усилий потребовала станция «Комсомольская», строившаяся как символ добровольного героического труда советских юношей и девушек. Интерьер этой станции, в том числе и панно, представляющее молодых метростроевцев, решен с большим размахом. Сначала Евгений Лансере, которому была заказана внутренняя отделка, представил эскизы восьми панно – каждое из них рассказывало об одном из направлений деятельности комсомольцев: «Комсомол в колхозах», «Комсомол на защите социалистической Родины», «Комсомол и спорт» и т. д. Однако проект был признан чрезмерно помпезным, и Лансере реализовал более простой замысел – два майоликовых панно, размещенных в полуциркулярной вогнутой стене и обрамляющих вход в пассажирский туннель.

Одной из самых важных станций второй очереди можно назвать «Площадь Революции», расположенную недалеко от Красной площади, рядом с музеем Ленина, Историческим музеем и только что построенной гостиницей «Москва», в самом сердце столицы. Кроме того, она воспринималась как символическое выражение основополагающего события советской истории – революции, а значит, привлекала особое внимание. Интерьер этой станции, созданный архитектором Алексеем Душкиным, резко контрастировал с обликом большинства станций первой очереди, с их колоссальными подземными вестибюлями, где обе платформы и станционный зал были объединены в одно пространство. «Площадь Революции» – станция особенно глубокого заложения, она возведена непосредственно под древним городом, так что по геологическим и технологическим показателям громадное пространство ей противопоставлено. Исходя из этого, А. Душкин решил интерьер как три связанных друг с другом туннеля – два для платформ и один для центрального зала. Чтобы смягчить неизбежный акцент на удлинении пространства, он увеличил число поперечных проходов на перроны, пересекающие главную

ось по всей ее длине. Пролеты эти были обрамлены своего рода порталами – возникал эффект туннелей, разрезающих туннели, что вносило ноту строгой утилитарности. По контрасту со светлым простором первых станций А. Душкин еще подчеркнул «туннельный эффект» использованием мрамора насыщенных темных цветов – глубокого красного и серого. Кроме того, важнейшей чертой интерьера он сделал множество бронзовых скульптур чуть больше человеческого роста. Как свидетельствуют эскизы А. Душкина, скульптуры должны были размещаться в арочных проходах (по две в каждом), которые тем самым обретали функцию декоративных ниш. Поскольку каждая платформа соединялась с центральным залом десятью проходами, в интерьере предполагалось установить восемьдесят статуй. Этот заказ получил Матвей Манизер, профессор скульптуры Ленинградской академии художеств. С помощью учеников он сделал двадцать статуй (десять пар), и каждая из них была четырежды отлита в бронзе.

Скульптуры М. Манизера хорошо известны, без их упоминания или фотографии не обходится ни одно исследование советской официальной культуры. Однако они, как правило, рассматриваются как самостоятельные произведения искусства, а не как цельный ансамбль, что отрывает их от присущей только им прагматики, от связи и с конкретной станцией, и с метрополитеном вообще. По мнению М. О'Махоуни, игнорируя цельность этой скульптурной серии, мы рискуем упустить из виду главный смысл всего убранства станции – конструирование (точнее реконструирование) идеологического нарратива, резко разграничивающего предреволюционное прошлое, эру революции и эпоху настоящего [14]. Скульптуры М. Манизера отмечают путь Страны Советов: от ее революционного рождения через Гражданскую войну, послевоенное восстановление хозяйства, индустриальные и сельскохозяйственные свершения эпохи первых пятилеток – к сияющему будущему коммунистического государства.

Такой эффект достигается через репрезентацию ключевых фигур идеологического

нарратива: герои революционной эпохи – рабочие и старые солдаты; представители нынешнего поколения – студенты, спортсмены и спортсменки, молодые родители; граждане государства будущего – маленькие дети и школьники. Нельзя не отметить и физическое преобразование, происходящее в рамках этой нарративной схемы. Люди революции изображены с угрюмыми, озабоченными лицами, напоминающими о жестокости и несправедливости, о том, как свирепо преследовал этих людей царский режим. По ходу развертывания нарратива появляется иная порода граждан: их черты мягче, тоньше, они сложены изящнее и пропорциональнее, как если бы в новых социальных и исторических условиях нарождался новый антропологический тип. Характерно, что четыре фигуры этого «поколения» прямо связаны с физкультурой и спортом. Весь их облик свидетельствует о наконец-то обретенном праве на отдых в сочетании с физкультурными практиками как гражданским долгом, что является одним из ключевых факторов исторического развития. «Поколение пехт», кульминация этой скульптурной серии, играя и веселясь, готовит скорое распространение социализма по планете.

Рассматривая скульптуры М. Манизера как самостоятельные произведения искусства, исследователи часто называют их примитивно идеализированными советскими типажам. Эти работы, конечно, служат пропагандистской задаче, подталкивая зрителя к мысли о том, что по сравнению с царской Россией условия жизни в Советском Союзе стали несравнимо лучше и, в полном соответствии с высказыванием Сталина, жить действительно стало веселее. Здесь представлены все ключевые сферы государственной политики: сельское хозяйство, промышленность, образование, оборона. Но если взглянуть на эти скульптуры как на целое, особенно с учетом контекста станции, ее атмосферы, становится очевидно, что они нагружены более разветвленными, хотя и не менее щекотливыми ассоциативными значениями. Само понятие истории – истории специфически советской – дик-

товало каждый шаг в работе над отделкой станции, имплицитный символический смысл которой состоял в прославлении революции как исходной точки. Подчиняясь догматам социалистического реализма, М. Манисер развернул непрерывный нарратив, чтобы запечатлеть эту историю и спроецировать ее вперед, в воображаемое и еще более славное грядущее. Не так уж важно, считать ли избранную форму репрезентации метафорической или прямой: основное значение скульптур М. Манисера в том, что физический облик нового, советского поколения требует новой, идеализированной формы. На этом фоне старшие революционеры ленинского поколения выглядят старомодными, оттесненными на обочину истории новой порослью, куда более напоминающей голливудских звезд.

Немаловажно и то, что эти скульптуры размещены на станции метро на сорокаметровой глубине. В темных, сумрачных туннелях «Площади Революции» фигуры, созданные М. Манисером, кажутся извлеченными из недр самой Земли, точно огромный, превосходно сохранившийся ископаемый пласт.

Если станция «Площадь Революции» несла мощный исторический посыл, перебрасывая мост от дореволюционного прошлого к настоящему и далее – к лучезарному будущему советской страны, то «Маяковская» рассказывала прежде всего о том, что происходит здесь и сейчас.

Как и «Площадь Революции», «Маяковская» представляла собой важный географический пункт. Это район с четырьмя расположенными здесь театрами, средоточие московской театральной жизни. Театральность сыграла существенную роль в дизайне станции.

Проектируя «Маяковскую», Алексей Душкин – в разительном контрасте со станцией «Площадь Революции» – заранее отметал любой намек на ощущение клаустрофобии, пребывания в подземном туннеле. Он создал огромное и свободное внутреннее пространство, по всей длине центрального зала разместил колонны, в результате чего образовались отдельные своды, каждый из которых он увен-

чал своего рода миниатюрным куполом. Все это вызывает ощущение грандиозной процессии богато отделанных традиционным красным мрамором и современной нержавеющей сталью колонн. В куполе каждого из шатровых отсеков А. Душкин решил разместить эллипсоидное декоративное панно-плафон.

Автором панно стал Александр Дейнека. Он создал серию работ, отражающих целостное и абсолютно позитивное видение жизни в Советском Союзе. В качестве темы был взят один день из жизни народа. Поскольку потолочные панно должны были находиться высоко, а зрители – прямо под ними, художник избрал фоном для каждой композиции открытое небо, создав тем самым ощущение нисходящего света. На панно в обоих концах зала изображено утро. При движении к центру зала шагает вперед и день. Стрелки курантов на седьмом панно показывают полдень. Зритель идет дальше, день клонится к вечеру, темнеет, и на центральном панно Спасская башня запечатлена на фоне ночного неба. Апелляция А. Дейнеки к естественной смене дня и ночи функционирует в этом цикле на многих уровнях. Во-первых, подразумевается, что жизнь в Советском Союзе не затихает ни на миг. Во-вторых, одновременно представляя день и ночь, художник напоминал зрителю о колоссальных пространствах страны, включающей девять часовых поясов. В-третьих, изображая сутки в их естественном протекании, А. Дейнека обыгрывал по необходимости монотонное освещение подземного туннеля и уменьшал потенциальный эффект замкнутого пространства.

Чтобы передать разнообразие жизни в Советском Союзе, А. Дейнека построил цикл на широком диапазоне тем: природа, сельское хозяйство, промышленность, военное дело, авиация, спорт.

При этом объединяющим началом здесь служит акцент на безграничных способностях советской молодежи. Наиболее выразительно эта идея развита в трех «физкультурных» композициях, рассмотрим одну из них для примера. Горнолыжник, наклонив корпус вперед, удерживает великолепную стойку: ноги плотно сжаты,

льжи строго параллельны, руки вытянуты вперед. Спортсмен, взмывающий над зрителем, символизирует колоссальные возможности советской молодежи. Это предельное, лучшее выражение силы, мастерства и самоотверженности нового поколения, которое, как верил художник, поведет Страну Советов к светлому будущему.

Таким образом, в фокусе всего проекта московского метрополитена находится образ со-

ветского нового человека – сильного, закаленного физически, самоотверженного гражданина, телесно и духовно преобразившегося в результате возникновения нового советского государства. Широкое пропагандистское звучание приобретал тезис о том, что участие в грандиозных трудовых свершениях 1930-х гг. – это нечто не только идеологически верное, но также и радостное.

1. Горева, Н. А. Идеологический дискурс как механизм легитимации политического режима в современной России / Н. А. Горева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 180–182.
2. Добренко, Е. Сталинская культура: города и годы / Е. Добренко // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 2 (126). – С. 345–365.
3. Дубровина, Н. В. Социалистический реализм: метод или стиль / Н. В. Дубровина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 7 (99). – С. 181–185.
4. Казюрина, Е. М. Советская «политическая эстетика» в интерпретации историков, искусствоведов, политиков (трактовки понятия) / Е. М. Казюрина // Познание стран мира: история, культура, достижения. – 2014. – № 4. – С. 43–49.
5. Карипов, Б. Н. Методологические аспекты исследования российского идеологического дискурса / Б. Н. Карипов // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 6. – С. 292–301.
6. Киуру, К. В. Визуализация советского мифа: от иконы к пропаганде / К. В. Киуру // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике : сб. ст. Междунар. науч. конф (Казань, 24–25 нояб. 2016 г.) / отв. ред. Н. Ф. Федотова. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2016. – С. 268–272.
7. Киуру, К. В. Визуальная коммуникация в тоталитарной пропаганде: создание и трансляция мифа / К. В. Киуру // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2016. – № 5 (22). – С. 44–50.
8. Никонова, О. Ю. Советский патриотизм на плакате: визуализация любви к Родине в 1930-е гг. / О. Ю. Никонова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2012. – № 1 (18). – С. 278–288.
9. Петренко, С. Д. Образ советского рабочего в монументальной скульптуре городов Западной Сибири сквозь призму соцреалистического канона / С. Д. Петренко // Архитектон: известия вузов. – 2015. – № 52. – С. 15.
10. Сайкова, Ю. А. Формирование представлений о герое в советской и современной визуальной культуре / Ю. А. Сайкова // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир) : материалы IV междунар. науч. конф (Белгород, 13–14 мая 2016 г.). – Белгород, 2016. – С. 307–312.
11. Спиридонова, Е. П. Исторический дискурс в формировании идеологических нарративов / Е. П. Спиридонова // Россия – СССР – Российская Федерация в условиях реформ и революций. XX – XXI вв. : материалы междунар. науч. конф., 26–27 мая 2016 г. / отв. ред. В. Я. Романенко. – Саратов : Амирит, 2016. – С. 275–281.
12. Тюлебаева, А. Б. Социалистический реализм: идеологическая догма или большой стиль? / А. Б. Тюлебаева, Е. Д. Жукова // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 8 (8). – С. 194–196.
13. Bonnell V. 1997. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkley : University of California Press. 385 p.
14. O'Mahony M. 2003. *Archaeological Fantasies: Constructing History on the Moscow Metro*. *Modern Language Review*. No 98 (1) : 138–150.

Получено 23.08.2017

K. Kiuru

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University
E-mail: kkiuru@mail.ru

VISUAL MYTH IN IDEOLOGICAL NARRATIVE: REPRESENTATION IN SOVIET MONUMENTAL ART

Abstract. *The article deals with the problem of representation in the art of socialist realism of the visual myth of a new Soviet man. The design of Moscow metro stations was chosen as the subject of the analysis. Majolica panels by E. Lansere at the “Komsomolskaya” metro-station are analyzed for the representation of labor achievements of young people under the new government. On the example of M. Manizer's sculptural compositions at the “Ploshchad Revolutsii” station, a narrative is reconstructed about the formation of a new state: from revolutionary birth through the Civil War; post-war economic reconstruction, industrial and agricultural achievements of the first five-year period, to the radiant future of the communist state. In the mosaic panels of A. Deineka at the “Mayakovskaya” station, a narrative of one day from the life of the Soviet people is reconstructed. It is concluded that the focus of the entire project of the Moscow metro is the image of a Soviet new man – a strong, hardened physically, selfless citizen, bodily and spiritually transformed as a result of the emergence of a new Soviet state.*

Keywords: *visualization, socialist realism, myth, narrative communication, propaganda*

For citing: *Kiuru K. 2017. Visual myth in ideological narrative: representation in soviet monumental art. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 113–118.*

References

1. Goreva N. 2010. Ideological discourse as the legitimating mechanism of political regime in the modern Russia. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. No 1 : 180–182. (In Russ.).
2. Dobrenko E. 2014. Stalin's culture: cities and years. Novoe literaturnoe obozrenie [New literary observer]. No 2 (126) : 345–365. (In Russ.).
3. Dubrovina N. Socialist realism: a method or style. Herald of Tambov University. Series: The humanities. No 7 (99) : 181–185. (In Russ.).
4. Kaziurina E. 2014. Soviet “political aesthetics” in the interpretation of historians, art historians, politicians (interpretation of the concept). Poznanie stran mira: istoriya, kul'tura, dostizheniya [Cognition of the countries of the world: history, culture, achievements]. No 4 : 43–49. (In Russ.).
5. Karipov B. 2014. Methodological issues in the study of Russian ideological discourse. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. No 6 : 292–301. (In Russ.).
6. Kiuru K. 2016. Visualization Soviet myth: from icons to propaganda. Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike [Visual communication in the sociocultural dynamics]. Kazan : Publishing house of the Kazan university. P. 268–272. (In Russ.).
7. Kiuru K. 2016. Visual Communication in Totalitarian Propaganda: Creation and Translation of the Myth. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya [Sign: the problem field of media education]. No 5 (22) : 44–50. (In Russ.).
8. Nikonova O. 2012. Soviet patriotism on posters: visualizing love to Motherland in the 1930s. Perm University Herald. Series: History. No 1 (18) : 278–288. (In Russ.).
9. Petrenko S. 2015. The image of the Soviet worker in the monumental sculpture in Western Siberia cities through the prism of the socialist realist canon. Architecton: proceedings of the higher education. No 52 : 15. (In Russ.).
10. Saikova IU. 2016. Formation of ideas about the hero in Soviet and modern visual culture. Kul'tura. Politika. Ponimanie (filosofsko-politicheskie problemy identichnosti: Rossiya i sovremennyy mir) [Culture. Policy. Understanding. (Philosophical and political problems of identity: Russia and the modern world)]. Belgorod. P. 307–312. (In Russ.).
11. Spiridonova E. 2016. Historical Discourse in the Formation of Ideological Narratives. Rossiya – SSSR – Rossiyskaya Federatsiya v usloviyakh reform i revolyutsiy. XX – XXI vv. [Russia – the USSR – the Russian Federation in conditions of reforms and revolutions. 20th–21st centuries]. Saratov : Amirit. P. 275–281. (In Russ.).
12. Tiulebaeva A. 2017. Socialist realism: an ideological dogma or a great style? Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki [Modern scientific research and development]. No 8 (8) : 194–196. (In Russ.).
13. Bonnell V. 1997. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkley : University of California Press. 385 p. (In Eng.).
14. O'Mahony M. 2003. Archaeological Fantasies: Constructing History on the Moscow Metro. Modern Language Review. No 98 (1) : 138–150. (In Eng.).

Received 23.08.2017

ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ИСКУССТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА СУРИКОВА)

Данное исследование посвящено изучению одного из способов познания объективной реальности через создание новых, не бывших прежде, субъективных моделей мироздания. Актуальность избранной темы обусловлена поиском новых подходов к проблеме познания мира, в том числе и через художественное творчество. В качестве инструментария исследования использовался комплекс методов – общенаучных и узкоспециальных (философских, искусствоведческих и психологических). В ходе анализа избранных произведений искусства доказывается, что художник, выстраивая из созданных им образов новую, субъективную реальность, стремится постичь форму и содержание объективной реальности.

Представленные в качестве экспериментального материала произведения Александра Сурикова стилизованы в нарочито примитивистской манере, придающей творчеству художника характер игры с потенциальным зрителем. Нами впервые осуществлен комплексный анализ и предложен междисциплинарный подход в интерпретации его работ. Предпринята попытка систематизации художественных средств и методов, характерных для творчества А. В. Сурикова, а также дана интерпретация картины мира художника через представленные в его работах субъективные модели миропонимания. Отсутствие разграничения субъективной и объективной реальности признается как один из основных творческих методов А. В. Сурикова. Раздробленность и мозаичность элементов в работах художника, выступающие как константы мира его произведений, в равной мере соответствуют и эклектичному характеру современной ему объективной реальности.

Ключевые слова: изобразительное искусство Красноярска, Александр Суриков, субъективность восприятия, примитив

Для цитирования: Серикова, Т. Ю. Проблема построения субъективной реальности в искусстве (на примере творчества Александра Сурикова) / Т. Ю. Серикова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 119–127.

В современном искусствоведении актуальна проблема субъективного восприятия художником объективной реальности и ее влияние на процесс создания произведения искусства, в том числе в живописи. Актуальность избранной темы обусловлена поиском новых подходов к проблеме познания мира, в том числе и через художественное творчество, через создание новых, не бывших прежде субъективных моделей мироздания¹. Поскольку современное искусство носит интегративный характер, то для достаточно точного исследования заявленной темы требуется междисциплинарный подход,

сочетающий в себе методы как философии, так и искусствоведения.

На наш взгляд, одним из наиболее интересных в данном плане живописных стилей является примитивизм, так как он позволяет автору достаточно свободно подвергать трансформации образы объективной действительности. Примитивизм² зародился в профес-

¹ Об основных принципах данного процесса мы писали в работе «Мифологизация и идеализация понятий “дом”, “семья”, “земля” в изобразительном искусстве» [4].

² Близким к указанному направлению является наивное искусство. Художники данного направления (что важно, они все без законченного профессионального образования, т. е. любители) используют те же жанры, сюжеты, эстетические установки (даже отчасти методы и приемы работы), что и профессионалы. Характерная черта наивного искусства заключается в несоответствии канонам академического искусства. В XX в. широкую известность и международное признание получили, к примеру, такие «наивные» художники-самоучки, как знаменитые Нико Пирсма и Анри Руссо или хорват Иван Генералич. Несхожесть форм воплощения в материале примитива и наивного искусства искупается общим для них духом искренности и эмоциональности образов, а также общностью выразительных приемов.

сиональной художественной среде вследствие необходимости поиска новых, более действенных и не существовавших ранее средств выразительности. Кроме того, данное художественное направление позволяет живописцу, отбросив условности «большого стиля», вполне проявить авторскую субъективность при преобразовании объективной реальности.

Практически все авангардистские течения (абстракционизм, конструктивизм, кубизм, экспрессионизм, дадаизм и футуризм), бурно развивавшиеся в XX столетии, хотя и в разной степени, но так или иначе контактировали с живописью примитива. Н. Ф. Федотова в работе «Примитивизм: к вопросу о понятии», проанализировав достаточное большое количество исследований, посвященных данной теме, делает вывод о том, что «примитивизм не является признаком какого-либо определенного художественного течения. Он обнаруживает себя и в символизме, и в футуризме, и в акмеизме. Это осознанная творческая позиция, суть которой заключается в стремлении приблизиться к заведомо примитивному уровню сознания (в возрастном (детство), культурно-образовательном или культурно-историческом отношении) с целью восстановления гармонии с окружающим миром» [9, с. 214].

Многие художники частично заимствовали примитивистские приемы и методы. В качестве примера можно назвать имена Пабло Пикассо и Марка Шагала, Хуана Миро и Пауля Клее. Причина такой популярности непрофессионального искусства у художников, получивших классическое художественное образование, видимо, в том, что примитивизм для технократического XX в. стал символом утраченной искренности и первобытной чистоты искусства.

Неопримитивизм, укрепивший свои позиции на рубеже XX и XXI вв., является логическим продолжением примитивизма как направления профессионального искусства и не имеет с ним принципиальных расхождений. Разница заключается лишь в добавлении в содержание маргинальных и сатирических «жестких» тем, а также неконформистских тенденций. Современные художники данного

толка зачастую осознанно противопоставляют себя социуму и государству, строя свое творчество на анархических принципах (это красноярские художники В. П. Слонов, В. В. Сачивко, М. И. Шараев [3]).

В технике примитивизма работает и Александр Суриков¹ – один из ведущих молодых российских художников. Хотя художник ведет достаточно активную выставочную деятельность² и его живописные и графические произведения находятся в музеях как в России, так и за рубежом, его искусство еще недостаточно внимательно изучено культурологами и искусствоведами. В данной статье впервые осуществлен комплексный анализ и предложен междисциплинарный подход в интерпретации его работ. На произведениях А. Сурикова хорошо видно, как художник, выстраивая из созданных им образов новую, субъективную реальность, стремится постичь форму и содержание объективной реальности. Отметим, что нас в первую очередь интересует субъективное.

Образный строй произведений Александра Вячеславовича близок стилистике примитива. События повседневной жизни и собственные фантазии – все это, не ограничиваемое правилами и культурно-социальными нормами, становится тематикой его картин, в которых присутствуют как панорамные виды «некого большого города» («Ночной город»), так и его фрагментарные изображения (серии «Новый город», «Пробка»), а также сельская жизнь («Деревня дарит радость»). На равных правах с реальными животными на холстах существуют и метаморфозные существа («Жираф на снегу», «Шахматный кот», «Параллели: королева-самолет»). Автору интересны персонажи известных сказок и детских литературных произ-

¹ Суриков Александр Вячеславович (1971 г. р., Иркутск) – художник. В 1990 г. окончил Иркутское училище искусств, в 1998 г. – Красноярский государственный художественный институт. Также стажировался в творческой мастерской графики отделения Урал, Сибирь и Дальний Восток Российской Академии художеств (2001–2004) [8].

² Персональные выставки А. В. Сурикова прошли в Нью-Йорке (галерея «Файн Артифактс», 2000 г.), Красноярске, Иркутске, Новосибирске. В 2017 г. состоялось три персональных выставки художника: «Ы1» (Красноярск, Дом художника, открытие 4 мая), в галерее «Презентация» на базе Сибирского федерального университета (7 марта – 14 апреля), «4 коллекции» (виртуальная выставка в Красноярском музее современного искусства).

ведений («Идентификация Чебурашки»). Не обходит вниманием мастер и свадьбы («Свадебное фото»), отдых и увеселения, картины социальной жизни («Свобода», «В автобусе»). А. В. Суриков вступает в своеобразную переключку с классиками, к примеру, с Марком Шагалом («Лестница на небо») [5]. Словом, в его работах можно найти все, что составляет для художника интерес на данный момент.

Для анализа творчества художника необходимо понять его мировоззрение, знать его интересы в искусстве и ценностные установки. В одном из своих немногочисленных интервью А. В. Суриков говорит, что он «родился с мыслью быть художником, любил с детства рисовать», а полученное классическое художественное образование живописец считает необходимым [6], при этом стремится к созданию своей придуманной, «фантазийной» реальности, где всё возможно (например, «Валенок № 4», 2013. 60x80. Х., м.; «Клоун-полузаяц», 2003. 71x81. Бумага/цв. гравюра на двп; «Жираф на снегу», 2011. 70x40. Х. м.; «Возвращение Титаника», 2016. 95x110. Х., м.; «Фруктопортрет», 2006. 85x80. Х., м.; «Дельфины – друзья героев», 2006. 85x80. Х., м.). Подобное миропонимание и мироустроительство формируется в творчестве художника еще в годы учебы в Иркутском училище искусств после знакомства с творчеством Сальвадора Дали [6].

А. В. Суриков старается быть в курсе художественных событий, происходящих как в России, так и за рубежом, отвечая своим творчеством вызовам, брошенным другими художниками. К примеру, идея проекта «Город 24» (2011 г.) зародилась как ответ на серию работ «Doog» Гэри Хьюма.

Интересы Александра Вячеславовича лежат также в области стрит-арта. Выставки работ уличных художников постепенно выходят на уровень международных. Данное направление практически закрепилось как новый пласт культуры и есть вероятность того, что вскоре оно будет восприниматься последующими поколениями художников так же привычно, как и классическое искусство сегодня нами.

Творчество так называемых аутсайдеров, людей, которые по разным причинам оказались вне общества (душевно или телесно больных, заключенных), подкупает Сурикова своей искренностью [Там же]. Определенной художественной ценностью для Александра Вячеславовича обладают произведения искусства, созданные непрофессиональными живописцами, художниками-графиками и скульпторами, признанными маргиналами согласно своему социальному положению. Возможно, Сурикова в аутсайдер-арте привлекает наличие спонтанности и свободы от канонов традиционного понимания искусства. Замечательно, что все эти характеристики можно отнести в полной мере и к творчеству самого А. В. Сурикова.

Прежде чем перейти собственно к анализу работ исследуемого автора, обозначим первоначальные критерии оценки произведений художников (в частности, концептуалистов и примитивистов) в современном искусствознании.

Наиглавнейшее качество современного художника, позиционирующего свое творчество как актуальное искусство, – это так называемая концептуальность, означающая наличие у автора системы взглядов на что-нибудь, основную мысль либо замысел, определяющий теоретическое построение. Концептуальные произведения предполагают определенные правила их восприятия, зачастую идущие в разрез с общепринятыми. Поэтому данные работы требуют объяснения от художника. Для концептуалистов характерно стремление к познанию мироустройства, провоцирующее желание создать иную, не бывшую прежде реальность, показать привычное с непривычной стороны. Такой критерий, как системность, обозначает наличие «авторской» идеи, определяющей содержание произведения и проявляющейся в других картинах или рисунках. Сейчас от художника требуется еще и определенный уровень мастерства, предполагающий обладание профессиональными навыками живописца и рисовальщика. Забегая вперед, скажем, что все вышеперечисленные качества в полной мере характерны и для творчества А. В. Сурикова.

Вообще четко определить критерии оценки работ художников-примитивистов достаточно сложно, поскольку современное искусство находится на переломном этапе, изменяющем принципы традиционных для искусствоведения методов анализа. На основе междисциплинарного подхода разрабатываются новые критерии для оценки художественного творчества. Параллельно с формообразующими категориями ведется поиск этического идеала творчества, определяющего степень социального воздействия искусства. По причине того, что развитие неопримитивизма идет от образа к «знаку», наличие данного смыслообразующего элемента во многом определяет качество содержания произведений. Работам А. В. Сурикова свойственна характерность образов, их утрирование, отчасти даже шаржированность, доведенная до карикатурности. Живопись художника построена на поиске пластического «знака», некой «идеограммы». Развитие в подобном ключе ведет к созданию индивидуального стилевого направления. Все это в достаточной степени осложняет оценку работ красноярского «примитивиста» с позиций канонического искусствоведческого подхода.

Для аналитического исследования творчества А. В. Сурикова требуется комплексный подход, в основу которого должен быть положен принцип междисциплинарности. Его работы, выполненные как примитивистские, имеют неповторимую стилистику, подчеркивающуюся разнообразием форм, приемов и методов. Форма и содержание у художника обладают неразрывным единством, определяющим друг друга. Линейная перспектива, как в классических произведениях примитивистов, отсутствует. Пространство передается (если автором ставится такая задача) при помощи фигур разного размера и объема. Колорит строится на локальных оттенках, нет детализации в предметном мире, поскольку используются только самые общие, доведенные до стереотипности виды объектов окружающей среды. Также преобладает плоскостность, главный предмет выделяется за счет усиления его деформации. Композицию отличает нали-

чие ритмических повторов изображаемых объектов, их симметричность и некоторая нарочитая огрубленность деформации.

Принцип междисциплинарности по отношению к творчеству А. В. Сурикова предполагает, помимо традиционного искусствоведческого формально-стилистического анализа, и философский подход. Содержание произведений художника в достаточно большой степени обусловлено стремлением автора к архетипическому мировосприятию, являющемуся субъективно-объективным феноменом и подвластному исследованию по его соотношению с сознательным. Соотношение и значимость субъективного и объективного в образном строе произведений Сурикова зависит как от личности самого художника, так и от его взаимодействия с окружающей средой. Источником иллюзий, мистификаций выступает сам автор произведений, создающий образы, не свойственные общественному сознанию в целом. Построение картины мира в живописных и графических работах Александра Вячеславовича происходит с помощью символов и знаков, формирование которых есть результат деятельности бессознательного.

Отдельного внимания требует анализ склонности автора к такому способу формирования образного строя своих произведений, как игра [См. подробнее об определении игрового элемента культуры: 12]. Обозначить творческий метод Сурикова в силу достаточно высокой профессиональной подготовки как чисто примитивистский нельзя, ведь примитивизм сам по себе предполагает отказ автора от принципов реалистического метода изображения объективной действительности. Внимательный формально-стилистический анализ приемов, методов, а также содержания и образного строя произведений Александра Вячеславовича покажет, что автор ведет своеобразную игру со своим потенциальным зрителем, прячась за нарочито примитивистски сгенерированными образами. Подобная «игра в примитив», возможно, является маской, мистифицирующей как творчество, так и реальную жизнь художника в качестве члена социума. Получается та-

кая своеобразная «жизнь Александра Сурикова, придуманная им самим». Не зря в одном из своих интервью он, вспоминая о начале своего интереса к подобному стилю творчества, говорит о Сальвадоре Дали [6], который, по сути, был одним из первых селф-имиджмейкеров.

Показательны среди работ А. В. Сурикова три цикла, объединенные в проекте «Город 24». Как говорилось выше, они были ответом на серию работ «Door» Гэри Хьюма, входившего в группу YBA (Young British artists). Выполненные в начале 1990-х гг., они включали в себя разнообразные сюжетные композиции – от обнаженной натуры до снеговиков и обладали доведенной почти до зеркального блеска поверхностью. Холсты красноярского художника, представляющие иллюзорные, нарисованные дома, созданы на основе краски, замешанной на песке или цементе, т. е. дома «построены» с помощью строительного раствора. Суриков, ведя диалог с Хьюмом [14], в отличие от «блестящих» металлических работ британца, делал их нарочито матовыми (рис. 1).

Рис. 1. Новый город. 2011. 80x90. Х., м.

Помимо игры в «контр-фактуры», Суриков в серии «Новый город» обращается к образу дома. Изначально в гуманитарных науках архетип «Дом» позиционировался как символ места, где человек находится в защищенном от внешнего мира состоянии. Считая себя частью данного определенного пространства, индивид воспринимал его как родину, что в значительной мере гармонизировало его духовное начало. В современную эпоху данное понятие утрачивает свое значение как родного места и становится неким безымянным пунктом для временного пребывания

такого же обезличенного человека или глобализированной общественной единицы [7].

Усиление интереса как в искусстве, так и в философско-культурологических исследованиях к образу и архетипу Дома как идее, способной спасти будущее человечества, обусловлено актуализацией вопроса о судьбе нашей цивилизации в целом [11]. Дом в этих произведениях и исследованиях предстает как один из базовых архетипов для миропонимания человека на протяжении всего его существования.

Дома у Сурикова (в данной серии) – это безглазые и непреодолимые монстры в виде крепостных стен, не имеющих краев ни внизу, ни вверху. Недостроенные типовые здания наползают и закрывают землю и небо, готовясь принять таких же обезличенных жителей. Словно на штамповочном конвейере, вырисованы клоны одинаковых окон-дырок. Теплоты жилища, характерной для домашнего очага, не будет в доме, который больше похож на улей рабочих пчел. Еще тяжелее воспринимаются работы, изображающие торцы панельных новостроек без окон. Художник воплотил здесь свою давнюю мечту изобразить что-то, что, являясь реалистическим объектом, выглядело бы как абстракция [6].

Достаточно сложно систематизировать средства и методы, характерные для творчества А. В. Сурикова, поскольку художнику «интересно любое проявление творчества, без разграничения плохого и хорошего» [Там же]. Александр Вячеславович находится в постоянном поиске как тематики произведений, так и средств выражения вложенного в них содержания. Для создания работ он использует навыки и умения, приобретенные в классических художественных заведениях, где он проходил обучение, а также средства выражения, присущие современному искусству.

Все же по формальным признакам картины и гравюры можно систематизировать по принципу «говорю или рисую». Есть работы, направленные на выражение некоего словесного трюизма, например, выполненные в 2008 г. в мастерской-резиденции в Шаргороде (Украина). Созданная серия, по словам самого художника [6],

является «визуализацией крылатых выражений: “Любовь-морковь”, “Сапоги-сорокоходы” или “Скатерть-самобранка”». К примеру, картина «Ковер-самолет» (2008. 100x150. Х., м.) изображает ковер с прорезанным в нем самолетом, контуры которого стилизованы под детское творчество. В эту же идейно-содержательную систему можно вписать и работы, выполненные совсем недавно, к примеру, «Идентификация Чебурашки» (рис. 2) или холсты из серии «Пары» того же года (рис. 3).

Рис. 2. Идентификация Чебурашки. 2016. 99x79. Х., м.

Рис. 3. Серия «Пары». 2016. 100x85. Х., м.

Работы скорее визуальные, чем вербальные отличает более высокая образно-художественная выразительность. Таковы практически шедевральной по степени искренности сопереживания картина «Фокус не удался», а также «Желтая ночь» (2006. 40x50. Х., м.). Серьезная до трагичности работа «Фокус не удался» (рис. 4) посвящена извечной любовной войне мужского и женского миропонимания. На картине разъяренная на части одинокая душа-женщина, доверившаяся фокуснику-мужчине, трусливо спрятавшемся в кулисы, выставлена на обозрение дикой и жадной до кровавых сенсаций толпы, которую художник изобразил как орнамент из глаз, носов и ртов на фоне мрачной черноты зрительного зала.

Рис. 4. Фокус не удался. 2007. 140x70. Х., м.

Интересны также работы, имеющие в своем образном строе объекты из картин художников-классиков, к примеру «Лестница на небо» (2006. 80x90. Х., м.), где «Влюбленных над городом» Марка Шагала заменили ангел в цилиндре с курящей трубку рыбой. Причем рыба как персонаж довольно часто изображена на картинах А. В. Сурикова.

Одна из частей цикла «Город 24» называется «Лица улиц», что звучит как аллитерация и является, по сути, игрой слов. Это весьма излюбленный для А. В. Сурикова прием, причем как в живописном, так и в литературном творчестве. Серия «Пробки» представляет собой так называемый задний фасад городского автомобильного транспорта. Подобный прием представления какого-либо объекта с его непарадной стороны очень характерен для Сурикова, склонного к игре в прятки с обществом и реальностью.

За привычными символами и знаками, понятными и знакомыми большинству людей, скрываются совершенно иные, а порой и противоположные общепринятым значения. Суриков любит путать зрителя в хитросплетениях смыслов. В небольшом авторском предисловии к выставке в Красноярском музейном центре «2 в 1 или метаморфозы бензовоза» (открытие состоялось 28 марта 2014 г.), на которой были представлены такие произведения, как «Валенок № 4» и «Точка: ру» (2004. 80x75. Цв. линогравюра), художник высказался о своих работах следующим образом: «В основе проекта лежит легковоспламеняющийся дуализм, который с помощью специальной техники поцелуя для перевозки нефтепродуктов преобразует процессы, происходящие во Вселенной...» [1]. Иными словами, зрителям дается свобода

в поиске или совершенном игнорировании смысла представленных на выставке работ.

В работе «Картина» (рис. 5) нарисованное изображение на черно-глубоком фоне-пространстве живее и объемнее жизни реальной, плоской и предсказуемой, как обои в вертикальную полоску с назойливым узором. То есть мир субъективных образов, придуманных художником, оказывается как для автора, так и для зрителя более реальным и интересным, чем объективная действительность. Холст в целом несет довольно позитивный, радостный настрой и отличается отсутствием негативных и излишне деформированных персонажей.

Рис. 5. Картина. 2010. 70x70. Х., м.

Произведения А. В. Сурикова 2016 г. более социализированы и построены на локальных гротескных образах. Возможно, художник идет по пути углубления образного языка с целью драматизации изображения и усиления эмоциональной выразительности. «Голова всадника без головы» того же года стала одной из самых мрачно-трагических в его творчестве. Работы из серии «Пары» (рис. 3) лаконичны, монохромны и излишне лапидарны. Для описания композиций художника из этой серии возможно применение так называемой теории кажимостей или видимостей [10]. Исходя из этой философской категории, означающей «определение истинного бытия, основанное на чувственно-воспринимаемом, внешнем явлении предмета познания» [Там же], можно сказать, что художник пытается дать описание видимому миру посредством образов, которые возникли в его личном «чувственном восприятии этой вещи» [Там же]. По сути, в них продолжается столь любимая А. В. Суриковым игра в «уга-

дайку», теперь с геометрическим подтекстом: на плоскости нарисован круг, и это что или кто? Нет, это просто круг [12]. Все вышеизложенное объясняется желанием художника «найти что-нибудь реалистическое, но чтобы смотрелось как абстрактное» [6].

При таком ярко выраженном нонконформистском характере творчества художник считает возможным работать и в русле традиционного, почти реалистического мировоспроизведения, создавая параллельно с линией основного своего творчества произведения, тематически и стилистически ориентированные на вкусы потенциальных покупателей. Подобное «ремесло» для Александра Вячеславовича не входит в конфликт с общей направленностью его деятельности, поскольку он считает, что «когда параллельно ведешь две какие-то линии: в контрасте что-то и рождается» [Там же]. Хотя все же художник склоняется к тому, что истинное произведение искусства не должно «представлять из себя аттракцион», а зритель должен «остановиться напротив произведения и подумать о жизни» [Там же].

Подводя итог, отметим, что одним из главных творческих методов А. В. Сурикова является осознанное усиление значения субъективного фактора, выраженного через намеренное смешивание объективной и субъективной реальности, которые не отрицают, а дополняют рациональность иррациональными образами, делая ее сверхреальной.

Поскольку творческий процесс в духовной сфере возможен и вне связи с объективной действительностью, то попытку художника создать новый мир, состоящий из константных субъективно читаемых образов, можно рассмотреть и как способ понять форму и содержание разнообразного и постоянно меняющегося мира, что, по сути, является предпосылкой творчества как такового. Также в этой связи следует сказать, что методы творчества А. В. Сурикова обуславливают его рационалистически-интуитивный тип. Его творчество носит характер как целенаправленной деятельности, так и интуитивности, определяемой интегративностью, целостностью, законченностью результатов.

Нельзя не сказать и о том, что характер образного строя произведений художника отражает миропонимание автора. В произведениях А. В. Сурикова дана интерпретация картины мира через представленные субъективные модели мироздания. Картина мира в его графических и живописных работах состоит из разрозненных образов, выстраивающихся в новый, не бывший прежде причудливо-случайный калейдоскопический узор, образующийся при каждом встряхивании его личной, субъективно устроенной системы «мир во мне и я в мире», для которой характерен диссонанс субъект-объектных связей в воспроизведении и в восприятии окружающей действительности.

Во многих работах А. В. Сурикова, представляющих реалии современной культуры, цивилизация противопоставлена человеку, поскольку основана на логике главенства общества над личностью и подавления ее уникальности. Раздробленность и мозаичность элементов в произведениях художника соответствуют эклектичному характеру современной ему объективной реальности, а также выступают как элементы бессознательного, транслируя его картину мира в символично-знаковой форме.

В ходе анализа избранных произведений искусства доказывается, что художник, выстраивая из созданных им образов новую, субъективную реальность, стремится постичь форму и содержание реальности объективной.

1. 2 в 1, или Метаморфозы бензовоза. Александр Суриков (28 марта 2014 – 28 мая 2014) [анонс выставки] [Электронный ресурс] / Музейный центр «Площадь Мира». – Режим доступа : <http://www.biennale.ru/event/210?special=0>.
2. Бобринский, А. А. Картина мифа: наивное искусство советского народа / А. А. Бобринский // Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия : материалы Междунар. науч. конф. X Колосницынские чтения, 24 апр. 2015 г. / [редкол. : Рабинович Е. И. (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – С. 144–148.
3. Будулак, О. Искусство скандала: семь красноярских художников-бунтарей [Электронный ресурс] / О. Будулак // Культура. – 2015. – 10 нояб. – Режим доступа : <https://prmira.ru/article/iskusstvo-skandala-sem-krasnoyarskih-hudozhnikov-buntarej>.
4. Москалюк, М. В. Мифологизация и идеализация понятий «дом», «семья», «земля» в изобразительном искусстве / М. В. Москалюк, Т. Ю. Серикова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 3 (47). – С. 87–93.
5. Рябова, А. Выставка Александра Сурикова «Ангел над городом» [Электронный ресурс] / А. Рябова ; фотогр. А. Баратов // IRK.LAND: Иркутский сайт. – 2017. – 13 апр. – Режим доступа : <http://irk.land/news/angel-nad-gorodom/>.
6. Семенова, А. А. Художник Суриков. Не Василий [Электронный ресурс] / А. А. Семенова. – Режим доступа : <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/191>.
7. Скибицкий, М. М. Глобализация и задачи обновления духовных ценностей российского общества / М. М. Скибицкий // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. – 2015. – № 1 (17). – С. 13–19.
8. Суриков, Александр Вячеславович [Электронный ресурс] / А. В. Суриков. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Суриков,_Александр_Вячеславович.
9. Федотова, Н. Ф. Примитивизм: к вопросу о понятии / Н. Ф. Федотова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 12 (26) : в 3-х ч. Ч. I. – С. 209–214.
10. Феррони, В. В. Теория «Симулякров» Ж. Бодрийяра: «Ностальгия по настоящему» / В. В. Феррони // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 225–227.
11. Финк, Э. Основные феномены человеческого бытия / Э. Финк. – Москва : Канон, 2017. – 432 с.
12. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. / Й. Хейзинга ; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – Москва : Прогресс, 1992. – 464 с.
13. Черноситов, П. Ю. Доминирующие архетипы как основа картин мира различных субкультур / П. Ю. Черноситов // Пространства жизни. К 85-летию Б. В. Раушенбаха : сб. ст. – Москва, 1999. – С. 308–322.
14. Gary Hume: Door paintings (Modern Art Oxford. 15 June – 31 August 2008) [Electronic resource]. Available from : http://www.artcornwall.org/exhibitions/Gary_hume.htm.

Получено 31.05.2017

T. SerikovaCandidate of Art Criticism,
Siberian Federal University
E-mail: serikova_72@mail.ru**PROBLEM OF FORMATION OF SUBJECTIVE REALITY IN ART
(ON THE EXAMPLE OF ALEXANDER SURIKOV CREATIVE ACTIVITY)**

Abstract. This survey is devoted to the analysis of one of the ways of objective reality learning by means of creation new subjective models of universe. The urgency of the topic chosen for studies is based on searching for new approaches to the learning of universe through artistic creation. The authors used complex of methods both general scientific and highly-specialized ones (philosophical, art-critic and psychological) as the main tools of the survey. While analyzing the chosen works of art the authors have proved that an artist creating a new reality using his own images seeks to comprehend the form and content of subjective reality.

Works by Alexander Surikov taken as experimental materials have been deliberately stylized in a primitive manner that characterizes the creative activity of the artist as of a game with potential viewers. For the first time we have carried out a comprehensive analysis and offered an inter-disciplinary approach to his works interpretation. We have also made an attempt to systematize artistic means and methods characteristic for A. V. Surikov's creative activity and have interpreted the artist's paintings of universe through subjective model of universe understanding. The absence of distinction between subjective and objective reality is considered as one of the main creative methods of A. V. Surikov. Fragmentation and mosaic structure of elements in the works of the artist acting as constants of the world of his works, equally correspond to the eclectic character of his contemporary objective reality.

Keywords: fine arts of Krasnoyarsk, Alexander Surikov, subjectivity of perception, primitive

For citing: Serikova T. 2017. Problem of formation of subjective reality in art (on the example of Alexander Surikov creative activity). *Culture and Arts Herald*. No 3 (51) : 119–127.

References:

1. 2 v 1, ili Metamorfozy benzovoza. Aleksandr Surikov (28 marta 2014 – 28 maya 2014) [2 in 1, or fuel truck Metamorphoses. Alexander Surikov (on March 28, 2014 – on May 28, 2014)] [Electronic resource]. Museum centre “Peace Square”. Krasnoyarsk. Available from : <http://www.biennale.ru/event/210?special=0>. (In Russ.).
2. Bobrihin A. 2015. Picture of myth: naive art of the soviet people. *Sovetskiy sotsiokul'turnyy proekt: istoricheskiy shans ili global'naya antiutopiya* [Soviet socio-cultural project: a historical chance or global anti-utopia]. Ekaterinburg : Gumanitarnyy universitet. P. 144–148. (In Russ.).
3. Budulak O. 2015. The art of scandal: seven Krasnoyarsk rebel artists. *Culture*. 10th of November [Electronic resource]. Available from : <https://pmira.ru/article/iskusstvo-skandala-sem-krasnoyarskiy-hudozhnikov-buntarej> (accessed : 30.01.2017). (In Russ.).
4. Moskalyuk M., Serikova T. 2016. The Mythologization and idealization of the concepts of “house”, “family”, “earth” in the fine arts. *Culture and Arts Herald*. No 3 (47) : 87–93. (In Russ.).
5. Riabova F. 2017. Alexander Surikov's exhibition “Angel over the city” [Electronic resource]. *IRK.LAND. Irkutskiy sayt* [IRK.LAND. Irkutsk website]. 13th April. Available from : <http://irk.land/news/angel-nad-gorodom/>. (In Russ.).
6. Semenova A. 2011. Khudozhnik Surikov. Ne Vasilii [The artist Surikov. Not Basil] [Electronic resource]. Available from : <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/191> (accessed : 30.01.2017). (In Russ.).
7. Skibitskii M. 2015. Globalization and the task of updating spiritual values of the Russian society. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. No 1 (17) : 13–19. (In Russ.).
8. Surikov, Aleksandr Viacheslavovich [Electronic resource]. Available from : https://ru.wikipedia.org/wiki/Surikov,_Aleksandr_Vjacheslavovich/ (accessed : 30.01.2017). (In Russ.).
9. Fedotova N. 2012. Primitivism: to the question about notion. *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*. Tambov : Gramota. No 12 (26) : part 1 : 209–214. (In Russ.).
10. Ferroni V. 2001. The theory «Simulacre» J. Baudrillard: «Nostalgia for the present». *Proceedings of Voronezh State University. Series 1. The humanities*. No 2 : 225–227. (In Russ.).
11. Fink E. 2017 Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya [The main phenomena of human existence]. Moscow : Kanon. 432 p. (In Russ.).
12. Heizinga J. 1992. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow : Progress. 464 p. (In Russ.).
13. Chernosvitov P. 1999. Dominant archetypes as the basis of world paintings of various subcultures. *Prostranstva zhizni. K 85-letiyu B. V. Raushenbakha* [Spaces of life. To the 85th birthday of B. Raushenbach]. Moscow. P. 308–322. (In Russ.).
14. Gary Hume: Door paintings (Modern Art Oxford. 15 June – 31 August 2008) [Electronic resource]. Available from : http://www.artcornwall.org/exhibitions/Gary_hume.htm. (In Eng.).

Recived 31.05.2017

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЖАНРОВ СВАДЕБНО-ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Традиции обрядовой культуры сохраняют и транслируют наиболее значимые духовно-нравственные ценности и нормы, необходимые для нормальной жизнедеятельности общества в современных условиях. Функционирование музыкальных жанров в контексте свадебно-обрядового комплекса несло на себе существенную смысловую нагрузку при организации и проведении жизненно важного события, определяло ход обрядового действия. Свадебный обрядовый комплекс Челябинской области представлен такими музыкальными жанрами, как причитания и песни, «комментирующие определенные обрядовые ситуации», функциональное наименование которых обозначило главную цель статьи. Основными механизмами, обуславливающими функционирование причитаний и песен в обряде, являются мотивы расставания невесты с родительским домом, прошлой девичьей жизнью и перехода ее в дом мужа. Ансамбль подружек выполнял основную смысловую нагрузку обрядовых действий перехода (комментировал, направлял и указывал на последующий ход действия). Музыкальное наполнение свадебно-обрядового комплекса выступало важным структурным компонентом, регламентировало поведение участников, усиливало ритуально-магическое значение, играло роль механизма моделирования и организации обрядового действия.

Ключевые слова: свадебный обрядовый комплекс, музыкальные жанры, свадебные причитания, песни, комментирующие обрядовые действия, функции

Для цитирования: Сафонова, Н. А. Функциональное определение музыкальных жанров свадебно-обрядового комплекса Челябинской области / Н. А. Сафонова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 128–133.

Традиции как явление социокультурное приобретают свойства и характеристики, порожденные социальными и культурными воздействиями. Стабильность, воспроизводство и преемственность этнических традиций зависят от сохранности традиционных знаний в конкретных этнических группах, а точнее, от создаваемых для этого условий. «В естественных для фольклора условиях бытования его произведения не существовали и не существуют в виде вещей, материально обособленных: фольклорное произведение в “закодированном” виде хранится памятью. Будучи подвержено изменениям во времени, оно неизбежно гибнет, если не усваивается памятью следующих поколений» [1, с. 264]. Передача и сохранение традиционных знаний от поколения к поколению является необходимым условием для благополучного развития этноса.

Учитывая глобализацию и динамику социокультурной ситуации, особенно важно актуализировать в современном культурном поле отдельные элементы и целые направления обрядовой культуры прошлого, связанные с институтом брака. Они сохраняют и транслируют наиболее значимые духовно-нравственные ценности и нормы, необходимые для нормальной жизнедеятельности общества в современных условиях. На наш взгляд, обращение к обрядовым традициям происходит лишь в том случае, если они отвечают настоящему, созвучны потребностям современной жизни. Их актуализация – ответ на социокультурные изменения, воспроизведение которых осуществляется по-новому, на «новый лад». Если в традиционном обществе «закрепление полученной с помощью “живого” опыта информации обеспечивалось в процессе адекватного усвоения семейных и об-

шественных традиций, благодаря непосредственному участию человека в повседневных практиках, устоявшихся обрядах, культах, ритуалах, то в новых условиях не всегда сохраняется исходное значение и содержание информации при ее передаче» [7]. Культурологическое осмысление каждого из структурных компонентов традиционного свадебно-обрядового комплекса, выявление сущности и их функционального предназначения способствует раскрытию ценнейшей информации по истории функционирования культуры в прошлом, а также ее трансформации в настоящем и будущем.

Музыкальное наполнение свадебного обряда играло огромную роль в организации и проведении жизненно необходимого события, несло на себе важную смысловую нагрузку, определяло ход обрядового действия. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций показывают, что в каждой территориальной зоне закрепляется свой круг песенных сюжетов, и они достаточно разнообразны. Свадебные песни и причитания в обряде – явление не случайное: каждая из них имеет свое строго определенное место и выполняет ту или иную функцию в зависимости от обрядового назначения.

Функционирование многих музыкальных жанров в контексте обрядового комплекса традиционно связывают с верой в их магическую силу [2, с. 202; 8, с. 47–50]. Миропонимание наших предков, сакральное отношение и вера в божественные силы природы способствовали, наряду с ритуальными заклинательными действиями, направленными против нечистой силы, бытованию песен в обряде, которые являются наиболее архаичным пластом в жанровой классификации фольклора.

Свадебный обрядовый комплекс Челябинской области¹, будучи центральным обря-

дом жизненного цикла, представлен такими музыкальными жанрами, как причитания и песни, «комментирующие определенные обрядовые ситуации» [4, с. 97]. Бытовали и сольные, и совместные групповые, т. е. имевшие коллективную форму исполнения, свадебные причитания. Сольные причитания исполнялись невестой, матерью либо специально приглашенной *плакальщицей*, наиболее активно – на *девишнике*, т. е. накануне или утром свадебного дня (в зависимости от района). Групповые причитания исполнялись ансамблем девушек-подружек в довенечный период («выть на зорю», посещение могил умерших родителей, обход дворов).

Традиционно утро свадебного дня начиналось с бужения невесты причитанием матери («Вставай-ка ты, моя мила доченька», Ашинский р-н), в котором в форме диалога матери с дочерью раскрывается тема нерадостного сна, предвещавшего будущее расставание. Это причитание семантически настраивало участников на особый, самый волнительный и тяжелый этап обряда – расставание. В рамках последующих обрядовых действий (одевание и подготовка невесты к венцу, одаривание подруг лентами на *девишнике*, благословение невесты, ожидание жениха и его *сродства*) исходя из той или иной обрядовой ситуации, как по нарастающему, исполнялись причитания либо *печальные* песни.

В зависимости от статуса невесты – сирота/не сирота – дальнейший ход свадьбы разворачивался в ту или иную сторону. Невесте-сироте пели особые сиротские песни («Перепелочка», Катав-Ивановский р-н) [9, с. 60]. Также с ней было связано еще одно ритуальное действие – «выть на зорю». Каждое утро от сватовства и включительно до утра свадебного дня невеста с подругами выходила за ворота и причитали «на зорю», исполняя «Вы подуйте, ветры буйные» (Пластовский р-н). Это причитание имеет двойную функциональную приуроченность. С ним же невеста в сопровождении подруг ходила на кладбище просить заочно благословения у умерших родителей. В подобных причитаниях звучит обращение невесты к

¹ В данной статье используются материалы фольклорно-этнографических экспедиций, собранные кафедрой этнокультурного образования (с участием автора) Челябинского государственного института культуры в следующих районах Челябинской области: Ашинский (г. Миньяр, с. Биянка, с. Муратовка), Брединский (п. Андреевский, п. Бреды, п. Мариинский, п. Наследничий), Каслинский (п. Воздвиженка, с. Багаряк, с. Воскресенское, с. Ларино), Катав-Ивановский (с. Орловка, с. Серпиевка), Пластовский (г. Пласт, д. Демарино, д. Михайловка, с. Кочкарь); а также в Архангельском р-не Р. Башкортостан (с. Красный Зилим) в период с 1998 по 2016 г.

умершему родителю (*тятеньке/мамыньке*) с просьбой «*восстать из гроба*» и «*сходить во божью церкву*» с целью «*благославить родиму доченьку идти во чужи люди*».

Утром свадебного дня невеста с подругами совершала *обход дворов* (приглашение родственников), во время которого под окнами девушки совместно причитали «Над окошкиными, над хоромами» (Пластовский р-н). Здесь актуализированы моменты обращения-жалобы невесты к *хрёсной* (и другим родственникам) «*печь блины с оладьями*», нести их «*к невестушке, к печальной кручинушке*» в связи с отказом ее родителей от «*сваёву*» (родного) дома и уходом невесты «*в чужие люди*». Основными механизмами, определяющими функционирование причитаний и песен на данном этапе обряда, являются мотивы расставания невесты с родительским домом, ее подругами, прошлой девичьей жизнью и перехода ее «*в чужи люди*».

Песни *девишника* опевали определенную обрядовую ситуацию и, несмотря на просьбы-обращения невесты о перемене родительского решения («*да нилизя ли эту думушку раздумати*»), утверждали окончательное завершение сделки и необратимость происходящего события – «*по рукам дело ударена, залата казна расцитана, зияняя вино распита*» («Зеленая рощица», Катав-Ивановский р-н).

К обрядовому акту прощания невесты с родными были приурочены *печальные*, прощальные песни «При последнем девьем вечере» (Ашинский р-н), «Зеленая рощица» (Катав-Ивановский р-н), «Лебедушка», «Ой, там на горе» (Брединский р-н), которые психологически настраивали, эмоционально мотивировали участников обряда на необходимый лад. Именно функция песенного сюжета зачастую определяла его место в обряде. Звуковая сторона исполнявшихся причитаний и песен усиливала эмоциональный настрой, в результате чего выступала регулятором поведения, механизмом моделирования и организации обрядового действия.

Ожидание и встреча свадебного поезда сопровождалась исполнением песен, в кото-

рых, в отличие от опевания, была усилена величальная функция. Песни этого этапа одновременно и комментировали происходящее, и величали (чествовали) главных действующих лиц ритуала: невесту, ее родителей, родственников, жениха и его *сродство*, поэтому исследователи справедливо называют их полифункциональными [3; 5; 6].

В период ожидания жениха девушки-подружки величают родственников со стороны невесты. В величальной песне «Как у Клавдии за горницу» (Катав-Ивановский р-н), исполнявшейся родителям невесты, повествуется о скором свершении намеченной сделки. Девушки в процессе величания комментируют и тем самым утверждают задуманное в реальности: «*Как у Клавдии за горницу, уродилась рожь с овсом. Пойдем ли, пойдем, сожнем рожь с овсом*». Эти слова звучат как призыв, заклинание к предстоящему событию, мотив которого развивается в последующих величаниях, адресованных родственникам невесты («Пропал, пропал золот перстень», Катав-Ивановский р-н; описывается пропажа золотого перстня «*да у Кати со руке*» и нахождение его у Василия, который сможет вернуть перстень при условии, если «*косу расплетишь, коли на две раскладешь, по имени назовешь, по отчеству свеличаешь*»).

Обряды перехода, связанные с противостоянием роду жениха, актуализируются во время встречи *поездников* (Брединский р-н) / *поезжан* (Катав-Ивановский р-н) и выражаются в выстраивании преград роду жениха (свадебному поезду), усложнении доступа к невесте, требовании платы за величания, исполнявшиеся жениху («А кто у нас умен?», Катав-Ивановский р-н), дружке («Ой ты, дружка ли, друженька», Ашинский р-н), свахе («У нас свахынька молодая»), родственникам жениха («Из-под гория», Катав-Ивановский р-н). За отказ от одаривания девушек за величания исполнялись корильные песни.

Необходимо заметить, что роль девушек-подружек в период от сватовства и до отъезда к венцу была велика. Они выполняли основную функциональную смысловую нагрузку

данного периода, были активными участниками обрядовых действий и ритуалов, и по тому, что они пели, можно было иметь представление о происходящем этапе свадебного действия. Исполнители (ансамбль подружек) выступали в роли режиссера, были распорядителями данного периода: они создавали, приказывали, комментировали, направляли и указывали на последующий ход действия.

В процессе перехода невесты из родительского в дом мужа, а именно после ее выкупа, основная функция опевания последующих действий обряда переходила на замужних женщин. Их репертуар включал немногочисленную группу песен, величаний молодым либо отдельно *молодуче* как на первый, так и на второй дни свадьбы. Имеющая достаточно широкое распространение на территории Южного Урала песня «Молодка, молодка», чаще всего исполнявшаяся *молодуче* на второй день свадьбы (Р. Башкортостан), в Брединском районе Челябинской области пелась в первый день свадьбы во время перевоза приданного невесты к жениху. «*“Молодку” поют, когда с постелью едут. Когда невесту заберут, постель выкупят, тут и к жениху едут. Невеста с женихом едут зимой на кошаве, на паре лошадей. За ими едут родители, а за родителями едут все гости. Кто едет, кто пешком идет, кто несет подушки, кто несет одеяла и поют: “Молодка, молодка, молоденькая”*»¹. Песня функционально комментировала ситуацию перехода невесты из одного социального статуса (незамужних) в новый – категорию *молодуче*. Далее в обряде *окручивания* невесты (надевание женского головного убора), происходящем в доме мужа, она представляла уже в новом качестве. Все последующие действия были направлены на наделение ее новыми обязанностями, утверждение ее в статусе *молодучи/молодой*.

Величание и чествование молодых продолжалось на протяжении всего свадебного дня. В Брединском районе на «гарным» (пер-

вый день свадьбы) после того, как всех обойдут «сыром» (обрядовое действие «на сыр положить» – одаривание гостями молодых), замужние женщины, гости пели молодым «Еще, чей это садок». «*Пели ее на гарным. Когда обойдут всех “сыром”. Сначала выпьют по рюмке, по другой, благословят невесту с женихом. Выпили, подарки подарили, потом начинают песни петь. Кто куда, кто на лавку, кто на стол. Здесь обычай на лавках петь. На лавки залезают и пляшут*». Песни-величания на данном этапе обряда формировали новый статус молодых в данном обществе. Последующие ритуальное веселье, пляска, смех должны были утвердить новую жизнь, символизировали возрождение молодых в новом статусе.

Таким образом, песни свадебного обряда всецело подчинены формированию, созданию самого обряда. Они являлись неким сводом правил свадебного действия: формулировали определенные задания для участников обряда, регламентировали их поведение, оповещали о предстоящем событии либо о совершении очередного этапа обряда. Ю. Г. Круглов, анализируя обрядовые песни, считал, что «в результате исполнения песен создавалась драматургическая ситуация, шире – драматургия обряда, ритуала» [6, с. 29]. Обрядовые песни органично вплетались в ход свадьбы, тем самым формируя совершение обрядовых действий, выступали связующим звеном, механизмом воздействия на участников обряда, служили неким ориентиром на его дальнейшее продвижение. Музыкальное наполнение свадебно-обрядового комплекса явилось важным структурным компонентом, регламентирующим поведение участников, коммуникативные взаимодействия, усилило ритуально-магическое значение обряда, повысило внутреннюю мотивацию его участников. Звуковая сторона обрядовой культуры формировала мировосприятие человека, помогала переосмыслить и благополучно преодолеть жизненно важные события человека.

В контексте социокультурных перемен в традиционном свадебно-обрядовом комплексе происходят изменения содержательно-смысловой и функциональной направленности, утрата

¹ Записано со слов участниц фольклорного ансамбля «Сударушка» п. Андреевский Брединского р-на Челябинской области в 2006–2007 гг. Запись автора.

значимости и актуальности составляющих традиционных компонентов и появление современных его интерпретаций на фоне существенных трансформаций в сфере семейных отношений. Сложные историко-культурные преобразования активизируют неизбежные процессы модернизации свадебного действия, несмотря на

это музыкальная составляющая обряда (и ее функциональное определение), хранящая в закодированном виде ценную культурную информацию, дает основание теоретического видения проблемы актуализации культурного потенциала традиционного свадебно-обрядового комплекса в современных контекстах.

1. Азбелев, С. Н. Фольклор в системе традиционной культуры / С. Н. Азбелев // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докладов. Т. 1 / отв. ред. А. С. Каргин. – Москва : Изд-во Гос. респ. центра рус. фольклора, 2005. – С. 258–271.
2. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 253 с.
3. Ефименкова, Б. Б. Драматургия свадебной игры Междуречья Сухоны и Юга и верховьев Кокшеньги (Вологодская область) / Б. Б. Ефименкова // Проблемы музыкальной науки : сб. ст. / сост. Г. А. Орлов и др. – Москва, 1973. – Вып. 2. – С. 198–242.
4. Калужникова, Т. И. Песенная традиция русского населения Среднего Урала: учеб. пособие для студентов музыкальных вузов / Т. И. Калужникова ; Урал. гос. консерватория им. М. П. Мусоргского. – Екатеринбург, 2005. – 200 с.
5. Карпухин, И. Е. Функциональная многозначность песен в русской свадьбе / И. Е. Карпухин // Литература и фольклор Урала (респ. сб. науч. тр.) / Перм. гос. пед. ин-т. – Пермь : [б. и.], 1979. – С. 18–34.
6. Круглов, Ю. Г. Русские обрядовые песни : учеб. пособие по спецкурсу для пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и лит.» / Ю. Г. Круглов. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1989. – 320 с.
7. Мадюкова, С. А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 [Электронный ресурс] / С. А. Мадюкова. – Новосибирск, 2008. – 21 с. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnyy-neotraditsionalizm-v-obryadah-zhiznennogo-tsikla>.
8. Народное музыкальное творчество : учебник для вузов / отв. ред. О. А. Пашина. – Санкт-Петербург : Композитор, 2005. – 568 с., нот. прим., ил.
9. Русские свадебные обряды горнозаводских сел Челябинской области : репертуар. сб. / авт.-сост. : Н. А. Сафонова. – Челябинск : ЧГАКИ, 2013. – 85 с.

Получено 05.06.2017

N. Safonova

Candidate of Culturology,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: natulya_natalka@mail.ru

FUNCTIONAL DEFINITION OF MUSICAL GENRES WEDDING-CEREMONIAL COMPLEX OF THE CHELYABINSK REGION

Abstract. The tradition of ritual culture preserves and transmits the most significant spiritual and moral values and norms, necessary for normal functioning of society in modern conditions. The functioning of musical genres in the context of wedding ritual complex carried important meaning in the organization and conduct of vital events that determined the course of ritual ceremonies. Wedding ritual complex of the Chelyabinsk region represented by such musical genres as lamentations and songs, “commenting on specific ritual situation”, is a functional

definition which defined the main goal of this work. The main mechanisms that determine the functioning of the laments and songs in the ceremony, are the motives of the parting of the bride with the parent house, past her girlish life and its transition in the house of her husband. Ensemble bridesmaids perform basic functional meaning of the ritual action transition (commented, directed and indicated on the subsequent course of the action). Musical content wedding-ceremonial complex as a major structural component, regulating the behavior of the participants was enhanced by ritual and magical significance, is the mechanism of simulation and the organization of ritual ceremonies.

Keywords: wedding ritual complex, music genres, wedding lamentations, songs, commenting on ritual actions, functions

For citing: Safonova N. 2017. Functional definition of musical genres wedding-ceremonial complex of the Chelyabinsk region. *Culture and Arts Herald*. No 3 (51) : 128–133.

References

1. Azbelev S. 2005. Folklore in the system of traditional culture. *Pervyy Vserossiyskiy kongress fol'kloristov*. T. 1 [The first all-Russian Congress of folklorists. Vol. 1]. Kargin A., ed. Moscow : Publishing house of the State Republican Center of the Russian folklore. P. 258–271. (In Russ.).
2. Baiburin A. 1993. Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obryadov [The ritual in traditional culture. Structural-semantic analysis of East Slavic ceremonies]. St. Petersburg : Nauka. 253 p. (In Russ.).
3. Efimenkova B. 1973. Drama wedding games between the Rivers Sukhona and the South and the upper reaches of Koxinga (Vologda region). *Problemy muzykal'noy nauki* [Problems of musical science]. Vol. 2. Moscow : 198–242. (In Russ.).
4. Kaluzhnikova T. 2005. Pesennaya traditsiya russkogo naseleniya Srednego Urala [The song tradition of the Russian population of the Middle Urals]. Ekaterinburg : Ural State Conservatory named after M. P. Mussorgsky. 200 p. (In Russ.).
5. Karpukhin I. 1979. Functional diversity of songs in Russian wedding. *Literatura i fol'klor Urala* [Literature and folklore of the Urals]. Zyrianov I., ed. Perm. P. 18–34. (In Russ.).
6. Kruglov IU. 1989. Russkie obryadovye pesni [Russian ceremonial songs]. Moscow : Vysshaya shkola. (In Russ.).
7. Madiukova S. 2008. Sotsiokul'turnyy neotraditsionalizm v obryadakh zhiznennogo tsikla (na primere zhenshchin tyurkskikh etnosov Yuzhnoy Sibiri) [Socio-cultural neotraditionalism in ceremonies of the life cycle (for example, women of the Turkic ethnic groups of southern Siberia)] [Electronic resource]. Available from : <http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnyy-neotraditsionalizm-v-obryadah-zhiznennogo-tsikla> (accessed: 04.06.2017). (In Russ.).
8. Narodnoe muzykal'noe tvorchestvo [People's musical creativity]. 2005. Pashina O., ed. St. Petersburg : Kompozitor. 568 p. (In Russ.).
9. Russkie svadebnye obryady gornozavodskikh sel Chelyabinskoĭ oblasti [Russian wedding rites of the mining villages of Chelyabinsk region]. 2013. Safonova N., comp. Chelyabinsk : Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 85 p. (In Russ.).

Received 05.06.2017

Н. К. Евдокимовааспирант, Уральская государственная
консерватория имени М. П. Мусоргского
E-mail: nmc-dpo2012@yandex.ru**«МУЗЫКА – МАТЕМАТИКА – ПСИХОЛОГИЯ»:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ В УРАЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОНСЕРВАТОРИИ ИМЕНИ М. П. МУСОРГСКОГО (1970–1980-е гг.)**

Актуальность избранной темы связана с обращением к общей проблеме интеграции научного знания во второй половине XX столетия и ее отражением в региональной российской музыкальной науке. Целью статьи является реконструкция истории создания и функционирования научно-исследовательской лаборатории «Музыка – математика – психология» в Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского (УГК) в 1970–1980-е гг. Источниковедческую базу составляют архивные фонды Уральской консерватории и Государственного архива Свердловской области, обращение к которым позволяет обнаружить новые документальные данные о развитии научных исследований в УГК. В настоящую работу введены ранее не публиковавшиеся сведения: об участии Уральской консерватории в деятельности межвузовского исследовательского объединения, о проведении на базе УГК Всесоюзной научно-практической конференции «Методология художественного мышления» (1971), о формировании проблемной лаборатории. В статье анализируются направления деятельности научного коллектива лаборатории в ракурсе интегративных тенденций, связанных с использованием в теоретическом музыкознании методологии точных наук и с вопросами психологии музыкального восприятия. Выявляется роль лаборатории в развитии исследовательской работы кафедры теории музыки УГК в русле междисциплинарных направлений.

Ключевые слова: интеграция наук, междисциплинарность и теория музыки, научно-исследовательская лаборатория, Уральская консерватория, ЭВМ в 1970–1980-е гг., вероятностно-статистический метод, психология музыкального восприятия

Для цитирования: Евдокимова, Н. К. «Музыка – математика – психология»: исследовательская лаборатория в Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского (1970–1980-е гг.) / Н. К. Евдокимова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 134–138.

«Сегодня нельзя быть на уровне современного научного прогресса, если не знать, что происходит в смежных областях и на так называемых “перекрестках наук”... Интеграция наук – требование времени», – писал в 1974 г. доктор филологических наук, председатель Комиссии по комплексному изучению искусства при АН СССР Б. С. Мейлах [5, с. 9]. Во второй половине XX в. вопросы комплексного изучения искусства обозначились как специальная научно-методологическая и практическая задача. Возможности развития музыкознания в контексте интеграции наук обсуждались и апробировались в работах отечественных музыковедов – Л. А. Мазеля, И. И. Земцовского, Б. М. Гаспарова и мн. др. В 1969 г. с целью ос-

воения методологии интегративных исследований было создано исследовательское объединение вузов искусств, научным руководителем которого стал доктор искусствоведения Г. А. Орлов (Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии).

Преподаватели Уральской государственной консерватории не остались тогда в стороне от новых начинаний, связанных с интеграцией наук, реализовав ряд организационных и исследовательских идей в области теоретического музыкознания. В трудах по истории УГК они еще не нашли должного отражения. Источниковую базу данной статьи составляют архивные материалы консерватории и Государственного архива Свердловской области

(ГАСО), благодаря которым удалось уточнить обстоятельства формирования и функционирования в УГК научно-исследовательской лаборатории «Музыка – математика – психология». Нами были также привлечены свидетельства преподавателей кафедры теории музыки, принимавших участие в ее работе.

В отчете УГК о научно-исследовательской деятельности за 1969–1971 гг. была обнаружена следующая информация о вкладе консерватории в деятельность межвузовского объединения по разработке новых направлений: «По инициативе преподавателей консерватории, философа Г. И. Солодовникова и пианиста В. М. Цеханского, была начата работа по комплексному изучению произведений искусства, что привело, в частности, к исследованиям механизмов работы человеческого мозга и моделирования различных форм познавательной, творческой деятельности человека. На этой основе были объединены усилия представителей различных наук» [6, с. 8]. Среди них названы музыковед кандидат искусствоведения Н. А. Вольпер (УГК), доктор физико-математических наук Л. А. Шеврин и студент-математик А. Г. Гейн (Уральский госуниверситет), инженер С. А. Адамов (Уральский НИИ автоматики), физиолог В. С. Мархасин (Свердловский мединститут).

В свете проблематики, разрабатываемой объединением, 15–17 марта 1971 г. в Уральской консерватории была проведена Всесоюзная конференция «Методология художественного мышления». Архивные материалы ГАСО и сохранившаяся Программа мероприятия позволяют восстановить состав участников и тематику их докладов, которые не были опубликованы. В конференции приняли участие представители вузов и исследовательских институтов различного профиля из Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Петрозаводска, Новосибирска, Челябинска, Ташкента, Киева. В их числе – глава объединения Г. А. Орлов, доктор философских наук С. Х. Раппопорт, а также молодые ученые, с чьими именами во многом оказалось связанным дальнейшее развитие междисциплинарной методологии в отечественном

теоретическом музыкознании: М. Г. Арановский, Е. В. Назайкинский, В. В. Медушевский, В. Н. Холопова, Ю. Г. Кон, А. П. Милка, С. М. Сигитов, А. Г. Костюк и др. Проблематика конференции включала вопросы комплексного подхода к анализу музыкального мышления, психологии восприятия, когерентности методологического аппарата в исследованиях интердисциплинарного типа и т. д. В ректорате УГК состоялось обсуждение итогов прошедшего мероприятия и было принято решение «всемерно поддержать работу интересного творческого объединения» [6, с. 10]. С этой целью была создана проблемная лаборатория под названием «Музыка – математика – психология» (руководитель В. М. Цеханский), функционировавшая в русле данных направлений. Состав ее пополнили представители точных наук – математики, программисты Л. С. Рубин, М. М. Резник, Л. И. Полоцкий. От кафедры теории музыки в лаборатории стал работать один из ведущих педагогов-теоретиков УГК З. А. Визель, привлечший к новому делу некоторых студентов, в том числе Е. Е. Шавахину (Полоцкую) – в настоящее время проректора УГК по научной работе¹.

Музыкально-теоретические аспекты исследований «были связаны с так называемыми интеллектуальными системами, сочетающими возможности музыкантов-исследователей и используемых ими средств познавательной деятельности» [8, с. 3]. О важности и целесообразности подобного подхода к изучению музыкального искусства писал Ю. Н. Рагс [9]. В те годы перспективы обращения к электронно-вычислительной технике (ЭВМ) виделись музыковедами-теоретиками в основном в аспекте вероятностно-статистического анализа различных параметров музыкального текста. Привлекала возможность охватывать большой объем материала и обеспечивать объективность

¹ «Научный потенциал лаборатории и влияние... такого теоретика, как З. А. Визель, сказались впоследствии на научной деятельности... работавших в разное время лаборантками студенток-теоретиков. А. Коробова, О. Шелудякова и Е. Шавахина (Полоцкая) стали докторами искусствоведения, В. Радя – кандидатом философских наук, М. Казанцева – кандидатом исторических наук» [7, с. 2].

результатов «подсчета» элементов «формально-структурного» рода (ритмические фигуры, порядок последования ступеней лада, аккорды различных функций и т. п.). Полученные данные позволяли уточнять некоторые стилистические особенности исследуемых образцов народной и профессиональной музыки.

В лаборатории УГК «при исследовании временной организации музыки широко использовались статистические методы» [4]. З. А. Визель был увлечен идеями разработки компьютерных аналитических и обучающих программ. По его словам, он «составлял алгоритмы, а программист Л. Полоцкий переводил их на язык цифр. Последняя такая программа неплохо работала по определению метра и по группировке длительностей нот... без определения высоты»¹.

Основным материалом исследований была музыка венских классиков, в частности, струнные квартеты Й. Гайдна, которые изучал в тот период З. А. Визель. В автореферате своей диссертации он сослался на работу по машинному анализу и восприятию метрической структуры гайдновских квартетов, выполненную в лаборатории [2, с. 15].

В направлении, обращенном к изучению психологии музыкального творчества и восприятия, уральских ученых интересовали вопросы психофизиологического воздействия музыки на человека². По инициативе В. М. Цеханского были установлены контакты с московским психологом В. Г. Ражниковым, ставшим научным руководителем его диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Предметом исследования явился «звуковой образ, понимаемый как формирующийся в сознании и чувственной сфере человека, связанный с его индивидуальными проявлениями: волей, воображением, чувствами и т. д.» [10, с. 3]. При этом проблемы художественно-

эстетической сущности музыкального образа и его жанрово-семантических характеристик в работе не затрагивались. Исследовалась деятельность музыковеда, анализирующего произведение на формально-структурном уровне. В ходе экспериментов было выяснено, что «статистические характеристики музыкального языка включаются в единую субъективную концепцию композиционного развития, благодаря использованию специальной стратегии отбора и закрепления музыкальной информации» [Там же, с. 16].

Результаты выполненных в лаборатории работ нашли отражение в ряде изданий Сибирского отделения академии наук, Новосибирской консерватории и Новосибирского отделения общества психологов СССР, где в 1983–1989 гг. работал В. М. Цеханский. В Новосибирске он стал ответственным редактором серий «ЭВМ и проблемы музыкальной науки», «ЭВМ и проблемы музыкального образования».

В УГК в эти годы под общим руководством З. А. Визеля проводились опыты по внедрению компьютерных технологий в сферу музыкального образования [3]. Проверку эффективности создаваемых программ в 1979–1984 гг. осуществляла Е. Е. Шавахина, преподававшая в музыкальной «десятилетке» при Уральской консерватории. Руководитель темы З. А. Визель с докладом «Компьютер в начальном музыкальном образовании» выступил на музыковедческой секции Министерства Высшего образования в Москве в 1985 г.

Вернувшись в Свердловск в 1989 г., В. М. Цеханский занял должность проректора по учебной работе УГК и стал инициатором создания и заведующим новой кафедрой музыкальной психологии и информатики, возникшей на базе проблемной лаборатории. В составе нового коллектива с 1989 г. начала работать выпускница кафедры теории музыки УГК и аспирантка доктора искусствоведения Е. В. Назайкинского (Московская консерватория) А. Г. Коробова (в будущем профессор, доктор искусствоведения, проректор УГК по научной работе в 2011–2015 гг.).

¹ Интервью с Визелем З. А. / беседа Коробовой А. Г. Екатеринбург, янв. 2017 (из личного архива автора).

² «В лаборатории имелись тонометр для измерения пульса и давления при прослушивании разной музыки, кардиограф и другие приборы... На базе института ВОСХИТО проводились медицинские исследования воздействия музыки на мозг человека» [7, л. 1].

В начале 1990-х гг. прежняя лаборатория была реорганизована в творческий производственно-технический комплекс (ныне кабинет электронной музыки). В 1993 г. вместо кафедры музыкальной психологии и информатики в УГК открывается остро востребованная жизнью и одна из первых в стране кафедра музыкальной звукорежиссуры (первым ее заведующим тоже стал В. М. Цеханский) [1].

Просуществовав около 20 лет, лаборатория «Музыка – математика – психология» сыграла важную роль в обновлении исследовательских векторов междисциплинарного типа в научной деятельности ученых Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского и стала «стартовой площадкой» для открытия современных и перспективных структурных подразделений старейшего музыкального вуза Урала.

1. Вакарь, Л. В. Кафедра музыкальной звукорежиссуры / Л. В. Вакарь // Уральская государственная консерватория имени М. П. Мусоргского. 75 лет истории / ред.-сост. Л. К. Шабалина. – Екатеринбург, 2009. – С. 545–547.
2. Визель, З. А. Техника квартетного письма Й. Гайдна : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / З. А. Визель. – Ленинград, 1982. – 15 с.
3. Визель, З. А. Интеллектуальные системы в музыкальном образовании / З. А. Визель, А. Г. Гейн, Л. И. Полоцкий, Л. С. Рубин // Проблемы развития и освоения интеллектуальных систем. – Новосибирск, 1986. – С. 230–231.
4. Гейн, А. Г. ЭВМ в задачах построения моделей метроритмической организации музыки / А. Г. Гейн, В. М. Цеханский // Проблемы развития и освоения интеллектуальных систем. – Новосибирск, 1986. – С. 159–172.
5. Мейлах, Б. С. Комплексное изучение творчества и музыковедение / Б. С. Мейлах // Проблемы музыкального мышления / сост. и ред. М. Г. Арановский. – Москва : Музыка. 1974. – С. 9–28.
6. О работе межвузовского исследовательского объединения (1969–1971). ГАСО. Ф. Р-2325. Ед. хр. 1. Л. 8–10.
7. Полоцкая, Е. Е. Лаборатория «Музыка – математика – психология» / Е. Е. Полоцкая // Архив УГК. Рукопись. Л. 1–2.
8. Предисловие // ЭВМ и проблемы музыкальной науки : межвуз. сб. науч. тр. / сост. и отв. ред. В. М. Цеханский; НГК. Вып. 7. – Новосибирск, 1988. – С. 3–9.
9. Рагс, Ю. Н. Проблемы анализа музыкального произведения и интеллектуальные системы / Ю. Н. Рагс // ЭВМ и проблемы музыкальной науки : межвуз. сб. науч. тр. / сост. и отв. ред. В. М. Цеханский; НГК. Вып. 7. – Новосибирск, 1988. – С. 10–24.
10. Цеханский, В. М. Влияние целостного звукового образа на восприятие основных характеристик музыкальной композиции: автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. М. Цеханский. – Москва, 1979. – 17 с.

Получено 23.05.2017

N. Evdokimova

post-graduate student,
Ural State Mussorgsky Conservatoire
E-mail: nmc-dpo2012@yandex.ru

**“MUSIC – MATHEMATICS – PSYCHOLOGY”:
A RESEARCH LABORATORY
IN THE URAL STATE MUSSORGSKY CONSERVATOIRE (1970–1980s)**

Abstract. The subject of the article is really actual nowadays because it is closely connected with the problem of integration of the scientific researches in the second half of the 20th century and their affection on the regional musical science in Russia. The article aims at the reconstruction of establishing and functioning scientific-research labora-

tory “Music – Mathematics – Psychology” at the Ural State M. Mussorgsky Conservatoire in 1970–1980s. Source base is the Conservatoire archive funds and Regional State Archives. These data help to find new information documents about the development of musical science in the Ural region. In this article there are introduced unpublished items of information about the activity of the scientific All-Union center at the Ural Conservatoire, various scientific-practical conferences such as “Methodology of Musical Thought” (1971), the formation of the Problems laboratory. The author also shows the trends of the laboratory collective to the integration of theoretical musicology and the exact sciences as well as some questions of psychology of music perception. It is also shown the laboratory role in the perfecting the Music Theory Chair in its interdisciplinary cooperation.

Keywords: integration of sciences, interdisciplinary, music theory, scientific-research laboratory, Ural Conservatoire, electronic computer in 1970–1980s, method of probability and statistics, psychology of music perception

For citing: Evdokimova N. 2017. “Music – mathematics – psychology”: a research laboratory in the Ural State Mussorgsky Conservatoire (1970–1980s). *Culture and Arts Herald*. No 3 (51) : 134–138.

Referenses

1. Vakar L. 2009. The musical sound producing chair. Ural'skaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni M. P. Mussorgskogo. 75 let istorii [Ural state Conservatoire behalf M. P. Mussorgsky. 75 years of history]. P. 545–547. (In Russ.).
2. Vizel Z. 1982. Tekhnika kvartetnogo pis'ma Y. Gaydna [The technique of the Quartet writing of Haydn]. Leningrad. 15 p. (In Russ.).
3. Viezel Z., Gein A., Polotskii L., Rubin L. 1986. Intelligent systems in music education. Problemy razvitiya i osvoeniya intellektual'nykh sistem [Problems of development and exploitation of intelligent systems]. Novosibirsk. P. 230–231. (In Russ.).
4. Gein A., Tsekhanskii V. 1986. Computers in the task of constructing models of metro-rhythmic organization of music. Problemy razvitiya i osvoeniya intellektual'nykh sistem [Problems of development and exploitation of intelligent systems]. Novosibirsk. P. 159–172. (In Russ.).
5. Mails B. 1974. A comprehensive study of creativity and musicology. Problemy muzykal'nogo myshleniya [Problems of musical thinking]. Moscow : Music. P. 9–28. (In Russ.).
6. On the work of the interuniversity research Association (1969–1971). Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti [State archives of the Sverdlovsk region]. F. P-2325. Storage unit 1 : 8–10. (In Russ.).
7. Polotskaia E. Laboratory of “Music – mathematics – psychology”. Arkhiv UGK [Archive UGK]. Manuscript : 1–2. (In Russ.).
8. Preface. EVM i problemy muzykal'noy nauki [Computer and problems of musical science]. 1988. Novosibirsk state Conservatory. No 7 : 3–9. (In Russ.).
9. Rags IU. 1988. Problems of analysis of musical compositions and intelligent systems. EVM i problemy muzykal'noy nauki [Computer and problems of musical science]. Novosibirsk state Conservatory. No 7 : 10–24. (In Russ.).
10. Tsekhanskii V. 1979. Vliyaniye tselostnogo zvukovogo obraza na vospriyatiye osnovnykh kharakteristik muzykal'noy kompozitsii [The influence of the integral sound image on the perception of the basic characteristics of musical composition]. Moscow. 17 p. (In Russ.).

Received 23.05.2017

ФУНКЦИИ ТЕМБРА В СОНОРИСТИЧЕСКИХ СИМФОНИЯХ А. ТЕРТЕРЯНА

Симфоническое творчество Авета Тертеряна – благодатная почва для исследования природы сонорного тематизма и функциональных аспектов оркестрового тембра в контексте музыкального языка. Анализ сонористических текстов, где выразительные возможности тембра и фактуры имеют ведущую функцию в организации композиции, актуализирует цель: осуществление шага по пути к теории тембровой системы музыкального текста (сонористической композиции); выявление функции тембра и фактуры в музыкальной поэтике оркестрового стиля и в музыкальном языке композитора. Музыкальная категория тембр – емкий феномен слухового отражения аудиальной информации, формирующий «образ звука». Рассмотрение тембра как средства музыкальной выразительности возможно только в многоплановой и многоуровневой системе координат. Системно-этнофонический метод применен к анализу оркестрового стиля и музыкального языка композитора-симфониста. В системе тембровой организации симфонического текста выразительные, тематизмо- и формообразующие функции тембра и фактуры раскрываются на фоническом, темброструктурном, семантическом, топологическом уровнях музыкальной формы.

Для анализа сонористической фактуры на темброструктурном уровне закономерно ввести метод описания акустической модели, что опирается на концепты музыкальной акустики. На фонологическом уровне системы языка симфонического текста раскрывается принцип членения потока музыкальной аудиоинформации на смысловые объекты с соответствующими им типами «спектров». В качестве исследуемой акустической модели можно рассмотреть любое целостное звуковое событие – от элементарной единицы музыкального текста до макротембра композиции. Строение темброфактуры оркестровой ткани в сравнении с традиционным музицированием позволяет увидеть в акустической информации симфонического текста фундамент музыкального мышления композитора – когнитивные установки глубинных слоев устной музыкальной традиции. В симфоническом мышлении А. Тертеряна преобладает «тембровый слух», ориентированный на восприятие тембро-сонорной и пространственной компоненты музыкальной материи. Принципы творчества, рождающие логику музыкальной формы, опираются на отношение армянского художника к Звуку как философско-религиозной концепции мироздания и в то же время выявляют формообразовательные универсалии различных музыкальных традиций.

Ключевые слова: Авет Тертерян, сонористика, тембр, фактура, музыкальный язык

Для цитирования: Тихомирова, А. Б. Функции тембра в сонористических симфониях А. Тертеряна / А. Б. Тихомирова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 139–143.

Исследование *тембра как музыкальной категории* представляет большой интерес и значимо в связи с анализом сонористической партитуры отечественных композиторов и, в частности, симфонического наследия Авета Тертеряна. Поиск ракурсов рассмотрения темброфактуры обусловлен *спецификой тембросонорного тематизма* и вытекающих из нее принципов формообразования и особенностей художественного воздействия звукового мате-

риала на слушателя. Для теоретического осознания *функций тембра как системы музыкального языка*¹ важен аспект многоуровневости и полисоставности данного явления. Тембр как средство музыкальной выразительности и поэтики симфонического текста включает в свою сферу как физические свойства звука (акустический и психоакустический компонент), так и

¹ Аспектам тембрового мышления посвящено исследование В. Цытовича [12], где также поставлен ряд вопросов.

множество характеристик феномена восприятия аудиоинформации [об этом см.: 2; 4–7; 12]. Следовательно, *рассмотрение тембра возможно только в многоуровневой системе координат*. Системно-этнофонический метод [см.: 3] дает возможность увидеть целостную картину *тембровой логической системы*.

Подобно тому, как *тембр является генеральным свойством звучащего источника* [5, с. 33], *логическая система организации тембра и фактуры* в сонористической композиции – *генеральное свойство музыкального языка (а значит, и мышления музыканта)*. В организации симфонического текста выразительные, тематизмо- и формообразующие функции тембра и фактуры раскрываются на *фоническом, темб्रोструктурном, семантическом, топологическом* уровнях музыкальной формы.

Для исследования *темб्रोструктурных* характеристик звуковых элементов текста эффективным инструментом анализа сонорного материала оказалась *метод описания акустической модели*¹, благодаря чему удалось выявить ряд специфических свойств темброфактурного тематизма сонористических композиций Авета Тертеряна, а именно: 1) темброартикуляционный прием, являющийся одним из компонентов акустической модели сонорного пласта (например, вибрато, характер атаки и т. д.), может выполнять функцию тематической единицы и иметь формообразующую роль в континуальном развертывании музыкальной формы; 2) функциональные фонические связи темброфактурных элементов могут проявляться на разных композиционных уровнях и опираться на разные признаки и/или параметры их акустических моделей; 3) *тематизмообразующий «механизм»*, формирующий *акустическую основу «музыкальной речи»*, осуществляется на фонологиче-

ском уровне² – принцип строения спектральной картины формирует группы «видов спектра», которые определяются как целостные элементы музыкальной «лексики»; 4) для музыкального языка А. Тертеряна типичен *производный тембросонорный тематизм*, являющийся основой развертывания музыкальной ткани; 5) изоморфическое единство элементов разных иерархических уровней может выполнять композиционную функцию на уровне макротембра симфонии; 6) базовая темброфактурная модель демонстрирует глубинные формообразовательные универсалии (термин И. В. Мациевского)³, режиссирующие логику музыкального языка композитора.

Формирование музыкального языка А. Тертеряна осуществляется в поле взаимодействий множества музыкальных традиций. Глубинный принцип музыкального мышления композитора опирается на звукоидеал музыкальной культуры Закавказья, что находит отражение в логике строения фактуры, выборе звуковых элементов, музыкальной форме симфоний. «Модель музыкального поведения», формирующая тип композиции, просвечивает постепенно от текста к тексту в строении и развертывании темброфактуры всех восьми симфоний. В процессе анализа выявляется, что «европейский симфонизм» для армянского композитора оказался «чужим» языком.

Интересно, что именно «*восточный слух*» армянского композитора – *источник рождения «тембровой композиции» симфоний, которые можно трактовать как макроцикл*. Поиск же конкретных средств для реализации воплощения творческих звуковых идей А. Тертеряна обусловлен классической профессиональной школой – как бы «технической надстройкой» над принципом традиционного музицирования, воспринятого музыкантом эмпирически (слухом). Выбор музыкального инструмента – симфонического оркестра – также обусловлен классическим музыкальным образованием му-

¹ Термин *акустическая модель* заимствован автором исследования из музыкальной акустики [1; 13]. Применение метода описания акустической модели к анализу музыкальной ткани подробней раскрывается в статье «Акустическая модель звука как феномен симфонического мышления (На примере Седьмой симфонии Авета Тертеряна)» [9].

² Исследованию фонологического слоя музыкального текста посвящена работа О. Никитенко [см.: 6].

³ Данным аспектам посвящены работы И. Мациевского, Г. Орлова [см.: 2; 3; 7].

зыканта и его социокультурной средой. Уникальность творческого метода А. Тертеряна и в том, что *воссоздание «канонов» традиционного музицирования осуществляется композитором интуитивно*. В этом же видится одна из граней феномена творческого «мышления звуком», нашедшая воплощение в философско-эстетической идее «духовного слуха» как особого духовного состояния, которая отражена в мировоззрении Авета Тертеряна [см.: 8].

В поле взаимодействия *физического плана* звукового поля и *психологии восприятия* аудиоинформации обнаруживается сфера музыкальной фонологии и соответствующий ей фонологический ракурс исследования сонористической ткани. Здесь увиделось закономерным применить сравнение типов спектра, чтобы выявить в сонорном материале «тематические группы», – сходство или отличие акустических моделей показывает их родство или контрастность. Сонорный материал в этом плане оказался очень податливым для анализа, что *позволило сравнивать между собой как единицы одного уровня композиции, так и единицы микро- и макроуровней*. Выявленное изоморфическое единство элементов разных уровней (тона и макротембра симфонии) [подробнее см.: 10] привело к идее *применить такой же метод для сравнения симфонической темброфактуры и звучания традиционного ансамбля*. Формирование *иллюзорного тембра* средствами симфонического оркестра базируется на выборе типа интонирования на инструментах всех оркестровых групп, где каждый фактурный пласт образует *макротембр*. Вертикальное строение оркестровой ткани А. Тертеряна опирается на *темброфактурную модель, типичную для традиционного музицирования ансамбля сазандаров*: три пласта (дам или «оркестровый исон»; солирующий духовой или смычковый инструмент; импровизация мембранофона, дхола или дапа) воссоздаются композитором в трактовке оркестровых групп симфоний (педализирующая ткань смычковых или хоральная фактура органа; сольные построения у духовых или кяманчи; линии мембранофонов и близкие к ним

построения в оркестровых голосах щипковых и ударных хордофонов). Данная трактовка оркестровой фактуры типична практически для всех симфоний композитора начиная со Второй. Все симфонии А. Тертеряна можно прочесть как макроцикл, в котором наряду с современными композитору приемами оркестрового письма проявлены принципы традиционного музицирования.

Применение перечисленных выше методов к элементам «высокого порядка» (макротембр композиции, макроцикл симфоний) позволяет увидеть симфонизм в контексте культуры. Концепты музыкального мышления, обнаруженные в симфоническом почерке А. Тертеряна, отражают мировоззрение композитора. Звуковой строй симфонических текстов высвечивает глубинные знаки восточнохристианской культуры, традиционной музыки, некоторые знаки философии буддизма, а также наследует ряд идей музыкальной эстетики средневековой Армении.

Функциональные фонические связи темброфактурных элементов могут проявляться на разных композиционных уровнях и опираться на разные признаки и/или параметры их акустических моделей. В опоре на «невидимый» пласт параметров музыкальной фактуры выявляется формообразующая функция «второстепенных» составляющих. Здесь интересный ракурс открывается при исследовании *семиотической функции аудального пространства музыкального текста*. В музыкальном языке А. Тертеряна звуковая картина симфоний, тщательно выстроенная в координатах панорамы и многоуровневой перспективы, функционирует как «лексика» и «грамматика», обнаруживая в пространственной компоненте симфонической ткани один из логических уровней композиции. Архитектоника искусственного «звукового ландшафта» выступает и как глубинный «архетип», отражающий картину мира художника. Музыка как ипостась духовного опыта – одна из ведущих творческих доминант в отечественном симфонизме последней трети XX в. Здесь показательна осознанная и интуитивная трансляция звуковых «маркеров», связанных со сферой религиозной службы [подробнее см.: 11], голоса-

ми природы, звучанием человеческой речи, выразительностью интонации и артикуляции традиционных исполнителей (вокалистов и инструменталистов).

Симфонизм как феномен художественного мышления тяготеет к явлению «метаязыка», где элементы текста полифункциональны. Функция тембра может опираться на разные механизмы восприятия музыкального звука. В симфонической композиции со-существуют

несколько разноуровневых логических систем тембровой организации, что может преломляться в многогранной трактовке музыкальной поэтики и раскрывать множество специфических нюансов оркестрового стиля композитора. Стилистический синтез, реализованный в симфоническом творчестве А. Тертеряна, осуществляет парадоксальное единство музыкальных традиций евразийского культурного пространства.

1. Алдошина, И. А. Музыкальная акустика / И. А. Алдошина, Р. Приттс. – Санкт-Петербург : Композитор, 2006. – 720 с.
2. Мациевский, И. В. Контонация и формообразование (в музыке европейской и внеевропейской, традиционной и современной) // В пространстве музыки : монография : в 2 т. Т. 1 / И. В. Мациевский. – Санкт-Петербург : РИИИ, 2011. – С. 3–33.
3. Мациевский, И. В. Системно-этнофонический метод в органологии // В пространстве музыки : монография : в 2 т. Т. 1 / И. В. Мациевский. – Санкт-Петербург : РИИИ, 2011. – Т. 1. – С. 97–106.
4. Морозов, В. П. Эмоциональный слух и методы его исследования / В. П. Морозов // Проблемы экологической психоакустики : сб. ст. / под ред. В. Н. Носуленко, Е. Г. Епифанова – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 1991. – С. 240–246.
5. Назайкинский, Е. В. Звуковой мир музыки : монография / Е. В. Назайкинский. – Москва : Музыка, 1988. – 254 с., нот.
6. Никитенко, О. Б. Фонологические аспекты музыкального языка : дис. ... канд. искусствоведения / О. Б. Никитенко. – Ленинград, 1987. – 117 с.
7. Орлов, Г. Древо музыки / Г. Орлов. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Композитор, 2005. – 440 с. : ил.
8. Тертерян, Р. А. Беседы с Аветом Тертеряном / Р. А. Тертерян. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. – 184 с.
9. Тихомирова, А. Б. Акустическая модель звука как феномен симфонического мышления (На примере Седьмой симфонии Авета Тертеряна) / А. Б. Тихомирова // Проблемы музыкальной науки. – 2016. – № 1. – С. 20–26.
10. Тихомирова, А. Б. О свойствах и функциях оркестрового тембра в Седьмой симфонии А. Тертеряна / А. Б. Тихомирова // Инструментальная музыка в межкультурном пространстве: проблемы артикуляции : реф. докл. и материалы Междунар. инструмент. конф. (Санкт-Петербург, 1–4 дек. 2008 г.). – Санкт-Петербург : Астерион, 2008. – С. 131–135.
11. Тихомирова, А. Б. Символика аудиального пространства музыкального текста (Шестая симфония Авета Тертеряна) / А. Б. Тихомирова // Проблемы музыкальной науки. – 2017. – № 2. – С. 135–141.
12. Цытович, В. И. О специфике тембрового мышления Белы Бартока : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / В. И. Цытович. – Ленинград, 1973. – 25 с.
13. Meyer J. 2009. Acoustics and the Performance of Music. 5th ed. Translated from German by U. Hansen. Springer Science+Business Media. 438 p.

Получено 13.07.2017

A. Tikhomirova

post-graduate student,

Russian Institute of Art History

E-mail: ann-tikhomirova@yandex.ru

THE FUNCTION OF TIMBRE IN SONORISTIC SYMPHONIES OF A. TERTERIAN

Abstract. *Avet Terterian's symphonic art is a breeding ground for studying the nature of the sonoristic themes and functional aspects of the orchestral timbre in the context of the musical language. The analysis of the sonoristic texts, where the expressive power of timbre and texture plays a key role in the composition arrangement, brings up to date a goal to approach the timbre system theory of a musical text (a sonoristic composition); and identify a function of timbre and texture in the musical poetics of the orchestral style and in the composer's musical lan-*

guage. Timbre is a capacious phenomenon of auditory reflection of auditory information, forming an “image of sound”. Treating timbre as a tool for musical expressiveness is only possible in a multidimensional and multilevel system of reference. The system-ethnophonic method (author I. Matsijewsky) is applied to the analysis of the orchestral style and musical language of the composer-symphonist. In the system of timbre arrangement of the symphonic text the functions of timbre and texture such as thematic formation, formcreation, and the expressive functions are revealed on the phonemic, timbre-structural, semantic, and topological levels of the musical form.

To analyze the sonoristic texture at the timbre-structural level it is natural to introduce a method of description of an acoustic model, which is based on the concepts of musical acoustics. At the phonological level of the language system of the symphonic text the principle of division of musical information stream into semantic objects with the corresponding types of “spectra” is shown. As an acoustic model under study one can consider any holistic sound event – from the elementary unit of the musical text to the macro-timbre of the composition. The structure of the timbre texture of the orchestral texture in comparison with the traditional music enables us to see in the acoustic information of the symphonic text the foundation for the composer's musical thinking – the cognitive settings of deep layers of an oral music tradition. A. Terterian's symphonic thinking is dominated by “timbre audition” with a focus on perception of a timbre-sonor and spatial component of the musical matter. The creation principles that give birth to the logic of the musical form are based on the attitude of the Armenian artist to Sound as a philosophical and religious concept of the universe and at the same time reveal the formative universals of various musical traditions.

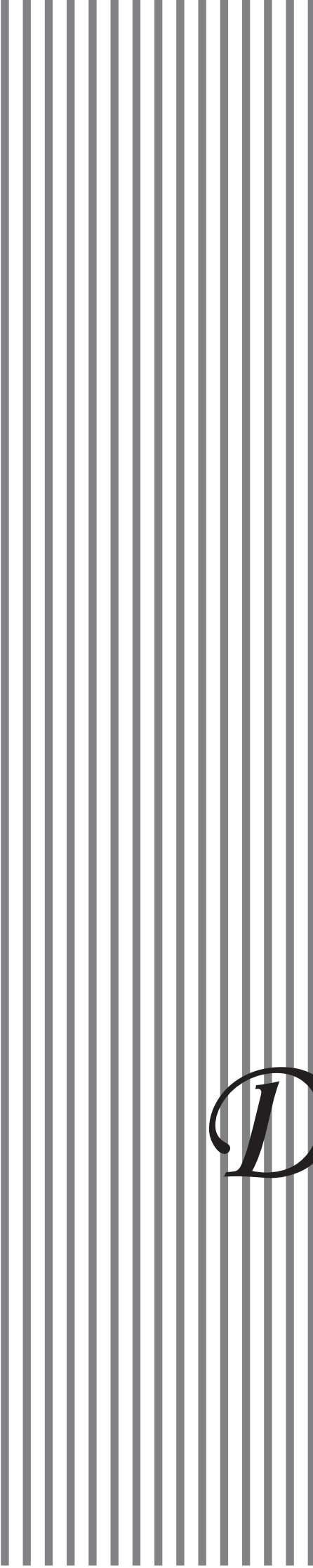
Keywords: Avet Terterian, sonoristics, timbre, orchestral timbre texture, musical language

For citing: Tikhomirova A. 2017. The function of timbre in sonoristic symphonies of A. Terterian. *Culture and Arts Herald*. No 3 (51) : 139–143.

References

1. Aldoshina I., Pritts R. 2006. *Muzykal'naya akustika [Musical acoustics]*. – St. Petersburg : Kompozitor. 720 p. (In Russ.).
2. Matsijewsky I. 2011. Contonation and form generation (in European and non-European traditional and contemporary music). *V prostranstve muzyki [In the Space of Music*. Vol. 1]. St. Petersburg : Publishing house of the Russian Institute of Art History. P. 3–33. (In Russ.).
3. Matsijewsky I. 2011. System-ethnophonic method in the Organology. *V prostranstve muzyki [In the Space of Music*. Vol. 1]. St. Petersburg : Publishing house of the Russian Institute of Art History. P. 97–106. (In Russ.).
4. Morozov V. 1991. Emotional hearing and its research methods. *Problemy ekologicheskoy psikhoakustiki [Problems of ecological psychoacoustics]*. Moscow : Publishing house of Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. P. 240–246. (In Russ.).
5. Nazaykinskiy E. 1988. *Zvukovoy mir muzyki [The Sound World of Music]*. Moscow : Muzyka. 254 p. (In Russ.).
6. Nikitenko O. 1987. *Fonologicheskie aspekty muzykal'nogo yazyka [Phonological aspects of the language of music]*. Leningrad. 117 p. (In Russ.).
7. Orlov G. 2005. *Drevo muzyki [Tree of Music]* 2nd ed., revised. St. Petersburg : Kompozitor. 440 p. (In Russ.).
8. Terterian R. 2014. *Besedy s Avetom Terterianom [Conversations with Avet Terterian]*. Ekaterinburg : Kabinetnyy uchenyy. 184 p. (In Russ.).
9. Tikhomirova A. 2016. The acoustic model of sound as a phenomenon of symphonic thinking (on the example of the Seventh symphony of Avet Terterian). *Problemy muzykal'noy nauki [Music Scholarship]*. No 1 : 20–26. (In Russ.).
10. Tikhomirova A. 2008. About properties and functions of an orchestral timbre in the Seventh symphony of A. Terterian. *Instrumental'naya muzyka v mezhkul'turnom prostranstve: problemy artikulyatsii [Instrumental music in cross-cultural space: articulation problems]*. St. Petersburg : Asterion. P. 131–135. (In Russ.).
11. Tikhomirova A. 2017. The symbolism of auditory spase of the musical text (The symphony of A. Terterian). *Problemy muzykal'noy nauki [Music Scholarship]*. No 2 : 135–141. (In Russ.).
12. Tsytoovich V. 1973. O spetsifike tembrovogo myshleniya Bely Bartoka [About the specifics of the timbre thinking of Bela Bartok]. Leningrad. 25 p. (In Russ.).
13. Meyer J. 2009. *Acoustics and the Performance of Music*. 5th ed. Translated from German by U. Hansen. Springer Science+Business Media. 438 p. (In Eng.).

Received 13.07.2017

Digest

THE BEST STORY COMPETITION AS A MEANS TO ACTIVELY PROMOTE READING

Настоящая публикация знакомит с тезисами авторского большого проекта «История страны в истории моей семьи», основные идеи, этапы, результаты реализации которого отражены в работах Ю. В. Гушул [2–8]. Проект включал создание электронной коллекции «Великая Отечественная война в истории моего села» (при участии библиотекарей и школьников с. Белозёры Троицкого района Челябинской области), а также организацию и проведение международного конкурса лучших эссе «Великая Отечественная война в истории моей семьи». Данный конкурс объединил школьников, студентов и их педагогов из России, Казахстана, Узбекистана, Белоруссии и других стран (более ста рассказов на английском языке).

Ключевые слова: чтение, продвижение чтения, конкурс на лучший рассказ, устная история, Великая Отечественная война

Abstracts. *This publication is a review of the interesting and remarkable author's big project "History of the Country in the History of My Family" which includes the creation of an electronic collection "The Great Patriotic War in the History of My Village" and also the organization and conducting of the best story competition on this topic. Competitions for readers are an active and effective means of promoting reading. The creation of the electronic collection "The Great Patriotic War in the History of My Village" was the first idea in that anniversary project. Schoolchildren and the members of the village Belozeri library took part in it. They were helping librarians to create the new modern collection devoted to the memory of their ancestors – participants of the Great Patriotic war 1941–1945. Schoolchildren were collecting for 2 years various war stories and memories from veterans about war-time, old photos, articles, letters, and documents about battles at the front and about the life in the rear. Authors of that e-collection paid much attention to interviews with veterans who were 7–10 years old during that period. All of these rare materials and modern films, books, newspapers, articles and historical research by scholars and schoolchildren (including scanned copies and e-documents) went into the e-collection. It represents a valuable source of 'oral history' about the heroic past of our Troizk region, our Motherland and encourages consideration and sincere well-earned respect for our veterans. A few interviews in this article are obvious illustrations from our very interesting e-collection "The Great Patriotic War in the History of My Village".*

The organization and completion of the best story competition "The Great Patriotic War in the History of My Family" was our second idea and an international project which united peoples, united schoolchildren, students and their teachers from Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Belorussia and other states. Each participant had to talk about an ancestor and his role in the Great Victory on the 9th of May 1945. We have more than one hundred very wonderful, interesting essays and some of them we read with tears in eyes. Two essays we included in this article are obvious illustrations of our best story competition "The Great Patriotic War in the History of My Family". Schoolgirls at school № 16 from town Uralsk (Republic of Kazakhstan) had written them. In our opinion, historians can also regard these essays as a valuable source of 'oral history' about the heroic past of our great country.

In conclusion, we express a hope for the success of our current and future wonderful projects and for future close creative co-operation with our esteemed colleagues. And I express my deep gratitude Alexander Kuznetsov, Anna Mikhailova and Feodor Pereligin for their help in my projects.

Keywords: reading, promote reading, a best story competition, oral history, the Great Patriotic war

For citing: Gushul IU. 2017. The best story competition as a means to actively promote reading. Culture and Arts Herald. No 3 (51) : 145–151.

Competitions for readers are an active and effective means of promoting reading.

Initially the competition will encourage active readers to enter. Librarians can offer participants a reading list about a certain topic, which they can read, form their own opinions and then answer questions about the reading material.

Librarians are able to create various interesting databases to showcase the results of the competition, highlighting the best stories, essays, memories and interviews. These databases can form the basis for further research, as well as maintain become a valuable source of 'oral history' about the heroic past of the village, city, region and country.

The participants will learn to create articles, books, book synopses, films, comics etc. which they can share with others.

We actively work with our readers and students in many such areas, all of which is described in our various articles [2–8] and reports from Russian and international conferences.

For example, during the last conference in Bukhara (Uzbekistan, 20th of May, 2017) in the report "Acmeological environment of forming the professional competences of librarian" [6] we revealed the role of an innovative multi-subjects laboratory of literature and bibliography in the formation of the acmeology culture of our readers. Special attention is focused on applied acmeological pedagogical technologies for the effective learning by students of the study material. This conclusion is based extensive experience of work in our interesting and remarkable project "History of the Country in the History of My Family" which includes (among other) the creation of the electronic collection "The Great Patriotic War in the History of My Village" and also the organization and holding of the best story competition "The Great Patriotic War in the History of My Family".

The e-collection "The Great Patriotic War in the History of My Village" [1] was created especially for the small library of the Belozeri village in the Troizk district Chelyabisk region of Russia.

Schoolchildren took part in the work. They found labour veterans in their village – people who were small children during 1941–1945 years and were working all throughout the war years. These small children, aged between 7 to 12 years, couldn't be at war, they were only helping to provide heroic labour in munitions factories, collective farms, working in the wheat and potato fields. During those, 7 years they had already ploughed land with cows and often with friends or older (8–10 years) brothers and sisters. They mowed, sowed, grew harvests, reared livestock for the front and they become a Heroes of Labour during wartime. They helped their parents to win a victory in the Great Patriotic war by doing all of this work. Small children demonstrated miracles of heroism. And now our schoolchildren have collected a larger and exclusive set of material – memories, old letters, photos, historic items. We gave reports about it at different times in the last three years at various conferences in Moscow (2016, 2017), Yekaterinburg (2016), Chelyabinsk (2015–2017), Bryansk (2016), Kursk (2015), Omsk (2016), Krasnoyarsk (2017) and other cities and wrote about our work [2–8].

In our articles, we reported how our schoolchildren took part in interviews. Texts were presented in our e-collection and retain the style of the speech of elderly people which creates a special flavor of epoch to which they belong.

For example:

from an interview by Vladimir Agulov (was born on the 26th of February 1938 year):

"...My father was an ordinary soldier, who disappeared in April 1942... ...my brother Alex was studying in the school, I was only 3 years old. We were eating rotten past-year potatoes, orach, also we were collecting woody nightshade as food. We were planting potato peelings, beets and cucumbers if there was an opportunity. ...in the summer I was helping out during haymaking time... and in the winter I used bulls to drag cargo-sleds.... All hay was frozen in stacks in the fields and we guarded, stripped, pulled and picked it our small hands..."

from an interview by Praskovia Belousova
(was born on the 8th of November 1936 year)

“...We didn't get letters from our father during the war. Later we found out that the train in which he went to the front was bombed... My mother milked sheep and sometimes she got a slice of cheese (the size of a cake of soap) as a payment for her work. My mother was ill and died two years after my father had gone to the war... My mother had died in January. I have nothing to put on – neither winter shoes nor winter warm clothing – and people brought my sister's coat to me and I went to the cemetery in somebody else's things... We lived at home alone after mother's death... My older sisters went to work to cut and chop firewood or to build a road, but I and my two younger brothers were left alone at home. There was nothing to eat, there was nothing to heat the house, the potatoes were frozen, and we were sitting on a window-sill and crying. ...Then my older brother Nicolai had to go to study in another town but he felt sorry for us very much and that's why he ran away from the college to help us, but they found him and took into custody for a period of two years. ...We were running around the garden and gathered frozen potatoes and dugged up frozen apples. In the spring we ate tops of beets and carrots. ...Then our house was taken away to the collective farm in order to store grain. ...We lived very poorly but there were people who lived even worse than us. They came and asked us for something to eat. ...My grandmother shared quark whey with them, despite us having so little ourselves...”

From an interview by Lyubov Kuznetsova
(was born on the 21st of January 1934 year):

“...There were a mother, grandmother and two children – 7 years and 4 years old. We had a small house and a small garden... All the adults worked in three shifts every day. All products were by allocated by cards. My mother received six hundred grammes of bread, my grandmother – 250 grammes, and my brother and I – 400 grammes. Bread was only rye bread because people,

didn't sow wheat in our region but only rye. My mother and grandmother were dividing the bread into four parts and they tried to give us more and were gathering every crumb. They cooked soup from a nettles and it always seemed so tasty! ...We were going along the potato fields in autumn and spring, collecting any remaining potatoes, then washed them, cooked starch and baked stinking black griddle cakes.

I want our children and grandchildren to live in peace without war, they shouldn't have to know in their life even a small part that we and our parents have experienced...”

These and others interviews in full are included in our great e-collection “The Great Patriotic War in the History of My Village”. There are 4 large Chapters in it: 1) About Belozeri village; 2) Veterans of the Great Patriotic war in the documents and memories their issues; 3) Memories of the “Children” of War; 4) Modern researches devoted to the Great Patriotic war and Heroes from the Belozeri village. Each of these four Chapter includes scanned historical documents, photos and medals of our Heroes, scanned images of their war letters, fragments of war diaries etc. The main part in our e-collection is the documented memories of real people who survived the war, which our schoolchildren have already collected according to my project “oral history” and continue to collect up to now. We already have 37 local archive files of memories and more than one hundred other archive files with information about war, including: documents, photos, films, articles etc.

I would like to thank for their help in preparing this e-collection the Head of Department of Informatics of Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts Alexander Kuznetsov and the teacher Anna Mikhailova. And I express my deep gratitude to Feodor Pereligin, who was the main programmer of our wonderful e-collection.

Because of our experience of the application of new formats of reading and text analysis we have also written an article for the Moscow conference “Reading and information literacy

in education and culture” (Moscow, 6–8th of April, 2017).

My second local activity in the big project “History of the Country in the History of My Family”, as I said before, is the best story competition “The Great Patriotic War in the History of My Family” (begins in 2015 year). The name of the project emphasises the link between the veterans, our parents, participants of the Great Patriotic war, and young people whose conscious life goes on in the third millennium and who must keep up memory, traditions and customs and promote peace and love on the Earth. It was an international competition where more than one hundred schoolchildren and students took part from Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Belorussia and others states. The main goal of the best story competition was to preserve the life experience of Veterans of the Great Patriotic war, to crystallize this experience in the public consciousness and to provide conditions for the spiritual development of young people and their reading activity. Our task was to find such forms of support for reading that would enable them to be self-reliant and creative and, to show one's worth. They had to show an interest in the history of veterans in their family, village, town, had to meet with them in an unofficial atmosphere and then write down the experiences narrated by seniors. I think this is a small but significant indication of the significance of veterans lives.

For example, following interviews by the secondary school № 16 in the town of Uralsk (Republic of Kazakhstan) stories / essays were collected in the framework of the project “The Great Patriotic War in the History of My Family”.

Karenskikh Yana, a schoolgirl from the senior form (her teacher – Serebryakova Yelena Borisovna) wrote: “Among the exhibits of the regional history Museum are military awards and other documents and belongings of a soldier, a resident of the village of Pokatilovka of Terektinsky district in the West Kazakhstan region – Vasily Semenovich Babakov, who was a

participant in the Stalingrad battle. He was my great grandfather. Our family to this day cherishes not only the memory of him, but his military awards, documents, front-line photographs and memories of the war. ...Vasily Babakov was called on 23 June 1941 to the front in the Balashov avtobatalion. And in the midst of the battle of Stalingrad in the composition of the 1177 fighter antitank battalion of 76 mm guns Vasily fully experienced all the difficulties and hardships of an epic battle. The battalion was tasked to provide ground troops at Stalingrad and the driver V. S. Babakov provided the battalion with ammunition. Many times he had to risk life under artillery fire and raids by fascist aircraft to deliver ordnance to the artillery battalion during the period of the battle of Stalingrad. He always remembered his native village and that house where his lovely wife and two adorable little girls Valentine and Raisa were waiting for him. ...For courage and heroism shown during the period of the battle of Stalingrad guard Sergeant V. S. Babakov was awarded medals "For courage", "For military merit" and "For defense of Stalingrad". Our family was able to find premium materials in the archives of the Ministry of defense of the USSR. In this premium material, a description of the feat: "Despite the continuous bombardment and shelling of the crossing, he provided it with the ammunition necessary to destroy the weapon emplacements of the opponent". ...Vasily Babakov participated in the liberation of Poland and was, awarded the medal "For the liberation of Warsaw". He participated in the storming of Berlin and celebrated Victory Day at the walls of the defeated Reichstag. On the walls of the Reichstag guard Sergeant Vasily Babakov inscribed "I am alive. I'm going home". And he left his autograph. For participating in the assault and capture of Berlin he was awarded the medal "For the capture of Berlin". My great-grandfather, a hero, was presented with the order "Red Star". This is what is written in the premium list: “HS. Sergeant V. Babakov, working as a chauffeur in the bunker division,

proved to be a disciplined, driver. While the brigade had no accidents and breakdowns the car was always kept in perfect order”.

...My relatives and countrymen of the soldier describe him as strong-willed and honest person. All his life he remained an example of integrity and hard work. This veteran was a true patriot of his country and of the village where he was born and raised. His workers remember that my great-grandfather, Vasily Babakov was a strict but fair and caring person. He always struggled with theft and would not tolerate negligence and drunkenness.

We are a generation of citizens who have not seen the horrors of war and we bow to the courage and heroism of every soldier. They withstood a severe test of bravery and courage, honor and compassion that makes us human. Nowadays such loyalty to high ideals deserves our most sincere respect. It is our duty not only to honor and to remember, but also to continue the work of our grandfathers and great grandfathers in civilian life. And most important is that each of us modern descendants, understand a simple truth, bequeathed to us by front – line soldiers to be loyal and useful to the Fatherland and to do this not for fame and fortune, but for a peaceful and serene future. Every year the ranks of veterans, the generation of the best, real people, gets less and less. And let such creative works will remain in the hearts and gratitude of future generations for the World! I'm proud of my great-grandfather!”.

And the second essay by Kristina Chistyakova, a schoolgirl from the senior form (the teacher – G. A. Dussengalieva):

“In accordance with the decision of the CPC Central Committee and the CPC of the Kazakh Soviet on July 17 adopted a resolution "On the formation of national military units in the Kazakh SSR". In the territory of Kazakhstan more than 20 infantry divisions were formed, – 5 national connections out of a total population of 20 311 people, representing about 50 regiments and separate battalions of various types of

troops. In the territory of Kazakhstan this represented 1 200 000 people, half of whom never returned to their homes.

My great-grandfather, a teacher of physics at school № 16 – Stupak Ivan Rodionovich. My great-grandfather started the war in 1941 and ended in 1945. I will talk about two of his fights – the first and the last, between which there were long days and nights of war. 11 of the graduates went to the front, and returned in 1945, but only 4 returned (*but I can show here only second episode in his war life. – IU. Gushul*).

My great-grandfather participated in the liberation of Europe. For the liberation of the city Czestochow he was awarded the order of the red Star. On the 28th of April 1945, Lieutenant Ivan Stupak stopped on the outskirts of Berlin, where he established location for repairing tanks. It was surrounded by, sparse woods, and barns. A little further on was the anti-aircraft unit guarding staff vehicles. It was quiet, but my great-grandfather was concerned about something. The remaining tanks and cars with ammunition, he ordered to hide in the barn and in the woods, and he told his men to dig in and circle the wagons. He went to the gunners to ask for help. At his request, four anti-aircraft guns were moved on to the road and put in the horizontal position. By the end of the evening everything was done. In addition, each fighter received three captured bazookas, additional drives for the PCA and two grenades. My great-grandfather had 50 people under his command. In two hours, the night guard reported that enemy troops were seen on the road in the direction of Berlin. After letting them gain 100 yards, the order was given: "Fire". How many of them there were, no one knew, but it was felt that there were many soldiers. Nerves were on edge, but they endured. Tanks and anti-aircraft guns were firing all around. They fired so that the shells bursting over the enemy, forming a cloud of debris above them. The battle for two hours. The enemy were blocked. In the morning, everyone saw how many of them remained lying on

the road. Until dinner time there was fear of a follow-up attack. But in the middle of the day from Berlin arrived convoy of several jeeps arrived from Berlin. They came from the General and Lieutenant General, to whom the great-grandfather together with the captain of the anti-aircraft battery reported the situation. From the memoirs of Ivan Stupak: "Who fought the battle?", – he asked me. I replied that the name and number of the Germans we did not know. – What losses? There were three wounded. – Who decided to put the anti-aircraft guns in the horizontal position? – asked the General. – This senior Lieutenant reported to the captain. The General took two orders of the Patriotic war second degree, and handed them to us with the captain, saying: The order on rewarding will be released later". When the war ended my great-grandfather was in Prague, where on 9 may he learned about the victory. For the liberation of Prague he was awarded the order of Patriotic war of 1 degree. When he was asked whether he had been afraid in the war, he replied: "you know how tough war is. The soldiers were freezing in the trenches, in the rain, the snow and all were starving. But the war makes a person make choices, choices on

which depend not only your life but the lives of others. You don't think whether you can kill or injure, you have to think about what is necessary in order to fulfill the duties of a soldier". After the war, my great-grandfather found the strength to return to normal life and doing the things he loved – teaching the younger generation knowledge, because he chose a peaceful profession – the teaching profession. Still his disciples remember and speak about him with only good words and thank him for his great physics lessons. The Hall of Fame Battle school № 16 is a stand, which is dedicated to the military way of my great-grandfather – Stupak Ivan Rodionovich. My dad, Peter Chistyakov graduated from this school, and I, Chistyakov Christina am also a student at this school.

I'm proud of my great-grandfather, because he is a true hero of the great Patriotic war and a vivid example of how to love our Motherland".

So, I have just now presented to colleagues my projects. In conclusion, I express a hope for the success of our current and future wonderful projects and for future close creative co-operation with our esteemed colleagues.

References

1. Velikaya Otechestvennaya voyna v istorii moego sela [The Great Patriotic War in the History of My Village] [Electronic resource]. [CD-ROM]. 2015. Comp. by V. Kukova, IU. Gushul ; software F. Perelygin. Chelyabinsk. (K 75-letiyu Velikoy Pobedy).
2. Gushul IU. 2015. Formation of a historical sense in the youth's society (on the theme "The Great Patriotic war"). *Strategiya vozrozhdeniya kul'turnykh traditsiy kak osnova garmonichnogo razvitiya sovremennogo obshchestva* [Strategy of revival of cultural traditions as basis of harmonious development of modern society]. Moscow : Moscow University of Finance and Law. P. 78–85.
3. Gushul. IU. 2015. Available resources of the United State Archive of the Chelyabinsk district on the theme the Great Patriotic war. *Vklad regionov Rossii v Velikuyu Pobedu 1945 goda* [Contribution of regions of Russia to the Great Victory of 1945]. Bogdanov V., ed. Kursk. P. 140–145.
4. Gushul IU. 2016. An electronic collection: The methodical and structured approach of an analyst. *Kul'tura – Iskustvo – Obrazovanie* [Culture – Art – Education]. Chelyabinsk. P. 103–107.
5. Gushul IU. 2016. A local history activity concerning patriotic education based on material from an online collection entitled "the Great Patriotic war in the History of My Village". *Prirodnoe i kul'turnoe nasledie Urala : [Natural and cultural heritage of the Urals]*. Comp. A. Lushnikova ; Gushul IU., Lavrova K., Novikova N., scientific ed. Chelyabinsk. P. 81–90.

6. Gushul IU., Tikhomirova L. 2017. Acmeological environment of forming the professional competences of a librarian. *Modernizirovannaya didakticheskaya sreda povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov v sisteme vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya* [The modernized didactic environment of professional development and retraining of personnel in system of the higher and secondary vocational education]. Bukhara : Standart Poligraf. P. 317–321.
7. Gushul IU., Tikhomirova L. 2017. Experience of application of new formats of reading and text analysis. *Pyataya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Chtenie i gramotnost' v obrazovanii i kul'ture: itogi i perspektivy"* [The fifth International scientific and practical conference "Reading and literacy in education and culture: results and prospects". 6–8 Apr. 2017]. Belokolenko M., ed. Moscow : Kanon+ : Reabilitatsiya. P. 76–78.
8. Gushul IU., Mikhailova A. 2016. Perspectives of integration of educational disciplines «Informational Networks and Systems» and «Bibliology» for students of specialty 51.03.06 Library and Information Activities. *Open Education*. No 5 : 53–60.

Received 13.06.2017

**Анализ публикационной активности журнала «Вестник культуры и искусств»
(по данным eLibrary.ru на 10.10.2017)**

ОБЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Название показателя	Значение
Общее число статей из журнала	1270
Общее число выпусков журнала	45
Среднее число статей в выпуске	28
Число выпусков в год	4
Суммарное число цитирований журнала в РИНЦ	1137
Местов в общем рейтинге SCIENCE INDEX за 2016 год	1371
Местов в рейтинге SCIENCE INDEX за 2016 год по тематике «Культура. Культурология»	12
Местов в рейтинге SCIENCE INDEX за 2016 год по тематике «Искусство. Искусствоведение»	1

ПОКАЗАТЕЛИ ПО ГОДАМ

Название показателя	Значение		
	2014	2015	2016
Показатель журнала в рейтинге SCIENCE INDEX	0,265	0,223	0,350
Место журнала в рейтинге SCIENCE INDEX	1311	1721	1371
Двухлетний импакт-фактор РИНЦ	0,098	0,151	0,166
Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования	0,059	0,093	0,147
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ	0,110	0,131	0,155
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования	0,088	0,097	0,120

*Научный
профиль*

ГРАНИ ОДНОЙ ЛИЧНОСТИ...

Владимир Яковлевич Рушанин – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, ректор Челябинского государственного института культуры

65 лет... не круглая дата, но и уж точно не проходная. Возраст, позволяющий делать выводы «по итогам» и одновременно строить планы на перспективу. Очень многое здесь зависит от потенциала личности, от внутренней энергии и ощущения выполненности собственного предназначения. Однако большую роль в принятии решения играют внешние силы, тот социум, в котором проходит не только трудовая активность, но, по сути, жизнь.

Жизнь ректора не просто всегда на виду у возглавляемого коллектива. Каждое его управленческое решение неизбежно отзывается эхом эмоций, обсуждений и подсознательно выставляемой оценкой... За годы работы десятки таких оценок постепенно кристаллизуются в то, что социологи называют общественным мнением. А здесь рукой подать до сформировавшегося отношения, а оно уже само становится фактором успешности или неуспешности.

Отношение к Владимиру Яковлевичу Рушанину как руководителю было продемонстрировано коллективом вуза на состоявшихся в декабре 2016 г. выборах ректора. По результатам тайного голосования не было ни одного голоса против! Результат сам по себе редкий, а в условиях творческого вуза – уникальный. Оценка ректора как управленца, данная коллективом, была поддержана учредителем –

Министерством культуры Российской Федерации. Таким образом, В. Я. Рушанин подтвердил свое реноме управленца, организатора, хозяйственника... Однако личность ректора нашего вуза куда более разнопланова и многогранна. Было бы исключительно ошибочно считать управленческую составляющую главной в иерархии его профессиональных качеств. Книжник, Историк, Педагог, Коллекционер (все с заглавной буквы) – вот сущностные образы В. Я. Рушанина, каждый из которых совершенно равноправно претендует на лидерство при создании объективного портрета его личности.

И если про управленческие качества Владимира Яковлевича все сказал коллектив вуза, то про его научный и педагогический талант по праву могут говорить ведущие ученые института. Коллеги, ставшие его соавторами и соратниками в творческих исканиях научной истины.

А. В. Лушникова, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой туризма и музееведения ЧГИК

Лучше всего о Владимире Яковлевиче Рушанине как коллекционере сказал гений русской литературы А. С. Пушкин: «...Я спрятал потаенну / Сафьянову тетрадь. / Сей свиток драгоценный, / Веками сбереженный...». Но начало XIX столетия – это время

становления исторического знания, которое только набирало опыт собирания и изучения исторических документов. Поэтому позволим себе дополнить поэтические строки.

Звание Историк ко многому обязывает, но в первую очередь – это уважение к людям, без которых история не совершается. Участники исторических реалий не всегда готовы к раскрытию интересных фактов, причинно-следственных связей произошедших событий. Но каждый историк знает, что история как нематериальна, так и материальна, когда в предметном ряде фиксируется объективная информация, требующая для правильной интерпретации применения методов источниковедческого исследования. Иными словами, историк включается в процесс коллекционирования с точки зрения источниковедческого исследования, а не с позиции страсти к собирательству. В. Я. Рушанин – ярчайший пример профессионального подхода к комплектованию и изучению документальных свидетельств. Лучше самого В. Я. Рушанина об этом не сказать: «Какой ученый-историк без подлинных документов времен минувших! История – уникальная наука. Представить истинного историка без тяги к “собирательству” достаточно сложно» [4].

Коллекция ученого-историка включает разнообразный ряд источников – фотографии, книги, документы, почтовые карточки (открытки). Но главным в этой коллекции является «поисковый элемент», раскрывающий историю личности, в руках которой находился данный предмет. Речь идет не только о знаменитых личностях. Владимир Яковлевич прослеживает биографию владельца книги, адресата или адресанта почтовой карточки, автора документа с позиций участия в исторической повседневности, причастности к конкретным событиям. История Уральского региона, России обретает подлинные черты через имена и судьбы участников событий.

История – это уникальный феномен, включающий в себя как сам ход истории, так и процесс исследования исторических фактов и категорий. Вторая составляющая истории как нау-

ки – актуализация фактов и «презентация» доказательной исследовательской базы. Это уже высший уровень исторических исследований, когда историк рассказывает и объясняет выводы, полученные в ходе работы с архивными, музейными и частными коллекционными собраниями. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на исторический факт. Он «обрастает» плотью и кровью, он становится «живым», приближается к нам во времени и пространстве. Собственно, это и есть машина времени, которую так давно изобретают.

Как истинный историк В. Я. Рушанин умеет управлять этой машиной и всегда приглашает в путешествие вместе с собой тех, кому это интересно. Лекции, предлагаемые историком-педагогом слушателям, завораживают не театрализацией факта, а включением в сам процесс поиска, открытия. Через рассказ о собственных открытиях, в том числе и уникальных экземплярах документальных источников своей коллекции, Владимир Яковлевич умело и ненавязчиво обучает приемам исторического исследования, заражает вирусом под названием «история».

Сегодня этим «вирусом» болеет весь вуз. Начало этому было положено появлением в 2003 г. исторической экспозиции Музейного комплекса академии. Попытка комплектования материалов для открытия музея предпринималась и ранее. Но создание музея оказалось напрямую связано с инициативой и профессиональными знаниями ректора вуза доктора исторических наук, профессора, историка не только по официальным документам, а по призванию.

В. С. Толстиков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории ЧГИК

Владимир Яковлевич Рушанин – крупный и серьезный ученый-историк, искренне увлеченный наукой, цельно и органично совмещающий, казалось бы, несовместимое – административную работу в качестве ректора вуза культуры и активную научно-исследовательскую деятельность, работу в архивах и публи-

кацию новых монографий, выступления на конференциях.

В. Я. Рушанин – автор более 200 печатных работ, в том числе монографий и учебных пособий. Большинство из них послужили отправными точками для новых научных направлений в работах молодых ученых и студентов. Круг исследовательских интересов Владимира Яковлевича многосторонен и актуален: история России и Урала второй половины XIX – начала XX в., включающая такие важнейшие аспекты, как история молодежного движения и народного образования, история культуры и история книжного дела. В последнее время Владимир Яковлевич активно разрабатывает новую перспективную отрасль научного знания – историческую биографику. Крупным событием в научной жизни Урала стал выход в свет книги В. Я. Рушанина «Иван Александрович Тихомиров. Возвращение забытого имени» [8]. В этом капитальном труде, на основе привлечения широкого массива новых архивных и других документов, автором воссоздана реальная, объективная картина событий.

В. Я. Рушанин – лауреат премии им. В. П. Бирюкова (1999 г.) за монографию, комплексно исследующую историю молодежного движения на Урале [9].

По результатам VII областного конкурса на лучшую издательско-полиграфическую продукцию в 2013 г. в номинации «Научная и учебная литература “О, сколько нам открытий чудных...”» первое место занял труд В. Я. Рушанина «Печатные и рукописные издания уральской учащейся молодежи в 1859–1917 гг.» [10] как лучшая научная книга.

Молодым, начинающим свой путь в науке исследователям везет в жизни особо, если они работают с Владимиром Яковлевичем в рамках обучения в аспирантуре по специальности «Отечественная история». Владимир Яковлевич был и остается настоящим Учителем. Семнадцать учеников успешно защитили диссертации под его научным руководством. В 2012 г. к 60-летию своего учителя благодарные ученики издали сборник статей «Научная школа Владимира Яковлевича Рушанина: Диалоги об ис-

тории» [5]. Публикации в книге ярко показывают, что проблематика исследований представителей научной школы, отражая структуру разнообразных исследовательских интересов В. Я. Рушанина, нацелена на историческую реконструкцию социально-политического, экономического, культурного развития Урала и России в целом во второй половине XIX – первой половине XX в., на эволюцию региональной системы образования, институтов социально-культурной сферы в контексте общеисторических процессов на территории России.

А в 2016 г. молодые исследователи вручили ректору памятный диплом «Главный научный ориентир» международного научно-творческого форума «Молодежь в науке и культуре XXI века» [3]. И все это не простая формальность, а глубокая благодарность студентов и аспирантов Владимиру Яковлевичу за всемерную поддержку их усилий на научном поприще.

Н. О. Александрова, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения и издательского дела ЧГИК

Особое направление исследовательской деятельности В. Я. Рушанина – эволюция региональной книжной культуры. Его первая публикация еще как студента-историка была посвящена деятельности челябинских библиотек начала XX в. [13]. Интерес к истории книжной культуры, изучению книжных памятников (например, первого издания «Описания Сибирского царства и всех произошедших в нем дел...» Г.-Ф. Миллера), уникальных книжных собраний обусловлен и личными пристрастиями ученого-историка. Увлеченный библиофил, Владимир Яковлевич коллекционирует справочные краеведческие и книговедческие издания, книги об Урале.

Первоначально данная проблематика – деятельность местных библиотечных учреждений, создание библиотек и книжных собраний политических молодежных объединений, выпуск ими рукописных и печатных периодических изданий – интерпретировалась Владимиром Яковлевичем в контексте исследования каналов распространения политических идей в

молодежной среде. Обобщением результатов более чем 25-летних архивных и историко-книжных разысканий стала монография «Печатные и рукописные издания уральской учащейся молодежи в 1859–1917 годах» [10], включающая «Указатель изданий уральской учащейся молодежи (1859–1917 гг.)». Уникальное пособие собрало воедино сведения о 125 периодических и продолжающихся изданиях, выпускавшихся в учебных заведениях Пермской, Уфимской, Оренбургской, Вятской и Тобольской губерний. Об уровне его научной значимости свидетельствует то обстоятельство, что библиографическое пособие «Периодика Урала» (Свердловск, 1976) включало лишь около 30 подобных изданий.

Работа Владимира Яковлевича Рушанина в качестве ректора вуза культуры обусловила его интерес к проблемам подготовки кадров в этой сфере. В 2009 г. им было инициировано проведение Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика». Она стала традиционной [1; 2; 6; 7]. За восемь лет работы в ней приняли участие ведущие ученые-книговеды В. П. Леонов, Б. В. Ленский, С. Н. Лютов, А. Л. Посадков, Ю. Н. Столяров и др. Последняя, четвертая конференция (2016) [2] прошла в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)» при поддержке Министерства культуры РФ.

Научно-педагогическая работа Владимира Яковлевича тоже не ограничивается только отечественной историей. Библиофильское увлечение позволило разработать и преподавать дисциплину «Теория и история библиофильства», знакомить студентов с уникальными экземплярами книжных редкостей, открыток, альбомов из личной коллекции.

Проблемам и перспективам профессионального образования в области библиотечно-информационной деятельности были посвящены доклады В. Я. Рушанина на Втором и Третьем Международных профессиональных форумах «Книга. Культура. Образование. Инновации» (Крым, 2016, 2017) [12], а опыту

подготовки магистров и бакалавров издательского дела – его статья в ведущем профессиональном журнале «Библиография» [11]. Именно при В. Я. Рушанине ЧГИК стал единственным в стране вузом культуры, осуществлявшим весь спектр направлений книговедческого образования на всех ступенях подготовки в области издательского дела и книгораспространения.

Р. А. Литвак, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии ЧГИК

Различные направления и спектры жизнедеятельности Владимира Яковлевича Рушанина позволяют утверждать, что этот человек принадлежит к кругу ученых-историков, талантливых руководителей и педагогов. По окончании учебы (исторический факультет Челябинского педагогического института) он был приглашен преподавателем на кафедру отечественной истории. Руководство вуза видело в молодом специалисте не только историка и пытливого исследователя, но и талантливого педагога, способного передать азарт получения новых знаний студентам.

Воспитанный в лучших традициях историко-педагогического факультета, Владимир Яковлевич принял активное участие в организации детского коллектива МДЦ «Артек», успешно руководил комсомольской организацией вуза и с интересом работал куратором студенческой группы. Его педагогическая деятельность и сегодня остается нацеленной на вхождение в систему наук, следуя кантовской теории «учиться не мыслям, но мыслить».

И преподавая, он продолжает тему своего научного исследования, разрабатывая исторический аспект становления ученического и молодежного общественного движения в России. Полученные материалы пользуются и сегодня большим спросом у исследователей развития молодежного движения. Владимир Яковлевич быстро набирает опыт преподавателя, проводя лекции не только в студенческой аудитории, но и среди партийных, комсомольских работников, слушателей общества

«Знание», а также школьных учителей. Проводимые лекции не вписывались в принятые академические рамки. Он их никогда не читал с листа. Слушатели становились участниками исторических событий, о которых ярко и красочно рассказывал Владимир Яковлевич, дополняя фрагментами из художественной литературы, биографиями великих мыслителей, знаменитых людей нашего Отечества, стихами российских поэтов.

Одним из главных средств общения Владимира Яковлевича является Слово. Слово блестящего оратора, высоко эрудированного, обладающего знаниями во всех научных сферах.

Общение Владимира Яковлевича со студентами – это определенная философская школа и творческая мастерская одновременно.

Позже, являясь проректором по научной работе в педагогическом вузе, он пристальное внимание уделял научной деятельности не только среди преподавателей, но и студентов, причем неформально. Уроки проводились не только в учебных аудиториях и кабинетах, но и на базе отдыха педагогического института «Чайка», в студенческом общежитии, музее и т. д. Совместно выявляли проблемы, создавали различные и очень сложные, созвучные времени направления для дискуссий, где оп-

ределялись противоречия, давалось авторское понимание, осмысление тем или иным социально-политическим событиям, объяснялись причины их возникновения.

В различных сферах жизнедеятельности Владимира Яковлевича высвечивается его педагогическая направленность, которая присуща ему как ученому, администратору и собеседнику. Особое чувство восхищения вызывает написанная им книга «Иван Александрович Тихомиров. Возвращение забытого имени» [8] – это настоящая педагогическая сага, где поднимаются вопросы о значении личности в развитии общества и страны. Современные педагоги должны формировать у подрастающего поколения новое ценностно-смысловое отношение к миру, природе, людям. Всей своей деятельностью Владимир Яковлевич подчеркивает значение творческого соучастия молодежи и коллектива преподавателей в поисках истины, а этой формуле нет альтернативы.

Владимир Яковлевич Рушанин в свои 65 актуален как ученый, интересен как педагог и успешен как руководитель. История его личности и его дела продолжает создаваться, удивляя своей многогранностью и событийностью.

1. Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика : материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Челябинск, 23 апр. 2014 г.) / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; Челяб. обл. универс. науч. б-ка ; ред. кол.: В. Я. Рушанин (предс.), Н. О. Александрова, Н. М. Запекина и др. – Челябинск, 2014. – 379 с.
2. Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика : материалы IV Всерос. науч. конф. (Челябинск, 23–25 нояб. 2016 г.) / М-во культуры Российской Федерации, Челяб. гос. ин-т культуры, Челяб. обл. универс. науч. б-ка ; редкол. : В. Я. Рушанин (предисл.), Н. О. Александрова, М. В. Ермолаева и др. – Челябинск : ЧГИК, 2016. – 302 с.
3. Молодежь в науке и культуре XXI в. : материалы междунар. науч.-творч. форума. Челябинск, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г. / Челяб. гос. ин-т культуры ; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2016. – 358 с.
4. Музейный комплекс : путеводитель / сост. В. Я. Рушанин, А. В. Лушникова, Н. В. Овчинникова ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2013. – 104 с.
5. Научная школа Владимира Яковлевича Рушанина: диалоги об истории : сб. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; [сост. А. В. Штолер, А. Н. Терехов, И. Д. Тузовский]. – Челябинск : ЧГАКИ, 2012. – 270 с.
6. Региональные проблемы истории книжного дела : материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Челябинск, 25–26 окт. 2011 г.) / Челяб. гос. акад. культуры и искусств, Челяб. обл. универс. науч. б-ка; редкол.: В. Я. Рушанин, Н. О. Александрова, М. В. Ермолаева и др. – Челябинск, 2011. – 301 с.

7. Региональные проблемы истории книжного дела : материалы Всерос. науч. конф. (Челябинск, 23–24 нояб. 2009 г.) / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; редкол.: В. Я. Рушанин, Н. О. Александрова, М. В. Ермолаева и др. – Челябинск, 2009. – 247 с.
8. Рушанин, В. Я. Иван Александрович Тихомиров. Возвращение забытого имени. – Челябинск : Изд-во Игоря Розина, 2016. – 432 с.
9. Рушанин, В. Я. Молодежное движение в России: региональный аспект (1861–1904 гг.) / В. Я. Рушанин ; М-во общ. и проф. образования РФ ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск : Факел, 1998. – 131 с.
10. Рушанин, В. Я. Печатные и рукописные издания уральской учащейся молодежи в 1859–1917 годах / В. Я. Рушанин. – Челябинск, 2011. – 164 с.
11. Рушанин, В. Я. Профессиональное образование в сфере книжного дела: опыт Челябинского государственного института культуры / В. Я. Рушанин // Библиография. – 2017. – № 3. – С. 5–12.
12. Рушанин, В. Я. Перспективы развития высшего библиотечного образования в контексте освоения профессионального стандарта специалиста в области библиотечно-информационной деятельности [Электронный ресурс] / В. Я. Рушанин // Книга. Культура. Образование. Инновации : Третий Междунар. проф. форум (Крым, 2017). – Режим доступа : <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2017/disk/044.pdf>.
13. Рушанин, В. Я. Библиотеки старого Челябинска / В. Я. Рушанин // Челябинский рабочий. – 1972. – 9 апр. – С. 3.

*Материал подготовил
С. Б. Синецкий*

Р. S. Когда номер журнала был подготовлен к печати, в Законодательном собрании Челябинской области подвели итоги IX областного конкурса на лучшую издательско-полиграфическую продукцию «Южноуральская книга – 2017». Гран-при в номинации «Лучшее научное издание» получила монография В. Я. Рушанина «Иван Александрович Тихомиров. Возвращение забытого имени». Редакция журнала поздравляет В. Я. Рушанина с заслуженной книжной наградой.

УЧЕНЫЙ С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ

Виталий Семёнович Толстиков – доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующий кафедрой истории Челябинского государственного института культуры

В сентябре 2017 г. доктору исторических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования РФ, действительному члену Военно-исторической академии, члену Ассоциации историков Урала, заведующему кафедрой истории ЧГИК Виталию Семёновичу Толстикову исполнилось 80 лет.

Более пятидесяти лет В. С. Толстиков посвятил научно-исследовательской, педагогической, общественной деятельности. Среди основных направлений научных изысканий Виталия Семёновича история создания отечественной атомной промышленности, история закрытых городов Урала, социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале, история промышленных предприятий Урала, история культуры Серебряного века.

Интерес к «атомной истории» у Виталия Семёновича появился еще в середине 1970-х гг.¹, но долгое время он оставался нереализованным, поскольку получить доступ к архивам было невозможно, а писать на «атомную» тему категорически запрещалось. Однако после аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г., всколыхнувшей общественность не только СССР, но и всего мира, брешь секретности была пробита:

приоткрылись ведомственные архивы, позволили говорить специалистам. И только тогда на правительственном уровне начали гласно обсуждать проблемы и последствия аварии на химкомбинате «Маяк» 1957 г.

В начале 1990-х гг. В. С. Толстиков совместно со своим коллегой доктором исторических наук, профессором В. Н. Новоселовым приступил к работе над проблемами истории атомного комплекса Урала. Несколько лет ученые пытались получить доступ в архивы (в первую очередь производственного объединения «Маяк»). Во многом этому способствовало то, что Виталий Семёнович был лично знаком с руководителями предприятий г. Озерска, в частности химкомбината. Авторам удалось собрать и обобщить огромный архивный и печатный материал (включая редкие публикации местных историков-краеведов), опросить сотни участников событий (ветеранов Южно-Уральского управления строительства, производственного объединения «Маяк», старожилов Озерска). В результате появилась книга «Тайна сороковки» [2], раскрывающая историю создания атомного города «Челябинск-40», причины и последствия ядерных аварий на Южном Урале, в том числе 1957 г. Перед нами предстает история не только города или химкомбината, но и тех людей, которые его строили. Авторы отдают должное «беспрецедентности усилий» ученых и инженеров, руководите-

¹ В 1975–1983 гг. В. С. Толстиков работал секретарем горкома КПСС в г. Озёрске (Челябинск-40) [Подробнее о биографии ученого см.: 4].

лей самых различных рангов и рабочих, их «феноменальному самоотверженному порыву в неизвестность».

В последующих книгах – «Атомный след на Урале» [1], «Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.)» [7] – Виталий Семёнович впервые в исторической литературе всесторонне проанализировал влияние атомной промышленности на природу и человека. На основе новых архивных материалов выявил, что из-за интенсивного развития уральской атомной промышленности значительная часть населения пострадала от радиационного воздействия, а природная среда подверглась серьезному радиоактивному загрязнению. Ученый глубоко исследовал условия труда производственного персонала на ядерных объектах, историю рождения новых научных центров и направлений на Урале – радиационной медицины, радиационной биологии и др. Он показал, что социально-экологические последствия развития атомной промышленности представляют собой разноплановый и противоречивый феномен. Они проявляются на уровне отдельно взятого человека, в региональном и глобальном масштабах.

Особое внимание в своих публикациях Виталий Семёнович уделяет жизни и деятельности руководителей атомных предприятий, выдающихся представителей научной и общественной жизни Урала – В. П. Поляничко, Н. В. Тимофеева-Ресовского, Б. Г. Музрукова, А. Н. Комаровского и др.

Весомый вклад В. С. Толстикова в изучение истории атомной промышленности (богатейший фактический материал, введенный в научный оборот; оригинальные подходы к исследованию данной темы) отмечают как российские, так и зарубежные специалисты. Так, многие годы Виталий Семёнович активно поддерживает тесные творческие контакты с учеными ряда стран, занимающимися аналогичными проблемами, среди них профессор Леннарт Самуэльсон (Швеция) и профессор Кэтрин Браун (США).

Кроме проблем, связанных с созданием ядерной индустрии, В. С. Толстиков разрабатывает вопросы истории культуры, социальной экологии, историографии, осуществляет руководство научными работами по истории отечественной культуры.

Самое интересное и плодотворное время в российской культуре, по мнению В. С. Толстикова, – вторая половина XIX в. и первая треть XX в. Особое внимание он уделяет Серебряному веку, творческим достижениям многих выдающихся деятелей русской интеллигенции, их вкладу в мировую культуру. Это был настоящий взлет, «Ренессанс» в русском искусстве. Вместе с тем данная страница нашей истории в СССР была долгое время закрытой (особенно культура русского зарубежья). И здесь Виталий Семёнович выступает одним из первопроходцев в изучении указанной темы. Одной из первых работ была «История отечественной культуры и интеллигенции конца XIX – XX вв.» (1994 г.) [5], рекомендованная Министерством культуры РФ для вузов культуры и искусства страны. В более позднем учебном пособии «Культура России во второй половине XIX в. – первой трети XX в.» (ставшую лауреатом конкурса на лучшую научную книгу 2008 г.; Фонда развития отечественного образования, 2009) [6] он комплексно (с учетом новых подходов, на основе большого фактического материала) проанализировал образование, науку, книгоиздание, художественную культуру, а также причины, закономерности, взаимосвязи и значение важнейших событий и явлений рассматриваемого периода. Данное пособие также было рекомендовано УМО.

В отдельных статьях В. С. Толстиков обозначил культуру русской эмиграции продолжением Серебряного века.

В 2016 г. В. С. Толстиков в соавторстве с А. Ю. Ерыкалиной опубликовал монографию «Южноуральские горожане в эпоху культуры модерна (на рубеже XIX – XX вв.)» [8]. На основе изучения многочисленных источников авторы анализируют изменения в городской культуре и быте в условиях модер-

низации. Интересен вывод авторов о том, что для борьбы с негативными явлениями, наряду с полицией и системой запретов, использовались и культурные средства, а именно – разумные развлечения. Значительный интерес представляют материалы монографии, оценки ее авторами новых явлений, характеризующих культурную жизнь и быт южноуральских городов в конце XIX – начале XX в. Речь здесь идет прежде всего о формировании культуры чтения, расширении роли печати и распространении книг, участии горожан в благотворительной деятельности, развитии физкультуры и пропаганде здорового образа жизни.

В книге показано развитие краеведческого движения, которое прошло путь от филиалов столичных обществ до организации своих, провинциальных, а также возникновение в связи с этим городских музеев, регионального туризма, увеличение числа местных специалистов в области изучения истории, полезных ископаемых, флоры и фауны в крае. Одним из важных достоинств работы следует считать достаточно убедительные выводы авторов, подкрепленные фактическими данными, о создании в городах в изучаемый хронологический период социокультурной среды, адекватной запросам времени.

В целом монография является актуальным и самостоятельным исследованием, вносит серьезный научный вклад в изучение культурной и социальной истории как Урала, так и России в целом.

В. С. Толстикова – автор книг по истории Челябинского государственного института культуры: «Челябинская государственная академия культуры и искусств: Страницы истории» [10], «Созвездие творческих судеб (крат. биографии выпускников Челяб. гос. акад. культуры и искусств)» [3], а также член редакционно-издательского совета энциклопедии «Челябинская государственная академия культуры и искусств» [9].

Ректор ЧГИК доктор исторических наук, профессор В. Я. Рушанин подчеркнул, что данные книги – уникальные исторические из-

дания, где описан процесс становления вуза и превращение его в центр многопрофильного культурного образования. В них обобщены и проанализированы исторические документы о неизвестных страницах вузовской истории, даны исторические портреты талантливых людей, стоящих у истоков создания академии, заложивших основу кафедр и факультетов, представлены биографии ее выпускников, внесших весомый вклад в совершенствование социокультурной сферы Урала и России в целом. Книги вызвали широкий общественный резонанс и получили высокие оценки деятелей культуры.

В. С. Толстикова способствовал открытию в институте новой специальности «Музейное дело и охрана памятников». Принимал активное участие в деятельности областной комиссии по изучению и сохранению историко-культурного наследия Южного Урала.

Более десятка молодых ученых благодаря научному руководству В. С. Толстикова успешно защитили диссертации по широкому спектру наиболее актуальных проблем исторической науки. Многие из них защищались в диссертационных советах ЮУрГУ и Института истории и археологии УрО РАН. Они достойно выдержали этот экзамен, успешно отстаивая не только свои исследовательские достижения, но и высокий научно-организационный потенциал своего руководителя.

Одна из его аспиранток, Т. В. Герасимова, отмечает, что в Виталии Семёновиче удивительным образом сплетаются профессиональная и личная биографии – работа в Озерском горкоме КПСС дала ему возможность личного участия в жизни закрытого города, сопричастность истории и знакомство с непосредственными участниками создания ядерного щита страны. В разработке темы истории атомной отрасли Виталий Семёнович по праву считается первопроходцем, поскольку одним из первых обратился к этому вопросу, а также использовал новаторский подход – история отрасли рассматривается в его трудах в контексте таких достаточно новых научных направлений, как историческая экология и соци-

альная история. Личная успешная творческая деятельность Виталия Семёновича как ученого, его трудолюбие, последовательность, умение заинтересовать идеей и поддержать интерес к научному исследованию вызывают глубокое уважение и служат ориентиром для его учеников.

В. С. Толстиков – постоянный автор статей в ведущих профессиональных журналах, сборниках, энциклопедиях: «КЛИО», «Вестник Южно-Уральского государственного университета», «Вестник Челябинского государственного университета», «Вестник культуры и искусств», «Социологические исследования», «Журнал Уральского Федерального округа», «Российская история», «Вопросы истории», «Уральская историческая энциклопедия», энциклопедии «Челябинск» и «Челябинская область». Публикации Виталия Семёновича всегда получают живой отклик и признание специалистов.

В. С. Толстиков поддерживает тесные творческие связи с Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН, Центром научных конференций «Общественная наука» Международной научно-исследовательской федерации, Проблемным советом «Российская Федерация в годы Второй мировой войны» Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, Челябинским государственным университетом, Южно-Уральским государственным университетом.

Заместитель председателя Объединенного ученого совета по гуманитарным нау-

кам УрО РАН, заведующий отделом Института истории и археологии УрО РАН доктор исторических наук, профессор А. В. Сперанский высоко оценивает вклад Виталия Семёновича в науку, его усилия в области интеграции академической и вузовской науки и выражает уверенность, что дальнейшее совместное сотрудничество позволит разработать множество инновационных идей, смелых решений и научных результатов высочайшего уровня.

Доктор исторических наук, профессор В. С. Балакин отмечает, что Виталий Семёнович в течение многих лет активно сотрудничает с выпускающей кафедрой истории ЮУрГУ, является председателем Государственной аттестационной комиссии. На этом важнейшем для студентов посту он проявляет лучшие черты ученого и педагога. Все выпускники отзываются о нем с благодарностью и теплотой. Более 10 лет Виталий Семёнович участвует в работе диссертационного совета по историческим наукам при Южно-Уральском государственном университете.

В. С. Толстиков – выдающийся ученый, внимательный руководитель, талантливый педагог, чуткий, доброжелательный человек. Свой юбилей он встречает полным творческих планов, интересных проектов и идей.

Коллектив института сердечно поздравляет доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории Виталия Семёновича Толстикова со знаменательной датой.

1. Новоселов, В. Н. Атомный след на Урале / В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков. – Челябинск : Рифей, 1997. – 238 с.
2. Новоселов, В. Н. Тайна «сороковки» / В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 1995. – 320 с.
3. Рушанин, В. Я. Созвездие творческих судеб: крат. биографии выпускников Челяб. гос. акад. культуры и искусств / В. Я. Рушанин, В. С. Толстиков ; под общ. ред. М. В. Лукиной ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2007. – 303 с.
4. Толстиков Виталий Семёнович : биобиблиогр. указ. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; сост. Т. Н. Мокваева, Е. С. Казанцева, Ю. Н. Трегулова. – Челябинск, 2007. – 75 с. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

5. Толстиков, В. С. История отечественной культуры и интеллигенции конца XIX – XX вв. : учеб. пособие для студентов и преподавателей высш. учеб. заведений : в 2 ч. / В. С. Толстиков. – Челябинск : ЧГИК, 1994. – Ч. 1 – 176 с.; Ч. 2. – 72 с.
6. Толстиков, В. С. Культура России во второй половине XIX в. – первой трети XX в. : учеб. пособие / В. С. Толстиков ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2011. – 2-е изд., испр., доп. – 303 с.
7. Толстиков, В. С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.) / В. С. Толстиков. – Челябинск : ЧГИК : ЧИПКРО, 1998. – 301 с.
8. Толстиков, В. С. Южноуральские горожане в эпоху культуры модерна (на рубеже XIX – XX вв.) / В. С. Толстиков, А. Ю. Ерыкалина ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2016. – 183 с.
9. Челябинская государственная академия культуры и искусств : энцикл. / пред. ред.-издат. совета В. Я. Рушанин. – Челябинск, 2012. – 800 с.
10. Челябинская государственная академия культуры и искусств: Страницы истории / [авт.-сост. В. С. Толстиков]. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 194 с.

*Материал подготовили
А. Н. Терехов, Е. В. Тищенко*

P. S. Когда номер журнала был подготовлен к печати, в Законодательном собрании Челябинской области подвели итоги IX областного конкурса на лучшую издательско-полиграфическую продукцию «Южноуральская книга – 2017». Монография В. С. Толстикова и А. Ю. Ерыкалиной «Южноуральские горожане в эпоху культуры модерна (на рубеже XIX – XX вв.)» заняла третье место в номинации «Лучшее научное краеведческое издание». Редакция журнала поздравляет Виталия Семёновича и Анфису Юрьевну с заслуженной книжной наградой.

Научная жизнь

**ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ**

Учебные издания:

Григорьева, О. Р. Эстрадный танец : учеб.-метод. пособие для студентов и преподавателей вузов / О. Р. Григорьева ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 59 с.

В пособии раскрываются теоретические основы дисциплины, а именно: история возникновения и развития, особенности и природа эстрадного танца. Также определено понятие эстрадный танец и его специфика. Автор предлагает рассмотреть эстрадный танец в качестве специфического вида искусства и дисциплины в системе профессиональной подготовки будущего педагога-хореографа. В пособии представлена структура учебной дисциплины и практического занятия, даны методические и практические рекомендации по подготовке и ведению занятия по эстраднему танцу.

Издание предназначено для студентов и преподавателей вузов, колледжей, училищ культуры и искусств. Кроме того оно будет полезно руководителям и преподавателям самостоятельных и профессиональных хореографических коллективов.

Дубских, Т. М. Народно-сценический танец: методика обучения : учеб. пособие для студентов и преподавателей вузов / Т. М. Дубских ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 87 с.

В пособии, адресованном будущим и действующим педагогам-хореографам, в действии представлено применение вербального компонента в обучении студентов народно-сценическому танцу в вузах культуры и искусств.

Пособие может быть использовано на практике при обучении студентов другим видам танцев, а также в системе повышения квалификации преподавателей высшей школы.

Ермолаева, М. В. Современная фразеология : учеб. пособие / М. В. Ермолаева ; Че-

ляб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 145 с.

В учебном пособии изложены теоретические сведения о современной фразеологической системе русского языка. В книге даны представления о гендерном аспекте русской фразеологии, о коммуникативно-прагматических установках языковой личности, использующей в ходе обмена информацией процессуальные фразеологические единицы. Рассмотрены типичные нарушения фразеологических норм и пути их устранения. Во всех разделах имеются задания на усвоение и закрепление материала.

Учебное пособие рассчитано на студентов, бакалавров, магистрантов очной и заочной формы обучения различных нефилологических специальностей, обучающихся по направлению подготовки 46.03.02 Документоведение и архивоведение, 42.04.03 Издательское дело.

Мордасов, А. А. Бал. История. Содержание. Технология : учеб.-метод. пособие / А. А. Мордасов, Н. В. Скрипина ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 234 с.

Учебно-методическое пособие рассчитано на студентов и всех, кто интересуется вопросами возрождения и реконструкции балов европейской традиции. Исторические материалы, структура и разнообразные элементы балов и маскарадов, организационные и творческие проблемы, с которыми сталкиваются желающие окунуться в прекрасную старину, всё это вы можете найти в новом издании.

Отрыванова, Л. П. История отечественного телевидения : учеб. пособие / Л. П. Отрыванова ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 132 с.

Данное учебное пособие освещает главные актуальные аспекты исторического развития отечественного телевидения.

Адресовано студентам вузов культуры и искусств и соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту.

Смолин, Ю. В. Основы теории спортивных соревнований и подвижных игр : учеб.-метод. пособие по дисциплине «Элективные курсы по физической культуре» / Ю. В. Смолин ; Челябин. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 55 с.

Данное пособие раскрывает содержание работы по подготовке к участию и проведению массовых физкультурно-оздоровительных мероприятий и спортивных соревнований. Предназначено для студентов вузов.

Ширяева, О. Ф. Жанр симфонической картины в творчестве отечественных композиторов : учеб. пособие по дисциплине «История отечественной музыки» для студентов, обучающихся по направлениям подготовки: 53.03.05 Дирижирование, 53.03.02 Музыкально-инструментальное искусство, 53.05.01 Искусство концертного исполнительства / О. Ф. Ширяева ; Челябин. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 203 с.

Пособие раскрывает содержание части курса «История отечественной музыки» и посвящено одному из малоисследованных в музыковедении жанру симфонической картины, созданному отечественными композиторами во второй половине XIX в. Феномен представлен как своеобразный результат синтеза искусств и анализируется с точки зрения программности, средств звукоизобразительности и композиционных основ.

Издание адресовано студентам вузов культуры и искусств, обучающимся по направлению подготовки «Дирижирование», «Музыкально-инструментальное искусство», «Искусство концертного исполнительства», а также искусствоведам и культурологам.

Харишина, В. И. Хоровое сольфеджио : хрестоматия для студентов всех музыкальных специальностей / В. И. Харишина (аранжировка, вступ. ст.) ; Челябин. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 104 с.

Данное учебное пособие соответствует уровню требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования; является необходимым дополне-

нием к практической части курса сольфеджио, обязательного (базового) для студентов всех музыкальных специализаций очного и заочного обучения.

Издание включает аранжировки В. И. Харишиной известных произведений Т. Альбини, Л. Боккерини, И. Баха, Л. Бетховена, Ф. Шопена, Ф. Листа, К. Сен-Санса, С. Рахманинова, Дж. Гершвина, С. Джоплина и др.

Шкербина, Т. Ю. От примы до октавы : Методика работы с артистами детского хорового коллектива : учеб. пособие по дисциплине «Методика работы с артистами коллектива» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 53.05.02 Художественное руководство оперно-симфоническим оркестром и академическим хором, специализация «Художественное руководство академическим хором» / Т. Ю. Шкербина, О. П. Селезнева; Челябин. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 85 с.

Данное учебное пособие написано с целью методического обеспечения учебной дисциплины «Методика работы с артистами коллектива». В нем раскрывается методика работы в детском хоровом коллективе над интерваликой, штрихами, дикцией, выработкой правильного певческого дыхания и мн. др. на произведениях, созданных челябинским композитором Т. Шкербиной для двух- и трехголосного хора а капелла.

Пособие адресовано студентам дирижерам, а также руководителям детских хоровых коллективов, учителям музыки, преподавателям музыкальных колледжей и вузов.

Шутов, И. И. Березонька моя : песни для жен. голоса (соло, дуэт) с сопровождением (фп., баян) [Ноты] : сб. песен и метод. рекомендаций / И. И. Шутов; сост. Л. И. Шутова, Л. И. Клименко ; Челябин. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 66 с.

Шутов, И. И. Сторонка, милая сторонка : песни для муж. голоса (соло, дуэт) с сопровождением (фортепиано, баян, аккордеон, гитара) [Ноты] : сб. песен и метод. рекомендаций / И. И. Шутов; сост. Л. И. Шутова,

Л. И. Клименко ; Челябин. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 74 с.

Данные нотные издания имеют широкий диапазон применения, адресованы студентам народно-хоровой специализации, обучающимся в вузах и ссузах культуры и искусства (предмет «Постановка голоса»), исполнителям академического направления, а также руководителям хоровых коллективов и ансамблей народной песни. Представленные произведения не просто расширят репертуар, а будут способствовать духовному обогащению самих исполнителей и слушателей, поскольку каждая песня – небольшой рассказ, частица души и сердца автора. Также в сборники включены некоторые методические рекомендации.

Составители – дочери композитора Лира Ивановна Шутова, профессор, канд. пед. наук, засл. работник культуры РФ, действительный член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, и Любовь Ивановна Клименко, преподаватель высшей категории ДШИ № 2 (г. Березовский Свердловской области), дипломант первого городского конкурса «Вдохновение», лауреат и дипломант международных, российских, региональных, областных конкурсов и фестивалей.

На IX областном конкурсе на лучшую издательско-полиграфическую продукцию «Южноуральская книга – 2017» «Сторонка, милая сторонка» и «Березонька моя» заняли второе место в номинации «Лучшее нотное издание».

Научные издания

Библиотечный мир глазами студентов : сб. материалов Третьей всерос. науч. конф. Челябинск, 15 мая 2017 г. / науч. ред., сост. И. Ю. Матвеева. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 201 с.

В сборнике материалов Третьей всероссийской научной студенческой конференции «Библиотечный мир глазами студентов» нашли отражение исследования студентов российских вузов по темам: «Библиотека и социум: поиск граней соприкосновения», «Современные приоритеты библиотечного обслуживания», «Социокультурные практики библиотек: иннова-

ционные эскизы», «Чтение и его развитие библиотечными средствами», «Модификация библиотечного пространства как фактор изменения имиджа библиотеки», «Реализация идей управления персоналом в библиотеках», «Технологические аспекты функционирования библиотек». В работе конференции приняли участие студенты институтов культуры – Санкт-Петербургского, Кемеровского, Челябинского и БГПУ им. М. Акмуллы.

Вестник Института культуры детства. Теория и практика формирования культуры детей и подростков / Челябин. гос. ин-т культуры ; редкол. : Р. А. Литвак, К. В. Горбачева. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – Вып. 17. – 148 с.

Сборник включает серию публикаций научно-методического характера, выполненных в процессе деятельности Института культуры детства при Челябинском государственном институте культуры. Материалы отражают результаты научно-методических исследований преподавателей, аспирантов и соискателей, проведенных в текущем году на базе учреждений дополнительного образования, общеобразовательных школ и учреждений социального патронирования, которые являются экспериментальными площадками Института культуры детства ЧГИК.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам, соискателям и студентам, исследующим проблемы формирования культуры детей и подростков, а также специалистам в области культуры.

Карюков, В. Г. Информационное содержание и смысл звуков в человеческой картине мира / В. Г. Карюков; вступ. ст. С. Г. Фатыхова. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 94 с.

Данная работа раскрывает информационные содержания звуков, использованные нашими предками в период становления языка, но затем полностью забытые. Предложены способы выявления звуковой информации и реконструкции первоначальных смыслов слов и их составных частей. Это позволяет раскрывать созданную народом языковую картину мира.

Мантурова, Н. С. Активизация познавательной деятельности в процессе формирования профессиональных ценностей бакалавра документоведения и архивоведения : монография / Н. С. Мантурова ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 187 с.

В монографии рассматриваются актуальные проблемы активации познавательной деятельности бакалавров. Значительное внимание в работе уделяется методике активации познавательной деятельности студентов, а также разработке педагогических условий, обеспечивающих формирование профессиональных ценностей у бакалавров документоведения и архивоведения.

Природное и культурное наследие Урала : материалы VIII регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2 июня 2017 г. / Челяб. гос. ин-т культуры ; сост. А. В. Лушникова (отв. за вып.) ; науч. ред. Ю. В. Гушул. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 294 с.

В сборник вошли материалы конференции, посвященной вопросам изучения и продвижения объектов природного и культурного наследия Урала в системе краеведческой, педагогической, библиографической деятельности.

Издание предназначено для педагогов-исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов.

Пятнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России: укрепление духовного единства : материалы всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 18–19 мая 2017 г. / сост. Ю. В. Гушул ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 405 с.

В сборнике материалов Пятнадцатого Славянского научного собора «Урал. Православие. Культура» опубликованы выступления ученых России, Болгарии, богословов, преподавателей вузов и ссузов, специалистов учреждений культуры, представителей общественных организаций, Челябинской епархии Русской православной церкви. В тезисах, статьях, научно-

практических, методических материалах обсуждаются различные аспекты истории, актуальных культурных смыслов, традиции православия, славянской культуры, значение традиционных ценностей в поисках духовного единства современной российской культуры.

Издание предназначено для преподавателей вузов, ссузов, аспирантов, студентов, специалистов-практиков, всех интересующихся проблемами истории Русской православной церкви, философии и культуры, богословия, лингвистики, духовно-нравственного образования, просвещения и воспитания.

Справочные издания

Представленные ниже библиографические указатели входят в серию «Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы» и адресованы специалистам сферы культуры и искусства, библиотечного дела, преподавателям, аспирантам, студентам.

Данная серия удостоилась третьего места на IX областном конкурсе на лучшую издательско-полиграфическую продукцию «Южноуральская книга – 2017» в номинации «Лучшее справочное издание».

Аскарлова Виолетта Яковлевна : биобиблиогр. указ. / Челяб. гос. ин-т культуры; отв. за вып. В. Я. Рушанин ; сост. Т. Н. Моковая, Ю. В. Гушул, Ю. Б. Разина, О. В. Бессмертная. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 137 с. : цв. фот. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

Данный научно-вспомогательный указатель содержит перечень основных трудов В. Я. Аскарловой, профессора, доктора филологических наук, председателя Центра чтения ЧГИК, руководителя Южно-Уральского отделения Русской ассоциации чтения, одного из разработчиков Национальной программы развития и поддержки чтения, автора проектов «Читающий Урал – настоящая Россия», «Библиотечный локомотив», «Чтение на евразийском перекрестке», и литературу о ее деятельности. Издание приурочено к юбилею ученого, педагога, общественного деятеля.

Литвак Римма Алексеевна : биобиблио-огр. указ. / Челябин. гос. ин-т культуры; сост. Т. Н. Моковая, Ю. Б. Разина, Е. И. Тиньгаева, О. В. Бессмертная, К. В. Горбачева ; отв. за вып. В. Я. Рушанин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 105 с. : цв. фот. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

Данный научно-вспомогательный указатель содержит перечень основных трудов ведущего ученого в сфере социального образования профессора, доктора педагогических наук Риммы Алексеевны Литвак и литературу о ее деятельности.

Фатыхов Салим Галимович : биобиблио-огр. указ. / Челябин. гос. ин-т культуры ; сост. О. В. Бессмертная, Ю. В. Гушул, Т. Н. Моковая, Ю. Б. Разина ; отв. за вып. В. Я. Рушанин. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 129 с. : цв. фот. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

Данный научно-вспомогательный указатель содержит перечень основных трудов ведущего ученого-культуролога, журналиста, поэта и прозаика, российского общественного деятеля, члена Союза писателей России и Союза журналистов России доктора культурологии, профессора Челябинского государственного института культуры Салима Галимовича Фатыхова, литературу о его деятельности и приурочена к его 70-летию. С. Г. Фатыхов – автор более 300 трудов, в их числе сборники стихов, рассказов, монографии, публикации в литературной и научной периодике России и стран ближнего Зарубежья.

Ягодинцева Нина Александровна : биобиблиогр. указ. / Челябин. гос. ин-т культуры ; отв. за вып. В. Я. Рушанин; сост. Т. Н. Моковая, Ю. Б. Разина, В. Р. Абрамовских, О. В. Бессмертная. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 206 с. : цв. фот. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

Данный биобиблиографический указатель содержит перечень основных трудов Нины Александровны Ягодинцевой – выпускницы Литературного института имени Горького, секретаря Союза писателей России, кандидата культурологии, доцента кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры, а также литературы о ее деятельности. Н. А. Ягодинцева – автор более 20 книг: стихов, цикла учебников «Поэтика», монографий, изданных в России и Германии, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США.

Издания, посвященные истории вуза

Музейный вестник / ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры» ; сост. Н. В. Овчинникова. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – Вып. 23. – 138 с., [12] с. : ил.

Материал настоящего выпуска «Музейного вестника» посвящен подготовке к 50-летию института; продолжена публикация воспоминаний выпускников вуза, статей по музееведению, краеведению, воспитанию студентов.

Издание адресовано тем, кого интересуют вопросы истории родного края, вуза, музееведения; судьбы преподавателей, сотрудников, выпускников и студентов института.

По вопросам приобретения издательской продукции обращаться:

Сектор распространения издательской продукции: e-mail: lib2@chgak.ru; тел./ факс: 8 (351) 263-87-73. Бланк для оформления заказа, полные условия заказа, прайс-лист изданий института см. на сайте: http://chgak.ru/sectr_raspr_izdat_prod.

Материал подготовлен
Е. В. Волковой

Сведения об авторах

Ан Светлана Андреевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Алтайского государственного педагогического университета. *E-mail: fil@uni-altai.ru*

Андреева Ирина Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма и музееведения Челябинского государственного института культуры. *E-mail: andreevairina7@gmail.com*

Вихрева Галина Михайловна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-исследовательской и методической работы ГПНТБ СО РАН (Новосибирск). *E-mail: vihreva@spsl.nsc.ru*

Гушул Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, директор Научно-образовательного центра «Информационное общество» Челябинского государственного института культуры. *E-mail: disser2007@yandex.ru*

Евдокимова Нина Кузьминична – соискатель, начальник Центра дополнительного профессионального образования, старший преподаватель кафедры теории музыки Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского. *E-mail: nmc-dpo2012@yandex.ru*

Киуру Константин Валерьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета. *E-mail: kkiuru@mail.ru*

Кособуцкая Наталья Юрьевна – аспирант, доцент кафедры педагогики хореографии Челябинского государственного института культуры. *E-mail: nkosobutskaja@mail.ru*

Костерина Мария Геннадьевна – кандидат искусствоведения, Алтайский государственный университет. *E-mail: mari_kosterina@mail.ru*

Лаврова Клёна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинского государственного института культуры. *E-mail: kloyna@yandex.ru*

Михайлова Анна Викторовна – аспирант кафедры библиотечно-информационной деятельности, старший преподаватель кафедры информатики Челябинского государственного института культуры. *E-mail: mihailoova@gmail.com*

Овчинникова Зоя Александровна – аспирант кафедры истории Челябинского государственного института культуры, директор Увельского краеведческого музея. *E-mail: zoyageraskina1995@yandex.ru*

Сафонова Наталья Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры этнокультурного образования Челябинского государственного института культуры. *E-mail: natulya_natalka@mail.ru*

Серикова Татьяна Юрьевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры современных образовательных технологий Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск). *E-mail: serikova_72@mail.ru*

Синецкий Сергей Борисович – доктор культурологии, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе Челябинского государственного института культуры. *E-mail: sbs62@mail.ru*

Тараненко Любовь Геннадиевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой технологии документальных коммуникаций Кемеровского государственного института культуры. *E-mail: lubgt@mail.ru*

Терехов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Челябинского государственного института культуры. *E-mail: kaf-ist@chgaki.ru*

Тихомирова Анна Борисовна – композитор, аспирант сектора инструментоведения Российского института истории искусств (Санкт-Петербург), преподаватель Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского, старший преподаватель Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского. *E-mail: ann-tikhomirova@yandex.ru*

Тищенко Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Челябинского государственного института культуры. *E-mail: tishenko_ev65@mail.ru*

Триедин Владимир Евгеньевич – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга, почетный председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры. *E-mail: bonicat@list.ru*

Урсул Аркадий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, директор Центра глобальных исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии наук Молдавии. *E-mail: ursul-ad@mail.ru*

Федотова Ольга Павловна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и методической работы, заведующая отделом хранения фондов ГПНТБ СО РАН (Новосибирск). *E-mail: kh@spsl.nsc.ru*

Флиер Андрей Яковлевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва). *E-mail: andrey.flier@yandex.ru*

Хафизов Дамир Михайлович – аспирант кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинского государственного института культуры, главный библиотекарь Научной библиотеки Южно-Уральского государственного университета (НИУ). *E-mail: khafizovdm@susu.ru*

Шуб Мария Львовна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социологии Челябинского государственного института культуры. *E-mail: Shubka_83@mail.ru*

Authors

An Svetlana – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Philosophical sciences and of the Culturology and Sociology chair of Altai State Pedagogical University. *E-mail: fil@uni-altai.ru*

Andreeva Irina – Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Associate Professor of Museology and Tourism Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: andreevairina7@gmail.com*

Evdokimova Nina – post-graduate student of Ural State Mussorgsky Conservatoire. *E-mail: nmc-dpo2012@yandex.ru*

Fedotova Olga – Candidate of Pedagogic Sciences, senior scientific worker of the Department of scientific-research and methodic work, head of the Stock department of the SPSTL SB RAS (Novosibirsk). *E-mail: kh@spsl.nsc.ru*

Flier Andrei – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Senior Researcher of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. Likhachev (Moscow). *E-mail: andrey.flier@yandex.ru*

Gushul Iulia – Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Associate Professor of Library and Information Activities Department, Director of the Scientific-educational Centre “Information society” of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: disser2007@yandex.ru*

Khafizov Damir – post-graduate student of Chair of Library and Information Activities at Chelyabinsk State Institute of Culture, chief librarian of Scientific Library of the South Ural State University (NSU). *E-mail: khafizovdm@susu.ru*

Kiuru Konstantin – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of Journalism and Mass Communication Department of the Chelyabinsk State University. *E-mail: kkiuru@mail.ru*

Kosobutskaya Natalia – post-graduate student, Associate Professor of the Chair of Pedagogy of Choreography of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: nkosobutskaya@mail.ru*

Kosterina Maria – Candidate of Art Criticism, Associate Professor of Department of instrumental performance of Altai State University. *E-mail: mari_kosterina@mail.ru*

Lavrova Klana – Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Associate Professor Library and Information Activities Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: kloyna@yandex.ru*

Mikhailova Anna – post-graduate student of the Department of library and information activity, Senior Lecturer of the Department of Informatics of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: mihailoova@gmail.com*

Ovchinnikova Zoia – post-graduate student of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, director of the Uvelskiy museum of local lore. *E-mail: zoyageraskina1995@yandex.ru*

Safonova Natalia – Candidate of Culturology, Docent, Associate Professor of Ethno-Cultural Education Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: natulya_natalka@mail.ru*

Serikova Tatiana – Candidate of Art Criticism, Associate Professor of Modern Educational Technologies Department of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk). *E-mail: serikova_72@mail.ru*

Shub Maria – Candidate of Culturology, Docent, Associate Professor of Culturology and Sociology Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: Shubka_83@mail.ru*

Sinetskii Sergey – Doctor of Culturology, vice-rector for scientific-research and innovative activity of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: sbs62@mail.ru*

Taranenko Liubov – Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Head of Documentary Communications Technology Department of the Kemerovo State Institute of Culture. *E-mail: lubgt@mail.ru*

Terekhov Aleksei – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of History Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: kaf-ist@chgaki.ru*

Tikhomirova Anna – composer, post-graduate student of Organology Department of the Russian Institute of Art History (St. Petersburg), Lecturer of the Sverdlovsk Tchaikovsky Music College, Senior Lecturer of the Ural State Mussorgsky Conservatoire. *E-mail: ann-tikhomirova@yandex.ru*

Tishchenko Elena – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of History Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: tishenko_ev65@mail.ru*

Triodin Vladimir – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Honored Scientist, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Honored Chairman of St. Petersburg branch of the Russian Creative Union of Cultural Workers, Academician of the Academy of Humanitarian Sciences, corresponding member of the International Academy of Psychological Science. *E-mail: bonicat@list.ru*

Ursul Arcady Dmitrievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Global Processes Faculty, Director of the Global Researches Centre of the Moscow State Lomonosov University, Honored Scientist of Russia, Academician of Moldavia Academy of Sciences (Moscow). *E-mail: ursul-ad@mail.ru*

Vihreva Galina – Candidate of Pedagogic Sciences, leading scientific worker of the Department of scientific-research and methodic work of the SPSTL SB RAS (Novosibirsk). *E-mail: vihreva@spsl.nsc.ru*

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ (требования к материалам, представляемым для публикации)

1. К печати принимаются материалы, содержащие результаты самостоятельных научных исследований авторов. Тематика публикаций должна отвечать профилю журнала (в присланных материалах необходимо указывать название раздела журнала). О материале, отклоненном от публикации, редакция сообщает автору. В редакционном портфеле статья может находиться до года.

2. Рукопись передается в электронном виде и сопровождается письмом (по факсу или непосредственно в редакцию по образцу, который находится на сайте Вестника в разделе «Авторам»), подписанным научным руководителем (для соискателей) и автором (авторами). *Подпись автора подтверждает отсутствие плагиата и некорректного цитирования и гарантирует, что материал не был опубликован ранее и не был направлен на рассмотрение в другие издания, а приведенные в статье данные являются подлинными. Кроме того, подпись означает согласие на передачу прав ЧГИК на распространение печатных и электронных вариантов представленной работы.* Рекомендуем предоставить сведения об уникальности текста по системе Text.ru.

3. Объем статьи (включая резюме и список литературы с переводом на английский язык) не должен превышать 15–18 с.; объем остальных материалов устанавливается редколлегией. Параметры предоставляемых материалов: формат А4, поля с каждой стороны – 2 см, интерлиньяж – 1,5, кегль – 14, расширение документа .doc или .rtf.

4. Первая страница текста должна содержать следующую информацию:

- фамилия, имя, отчество автора (на русском и английском языках);
- краткие сведения об авторе (ученая степень, в том числе искомая, звания, место работы, должность);
- примерная дата защиты;
- контактная информация (обязательно действующий e-mail, а также телефон или факс, домашний адрес);
- название статьи (на русском и английском языках);
- **резюме и ключевые слова** (на русском и английском языках). Резюме к научной статье – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Объем в первую очередь определяется содержанием статьи (объемом сведений, их научной ценностью, практическим значением), примерно составляет 200–300 слов. Резюме должно отвечать следующим требованиям: информативность (не содержит общих слов); содержательность (отражает основное содержание статьи и результаты исследований); изложение соответствует логике развития темы в статье: актуальность, цель работы, постановка проблемы (если они не ясны из заглавия статьи); используемые подходы и методы для решения конкретных задач исследования; результаты работы, выводы.

Переводом названия статьи, аннотации, ключевых слов должен заниматься специалист, машинный перевод (онлайн-переводчики) категорически не допускается и редакцией приниматься не будет.

6. Все представленные работы редакция журнала направляет на анонимное рецензирование специалистам по тематике рецензируемых материалов. Решение о публикации принимается редакционной коллегией на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

7. Текст рекомендуется выстраивать в определенной логической последовательности, которая предполагает: постановку проблемы и анализ существующих подходов к ее решению; выделение объектной и предметной сфер анализа, выдвижение гипотез и предположений; описание методического замысла и процедуры его реализации; предъявление основных исследовательских резуль-

татов и их научную интерпретацию; формулирование основных теоретических выводов и их аргументацию; разработку конкретных рекомендаций для работы специалистов в соответствующей сфере; список источников должен содержать не менее 10 позиций, включая исследования последних годов; отдельно необходимо предоставить список источников на английском языке (имена собственные транслитерируются).

8. Статья должна быть написана четко, ясно, без длинного введения и повторений, тщательно выверена автором.

9. Сокращения слов (аббревиатуры) допускаются для повторяющихся в тексте ключевых выражений или для часто употребляемых терминов, при этом все сокращения должны быть сначала приведены в статье полностью; сокращений не должно быть более 5–6.

10. Таблицы (не более 2–3) и рисунки (не более 3–4) должны быть построены наглядно и иметь название; их заголовки – соответствовать содержанию граф, все цифры в таблицах – тщательно выверены автором.

11. Источники в пристатейном библиографическом списке следует составить в алфавитном порядке и пронумеровать; каждый оформляется с новой строки. В списке перечисляются только те источники, ссылки на которые приводятся в тексте. В описании источника указывается до трех фамилий авторов. Библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», описание электронных ресурсов – по ГОСТ 7.82-2001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления». Источники на иностранных языках приводятся после отечественных. Фамилии иностранных авторов даются в оригинальной транскрипции. Ссылки на литературу должны быть указаны в квадратных скобках [номер источника из списка литературы, цитируемые страницы]. За правильность приведенных в библиографическом списке данных ответственность несут авторы.

12. Редакция оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку без искажения смысла. На всех стадиях работы с рукописями для связи с авторами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса. Статья, нуждающаяся в доработке, направляется автору с замечаниями рецензента и научного редактора. Автор должен учесть все замечания, сделанные в процессе рецензирования и редактирования статьи, ответить на каждое из замечаний; в случае несогласия с рецензентом или редактором кратко и четко обосновать свою позицию. В случае отказа от публикации авторам представленных материалов направляется копия рецензии. Прошедшая редакционную обработку статья высылается автору в pdf-формате для согласования. При отсутствии ответа от автора материал не может быть опубликован и остается в редакционном портфеле до получения ответа.

Редакция обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Редакция обеспечивает постоянное хранение публикуемых научных статей и их доступность.

При нарушении автором условий статья отклоняется от публикации и затраченные средства не возмещаются.

Адрес редакции: 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, к. 201. **Тел./факс:** (351) 263-28-45; 263-94-67.
E-mail: vestnik@chgaki.ru

Научное издание

**ВЕСТНИК
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

2017 / 3 (51)

Сдано в РИО 01.09.2017
Формат 60x84 1/8
Заказ № 1650

Подписано в печать 10.10.2017
Объем 20 п. л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры. Ризограф
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а